

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

38 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (641) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Гель Иванович Громов* — персонаж фантастических повестей Евгения Велтистова «Электроник — мальчик из чемодана» (1964) и «Победитель невозможного» (1975), по мотивам которых снят телефильм «Приключения Электроника» (1979), профессор, талантливый советский ученый-кибернетик, создатель робота по имени Электроник.

Много лет Громов посвятил работе над искусственным интеллектом и создал самообучающегося робота, способного решать сложные задачи, запоминать информацию и выполнять различные действия. Профессор глубоко переживает за свое творение и чувствует ответственность за него. В повести он осознает, что не заложил в робота способность смеяться и полноценно выражать эмоции, и это становится важным моментом в развитии сюжета.

Внешность Электроника была скопирована с фотографии семиклассника Сережи Сыроежкина, которую профессор случайно увидел в детском журнале.

Однажды, когда Громов подключал робота к розетке для подзарядки в гостинице, он по рассеянности использовал слишком высокое напряжение. Электроник получил перезаряд, испытал дискомфорт, выкрикнул: «Я не хочу!» и, выпрыгнув в окно, убежал в город.

Профессор начал поиски, но столкнулся с трудностью: робот ничем не отличался от обычных людей, и найти его в большом городе было непросто. По счастливой случайности Электроник встретил своего прототипа — того самого Сережу Сыроежкина, и они подружились.

В итоге Громов решил оставить Электроника в школе, чтобы тот помогал ученикам и учителям. В финале повести профессор наблюдает за дружбой Сережи и Электроника с улыбкой, понимая, что его создание обрело смысл жизни.

В телефильме «Приключения Электроника» (1979) режиссера Константина Бромберга роль профессора Громова исполнил актер Николай Гринько.

Первым пробовался на роль профессора Громова Ростислав Плятт, но он показался Бромбергу слишком вальжным. Мог стать Громовым и Бруно Фрейндлих, но вмешалась судьба: сразу после проб актер заболел. Худсовет

Одесской киностудии, на которой был запущен в производство фильм, уговаривал режиссера утвердить на эту роль Владимира Этуша, который до этого удачно снялся в других «приключениях» — «Буратино». Но Бромберг уперся, считая, что Этуш чересчур ярок для этой роли.

Изобретателем Электроника мог стать и «почетный Мюллер Советского Союза» — Леонид Броневой. Он очень хотел сняться в фильме по таким замечательным книгам и рвался «строить роботов-пацанов», но умудрился так разругаться по «творческо-кибернетическим» вопросам с оператором-постановщиком фильма, что режиссер не рискнул оставить Броневского, дабы не осложнять климат в уже сложившемся коллективе творцов.

В итоге Громовым стал Николай Гринько. Но и с ним было не все так просто. Великий актер только что снялся у Андрея Тарковского в серьезной философско-фантастической картине «Сталкер», причем тоже в роли профессора. Понятно, что после такой работы детский фильм не слишком привлекал Гринько, но, поскольку актер был в штате Одесской киностудии, его обязали сниматься. Однако Николаю Григорьевичу так понравилась роль, работа с детьми и съемки «Электроника», что он впоследствии с большим удовольствием выступал с этим фильмом на творческих вечерах.

В 1981 году фильм был удостоен приза девятого Всесоюзного фестиваля телефильмов, который прошел в Ереване. В следующем, 1982 году режиссер картины Константин Бромберг, оператор-постановщик Александр Полянников и сценарист Евгений Велтистов стали лауреатами Государственной премии СССР.

По состоянию на 2009 год искусствоведами было защищено 12 диссертаций, посвященных этому фильму. По результатам опроса, проведенного журналом «Русский репортер» в 2014 году, «Приключения Электроника» вошли в сотню самых популярных у россиян фильмов всех времен и народов. Картина заняла 42-ю позицию, за нее голосовали преимущественно респонденты от 26 до 45 лет.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агапова Э. А.

Историко-правовые предпосылки формирования института разумного срока судопроизводства71

Агапова Э. А.

Содержание права на разумный срок судопроизводства и исполнения судебного акта: доктринальный анализ.....73

Волгин А. И.

Цели и задачи прокурорского надзора за соблюдением прав многодетных семей76

Волина Е. В.

Личные неимущественные права ребёнка как объект семейно-правовой защиты. Роль и пределы семейно-правовой ответственности.....78

Волкова К. Д.

Процедурные аспекты обращения арестованного имущества в собственность Российской Федерации81

Вольф А. А.

Исключительные интеллектуальные права на базы данных в России и странах зарубежья.....84

Дегтярёв Р. И.

К вопросу о праве народов на самоопределение.....87

Дудко А. В.

Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическому лицу: предмет доказывания и критерии определения размера90

Елшин Н. В.

Принципы, заложенные в международно-правовых стандартах обращения с осуждёнными93

Ершова И. В.

Механизм защиты наследственных прав: принципы, формы и способы95

Ибрагимова Ш. И.

Понятие интересов государства как предмета правовой защиты от внешнего вмешательства органов прокуратуры97

Иванова К. Ю.

К вопросу о практической реализации принципа состязательности сторон на стадии возбуждения уголовного дела99

Кашкарова О. С.

Федеральный государственный надзор за маломерными судами..... 102

Козлов Д. В.

Договор строительного подряда: теория и практика 105

Колотова А. П.

Правовой режим долей и акций после смерти супруга — участника хозяйственного общества 107

Крутилова М. Ю.

Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности в корпорации: проблемные стороны на примере ООО «Яндекс» 110

Кумыкова В. А.

Совместное завещание супругов: проблемы законодательной конструкции нетипичной формы завещания 114

Махмутова А. А.

Практические проблемы совершенствования механизмов судебной защиты жилищных прав граждан в процессе судопроизводства... 117

Нестерова Е. Э.

Правовое регулирование контрактной системы в условиях цифровизации и обновления национального режима закупок 119

Новокрещин В. Р.

Проблемы перехода на сторону противника как новой формы государственной измены ... 121

Романчук Т. Г.

Проблемы правового регулирования и перспективы развития института представительства 122

Романчук Т. Г.

Институт представительства: общие начала
и перспективы их применения 126

Романчук Т. Г.

История развития института
представительства в российском
и зарубежном праве 128

Савина Н. И.

Техническая неисправность воздушного
судна как основание освобождения
перевозчика от ответственности
за задержку рейса 131

Сагитов В. Н.

Противодействие коррупции
в государственных и муниципальных
организациях 135

Сагитова Р. Ю.

Противодействие коррупции
в системе государственной и муниципальной
службы 137

Салтыков П. П.

Дополнительные работы по договору
строительного подряда: пределы права
подрядчика на оплату 139

Сергеева В. В.

Квазисубъектность искусственного
интеллекта как проблема судебного
доказывания: анализ судебной практики
2020–2026 годов 142

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Историко-правовые предпосылки формирования института разумного срока судопроизводства

Агапова Эмилия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Никитина Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье проведен анализ историко-правовых предпосылок формирования института разумного срока судопроизводства в России. В работе прослеживается эволюция нормативных подходов к проблеме длительности судебного разбирательства с дореволюционного периода до современности. Анализируются корни института, уходящие в древнеримскую концепцию и англосаксонскую доктрину «быстрого суда». Рассматривается трансформация подходов в советский период, когда акцент сместился на быстроту процесса, нередко в ущерб его качеству. Отдельное внимание уделено влиянию международных актов.

Ключевые слова: разумный срок, право на правосудие, ускорение судопроизводства, волокита, правовая определенность.

Конституционная гарантия судебной защиты, закрепленная в статье 46 Конституции Российской Федерации, была бы существенно обесценена, если бы судебное разбирательство или исполнение вынесенного решения длилось неопределенно долго. Как справедливо отмечается в зарубежной правовой доктрине, принцип *justice delayed is justice denied* (правосудие, отсроченное, есть правосудие, отказанное) имеет глубокие исторические корни [7]. В современном правовом порядке требование осуществления судопроизводства и исполнения судебных актов в разумный срок приобрело значение самостоятельного субъективного права, обладающего собственным содержанием наполнением и механизмами защиты.

Рассмотрение теоретико-правовых положений, касающихся исследуемого института разумного срока, необходимо начать с анализа историко-правовых предпосылок его формирования.

Идея ограничения времени судебного разбирательства не является изобретением современной эпохи. Исследователи истории права обнаруживают первые нормативные требования к скорости суда задолго до нашей эры. В древних правовых традициях, в частности, в талмудических трактатах («Пиркей Авот»), содержатся предписания судьям не затягивать разбирательство, дабы тяжущиеся не несли излишних убытков и не теряли веру в справедливость [11].

Однако системное развитие институт получил в Древнем Риме. Римское право выработало концепцию *celeritas* (скорость, проворство), которая представляла

собой требование к магистратам и судьям разрешать споры оперативно, без необоснованных проволочек [10].

Средневековая Англия подхватила идеи древнеримского права на быстрый суд. Нормативные акты того времени защищали граждан от произвола короны и ускоряли суд. Впоследствии именно англосаксонская традиция «быстрого суда» оказала значительное влияние на формирование ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [12] (Российская Федерация с 16 марта 2022 г. в ней не участвует), гарантирующей право на разбирательство дела в разумный срок.

В отечественном праве требование процессуальной оперативности прослеживается уже в Судебниках 1497 и 1550 годов, где употреблялся термин «не волокитно», что означало обязанность судей рассматривать дела без излишнего промедления, дабы тяжущиеся не несли дополнительных издержек [4].

Подлинная реформа в этой сфере связана с Судебными уставами 1864 года. Как отмечает Е. А. Борисова, поводом к началу масштабных законопроектных работ послужило конкретное судебное дело об имении и долгах коллежского регистратора Ивана Баташова. В 1848 году, столкнувшись с этим делом, которое тянулось чрезвычайно долго, Николай I оставил на его материалах пометку о том, что разбор причин такой непомерной медлительности наглядно обнажает все изъяны и пороки существовавшего тогда судопроизводства. Эта императорская резолюция и стала толчком к подготовке судебной реформы. Её главную цель Александр II сформулировал в Указе Прави-

тельствующему Сенату от 20 ноября 1864 года: утвердить в России суд, который был бы скорым, справедливым, милостивым и одинаковым для всех подданных [5].

Устав гражданского судопроизводства 1864 года сохранил отдельную главу «О сроках», что свидетельствует о выделении института в самостоятельный объект правового регулирования. Как указывает А. В. Белякова, Устав детально регламентировал вопросы назначения сроков, их продолжительности, исчисления, приостановления и восстановления. Важной новеллой стали нормы стимулирующего характера: пропуск срока судьей без уважительной причины мог повлечь дисциплинарные взыскания.

Дореволюционная доктрина придавала процессуальным срокам фундаментальное значение. Е. А. Нефедьев и К. Малышев подчеркивали: «...сроки устанавливаются законом для суда и сторон, для того чтобы процессуальные действия совершались вовремя» [3]. Е. В. Васильковский видел цель процессуальных сроков в упорядочении и ускорении производства по делу. Важнейшим достижением дореволюционной мысли стало понимание того, что сроки обеспечивают не только быстроту, но и правовую определенность в материальных и процессуальных отношениях. Как отмечает в своем исследовании А. А. Дворецкий, дореволюционная доктрина относилась к срокам как к гарантии стабильности гражданского оборота [6].

После революции 1917 года подход к процессуальным срокам существенно трансформировался. Задачи судопроизводства были переориентированы на защиту общественного (социалистического) строя, а требование «быстроты» стало доминировать над требованием «правой» справедливости.

ГПК РСФСР 1923 года, как и последующие кодексы, закреплял процессуальные сроки, однако, как замечает А. В. Белякова, самостоятельным правовым институтом они не считались, воспринимаясь лишь как часть общих задач судопроизводства. Ученые того времени (А. Г. Гойхбарг, С. Н. Абрамов) определяли процессуальный срок как время для совершения действий судом или участниками процесса. При этом С. Н. Абрамов сделал важное теоретическое разграничение: он отделял сроки на совершение отдельных действий от сроков, установленных для деятельности суда как органа власти (например, сроки разрешения категорий дел) [13].

Однако, как показывает анализ Б. И. Назипова, в советский период наметилось опасное противоречие: погоня за оперативностью (дела рассматривались в 5–20 дней) нередко приводила к снижению качества судебных решений и их последующей отмене. Высшие судебные инстанции (Верховный Суд РСФСР в 1929 г., Пленум ВС СССР в 1935 г.) вынуждены были указывать на необходимость надлежащей подготовки дел, предостерегая от чрезмерного ускорения, порождающего поверхностные решения [8].

С принятием «Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1961 года и ГПК РСФСР 1964 года появились четко очерченные временные

рамки для разбирательства дел — к примеру, в суде первой инстанции оно должно было завершаться в течение месяца. Это внесло в процесс большую определенность. Вместе с тем, если следовать выводу А. А. Дворецкого, в советской доктрине назначение процессуальных сроков заметно сузилось: за ними закреплялась лишь вспомогательная роль — ускорять производство, поддерживать порядок и дисциплину. То, как их трактовали до революции — а именно как инструмент, обеспечивающий правовую определенность и устойчивость оборота, — из этой трактовки выпало [6].

Таким образом, к моменту принятия ГПК РФ и АПК РФ 2002 года российская правовая система подошла с богатым, но противоречивым историческим опытом: с одной стороны, была осознана необходимость сроков, с другой — отсутствовал комплексный механизм защиты права на судопроизводство в разумный срок как самостоятельного субъективного права, что потребовало его закрепления под влиянием международно-правовых стандартов.

Современное понимание права на судопроизводство в разумный срок во многом сложилось под воздействием международных норм. Ключевую роль здесь сыграла статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, закрепившая гарантию справедливого и открытого рассмотрения дела без неоправданных задержек. В отечественной юридической литературе высказывается мнение, что переломным моментом для российского правосознания, заставившим по-новому взглянуть на значимость данного института, стало решение ЕСПЧ, вынесенное в 2002 году по жалобе Бурдова против России, выявившее системные проблемы со сроками [7].

Второе постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» от 15 января 2009 года стало ключевым импульсом для создания внутригосударственного механизма защиты, в том числе и результатом принятия Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [9]. Европейский суд констатировал системную проблему, связанную с неэффективностью существовавших средств правовой защиты от задержек в исполнении судебных решений, и обязал Россию ввести действенный внутригосударственный механизм восстановления нарушенных прав.

В период до выхода России из Совета Европы позиция ЕСПЧ активно воспринималась российской судебной практикой, и с 2010-х годов Верховный Суд РФ при рассмотрении дел по жалобам на затягивание процесса всё чаще опирался на эти критерии [10]. Однако в связи с принятием Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» [2], которым была денонсирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения ЕСПЧ, принятые после 15 марта 2022 года, не подлежат испол-

нению на территории Российской Федерации, а правовые позиции, выработанные Европейским судом, утратили для России обязательный характер.

В настоящее время выработанные ЕСПЧ критерии сохраняют исключительно историко-правовое и доктринальное значение, однако не могут рассматриваться в качестве обязательных ориентиров для российской судебной практики, что ставит перед национальной правовой системой задачу выработки самостоятельных, внутренне со-

гласованных стандартов оценки разумности сроков судопроизводства и исполнения судебных актов.

И в итоге, в России формирование полноценного законодательного механизма защиты права на судопроизводство в разумный срок произошло 16 лет назад — с принятием в 2010 году вышеуказанного закона о компенсации. Однако, несмотря на более чем пятнадцатилетнюю практику применения, многие теоретические и практические вопросы сохранили свою остроту.

Литература:

1. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета от 4 мая 2010 г. № 94.
2. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.
3. Белякова, А. В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации. — М.: Юстицинформ, 2020. — С. 102.
4. Бормотова, Л. В. Разумность сроков уголовного судопроизводства — частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. — 2024. — № 9. — С. 1–16.
5. Бунина, М.Ю., Кудинов, В. В. Эволюция процессуальных сроков в российском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 6(234). — С. 211–215.
6. Дворецкий, А. А. Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 11–28.
7. Лазаренко, Л. Б., Моцная, Ю. Н. Разумные сроки в арбитражном судопроизводстве: история развития института и вопросы применения на современном этапе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2025. — № 6. — С. 17–21.
8. Назипов, Б. И. «Разумный срок» в российском гражданском процессуальном праве // Молодой ученый. — 2025. — № 42 (593). — С. 238–240.
9. Никитина, А. В. Европейские правовые ценности в решениях конституционного суда Российской Федерации (на примере права на судебное разбирательство в разумный срок) // Lex Russica (Русский закон). — 2012. — Т. 71. — № 4. — С. 615–650.
10. Разумные сроки в арбитражном судопроизводстве // Ассоциация юристов России». — URL: <https://alrf.ru/articles/razumnye-sroki-v-arbitrazhnom-sudoproizvodstve/#menu-item-2> (дата обращения: 02.02.2026).
11. Burstyn, N., Sourdin, T. Justice Delayed is Justice Denied // Victoria University Law and Justice Journal. — 2015. — Vol. 4, Iss. 1. — P. 46–60.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
13. Абрамов, С.Н. Гражданский процесс. М., 1948. — С. 248.

Содержание права на разумный срок судопроизводства и исполнения судебного акта: доктринальный анализ

Агапова Эмилия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Никитина Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье проведен доктринальный анализ содержания права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок в качестве фундаментальной гарантии права на доступ к правосудию. Также структурируются основные теоретические подходы к определению понятия «разумный срок», сложившиеся в современной науке. Рассматривается дискуссия о возможности отнесения разумного срока к принципам права, оценочным понятиям либо процессуальным гарантиям. Также подробно анализируются критерии, применяемые для оценки разумности срока, и их интерпретация в рамках правовой доктрины.

Ключевые слова: разумный срок, право на правосудие, критерии разумности срока, компенсация за нарушение разумного срока.

В правовой доктрине не сложилось единого подхода к определению понятия «разумный срок судопроизводства», что объясняется оценочной природой данной категории. Изучение теоретических источников дает возможность выделить ряд ключевых концепций в ее понимании.

З. И. Цыбуленко определяет разумный срок как «объективно необходимый и возможный для исполнения срок» [6]. Следуя данной позиции, разумность включает в себя обусловленную сущностью правоотношения объективную потребность и возможность её реализации в соответствии с конкретными обстоятельствами.

По мнению А. В. Беляковой с процессуальной точки зрения указанный срок — это «время, начинающее свое течение с момента поступления иска в суд первой инстанции и заканчивающееся моментом вступления в законную силу судебного акта рассмотренного по существу дела, включая время рассмотрения дела при его пересмотре» [3]. В данном случае акцент сделан на установлении строгих временных границ действия указанного права.

В части оценки срока на предмет его разумности Г. А. Жилин указывал на необходимость соблюдения баланса прав и интересов участников судебного процесса. Его позиция сводится к тому, что разумный срок предполагает включение всех процессуальных действий сторон разбирательства при условии соблюдения установленных законом временных рамок [7]. Из данной позиции следует, что суть разумности сроков состоит в исключении двух факторов: необоснованной задержки вступления решения в законную силу и излишне затруднительных условий для обращения с жалобой.

Точка зрения Н. В. Козловой и Т. А. Мухиной относительно разумности срока заключается в процессе осуществления процессуальных и организационных мероприятий в период от подачи иска до итогового судебного акта по определенному делу. Предполагается, что указанные мероприятия должны быть необходимыми, а не излишним. Соответственно, они будут считаться оправданными, если вызваны объективными причинами, правовой и фактической сложностью дела или поведением участников процесса, а не бездействием суда [8].

Также существует проблема неопределенности правовой природы разумного срока.

А. В. Никитина отмечает, что право на рассмотрение дела в разумный срок является общепризнанным правом каждого. Ученая рассматривает право на рассмотрение дела в разумный срок с точки зрения неотъемлемого элемента, гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту, а также как одну из гарантий, обеспечивающих справедливое судопроизводство [10].

Подвергая сомнению статус разумного срока как принципа права А. В. Белякова указывала, что данное понятие

обладает оценочным характером и применимо в основной степени в рамках процедуры присуждения компенсации за нарушение сроков. В то же время принципом права, определяющим основы построения судебной системы, следует считать более широкую категорию — принцип разумности [4].

Автор систематизирует существующие подходы к пониманию принципа разумности, выделяя три основных подхода. Согласно материально-правовому подходу, данный принцип относится к сфере гражданского права. Процессуальный подход трактует его двояко: либо через категорию «разумного срока» для оценки длительности судопроизводства, либо как отраслевой принцип. Общеправовой подход, в свою очередь, возводит принцип разумности в ранг межотраслевых (общеправовых) начал.

А. Е. Гончаров критически оценивает возможность признания разумного срока отраслевым принципом, поскольку данная категория «не обладает значительной устойчивостью и содержит невысокий уровень обобщения и абстрагирования нормативных предписаний, что не соответствует признакам правового принципа». Исследователь предлагает рассматривать разумный срок как «обеспечивающуюся специальными взаимосвязанными правовыми механизмами процессуальную гарантию прав участников процесса» [5].

Анализ доктрины позволяет выделить два самостоятельных, но взаимосвязанных правомочия в составе исследуемого права. Первое, это само судопроизводство в разумный срок. Вторым структурным элементом выступает право на исполнение судебного акта в разумный срок.

Вследствие отсутствия официального определения «разумного срока», законодатель в ст. 6.1 Гражданского процессуального кодекса РФ и корреспондирующих нормах других процессуальных кодексов установил критерии, которыми должен руководствоваться суд при определении разумности срока [1].

По мнению Е. В. Рябцевой, правовая природа разумности процессуальных сроков раскрывается через требование соразмерности. Соразмерность подразумевает пропорциональность общей длительности судебного разбирательства определенным объективным и субъективным обстоятельствам конкретного дела.

В. В. Момотов, рассматривая право на судопроизводство в разумный срок, приходит к выводу, что скорость судебного разбирательства не может являться ориентиром разумности срока судопроизводства. При этом суд должен искать баланс, так называемую «золотую середину» между короткими процессуальными сроками рассмотрения дела и справедливым судебным разбирательством, соответственно полным исследованием всех доказательств [9]. Именно этот баланс он и называет разумным сроком.

Н. В. Ткачева, рассматривая феномен разумного срока судопроизводства, не выводя его определения, выделяет следующие его дополнительные критерии, которые бы исключали возможность его произвольной оценки [12].

В качестве основополагающего критерия при оценке разумности срока судопроизводства выступает правовая и фактическая сложность дела. Указанный критерий включает характер спорных правоотношений, составляющих предмет судебного разбирательства, и степень сложности установления фактических обстоятельств, включая необходимость назначения экспертиз, объем доказательственной базы, множественность участников судебного процесса. Данные обстоятельства существенно влияют на срок рассмотрения дела и безусловно должны учитываться при его оценке на предмет разумности.

Вторым критерием выступает поведение сторон, которое также подлежит оценке на предмет его влияния на сроки рассмотрения дела. Нельзя не отметить тот факт, что участники дела нередко злоупотребляют своими процессуальными правами, например, путем заявления необоснованных ходатайств или затягивания процесса ознакомления с делом, что несомненно приводит к увеличению сроков судебного разбирательства. Однако указанные действия сторон сами по себе не могут являться достаточным основанием для вывода о нарушении судом права на разумный срок, поскольку суд не отвечает за процессуальную недобросовестность сторон.

При этом, если же судебный процесс затягивается по инициативе суда, например, необъективное распределение или объединение дел, смена судей, приостановка, многочисленные безосновательные переносы, то такие факты свидетельствуют о нарушении разумности срока судебного разбирательства.

Третьим критерием является активность суда, то есть достаточность и эффективность его действий. В связи с тем, что в обязанности суда входит в том числе процесс организации разбирательства, степень достаточности и эффективности действий суда также подлежит оценке, поскольку бездействие суда может повлечь нарушение прав участников дела на разумный срок. При этом, отсутствие со стороны суда необходимых процессу-

альных действий, вызванное внутренними проблемами судебной системы, не оправдывает нарушение сроков — соответствующие риски и связанная с ними ответственность возложены на государство. Соответственно, если суд безосновательно будет откладывать судебные заседания, постоянно назначать и проводить экспертизы, то есть дублировать и перепроверять постоянно одну и ту же информацию без требования к такой необходимости, то эти действия могут быть расценены как избыточные, соответственно это может считаться как неэффективность суда.

Четвертый критерий — общая длительность процесса с момента подачи иска до финального решения.

Указанные критерии коррелируют с подходами, выработанными в практике судов.

В Определении Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1211-О-О подчеркивается, что понятия «разумный срок» и «исключительный случай», как и всякие оценочные понятия, находятся в зависимости от фактических обстоятельств дела. Однако они не являются настолько неопределенными, чтобы не понимать, как их правильно применять [2].

Резюмируя доктринальные подходы, можно выделить следующие сущностные характеристики права на разумный срок судопроизводства и исполнения судебного акта:

- Многокомпонентная правовая природа: право включает как процессуальный (своевременность рассмотрения), так и материально-правовой (компенсация за нарушение) компоненты.
- Оценочный характер: разумный срок не имеет фиксированного временного выражения и определяется совокупностью объективных и субъективных факторов.
- Гарантийная функция: разумность срока, закрепленная в процессуальных кодексах, является гарантией реализации конституционного права на судебную защиту.
- Баланс интересов: содержание права предполагает учет интересов всех участников процесса и публичного интереса в отправлении правосудия.
- Двухединая структура: право включает правомочие на разрешение дела в разумный срок и правомочие на исполнение судебного акта в разумный срок.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета от 20 ноября 2002 г. № 220.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1211-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багатурии Вадима Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 6.1, 37, 123, 124 и 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-B&n=162747#iyetaEVkJekUf7E11> (дата обращения: 05.04.2026).
3. Белякова А. В. Соотношение понятий «своевременность» и «разумный срок судопроизводства» в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Право и экономика. 2014. № 4(314). С. 74–79.
4. Белякова А. В. Правовая категория «разумный срок» в системе процессуальных сроков в гражданском и арбитражном процессе // Адвокат. 2014. № 2. С. 10–16.

5. Гончаров А. Е. «Разумный срок судопроизводства»: сущность и место в системе гражданского процессуального права // URL:<https://conf.siblu.ru/razumnyy-srok-sudoproizvodstva-sushchnost-i-mesto-v-sisteme-grazhdanskogo-processualnogo-prava> (дата обращения: 05.04.2026).
6. Гражданское право России. Часть первая: Учебник / Антипов Н. П., канд. юрид. наук, проф., Баринов Н. А., д-р юрид. наук, проф., Быкова Т. А., канд. юрид. наук, доц. и др.; Под ред. д-ра юрид. наук проф. З. И. Цыбуленко. — Москва: Юрист, 1998. — 459 с.
7. Жилин Г. А. Апелляция: полная и неполная // Юрист. 2003. № 21. С. 7–10.
8. Козлова Н. В., Мухина Т. А. О некоторых проблемах при рассмотрении дел о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Российский судья. 2011. № 1. С. 21–24.
9. Момотов В. В. Право на судопроизводство в разумный срок и компенсация за его нарушение как форма социальной ответственности государства // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 100–109.
10. Никитина А. В. Разумный срок судебного разбирательства и исполнения судебных актов: практика получения справедливой компенсации: монография / отв. ред. С. В. Нарутто. М.: Норма, Инфра-М, 2012. — 160 с.
11. Рябцева Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном процессе России // Уголовная юстиция: связь времен. Материалы международной научной конференции (6–8 августа 2010 года). 2010.
12. Ткачева Н. В. Разумный срок судебного разбирательства по уголовному делу // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3. С. 5–18.

Цели и задачи прокурорского надзора за соблюдением прав многодетных семей

Волгин Андрей Иванович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрываются цели и задачи прокурорского надзора за соблюдением прав многодетных семей. Определено основное назначение надзорной деятельности, заключающееся в обеспечении единообразного исполнения законодательства, предупреждении нарушений и фактическом восстановлении социальных, жилищных и земельных прав граждан. На материалах Саратовской области и Краснодарского края рассмотрены типичные нарушения, связанные с предоставлением земельных участков без необходимой инфраструктуры, необоснованным снятием семей с учета, ошибками информационных систем и незаконными отказами в назначении социальных выплат. Обоснована необходимость комплексной проверки всего механизма предоставления мер поддержки, анализа автоматизированных решений и устранения системных причин нарушений.

Ключевые слова: многодетная семья, прокурорский надзор, защита прав, государственная поддержка, земельные участки, социальные выплаты, информационные системы, прокурорское реагирование, восстановление нарушенных прав, органы прокуратуры.

Поддержка многодетных семей является одним из приоритетных направлений современной социальной и демографической политики России. Указом Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 впервые были установлены единые федеральные основы статуса многодетной семьи, к которой относится семья, имеющая трех и более детей [1]. По мнению Т. А. Анбрехт, законодательное закрепление данного понятия имеет принципиальное значение, поскольку от него непосредственно зависят равенство граждан и доступность мер социального обеспечения в разных субъектах РФ [3, с. 67].

Цель прокурорского надзора в рассматриваемой сфере состоит в обеспечении реального и единообразного исполнения законодательства, предупреждении нарушений, восстановлении прав многодетных семей и привлечении виновных лиц к ответственности. Указание Генерального прокурора РФ от 19 декабря 2024 г. № 938/7 требует организации комплексного и действенного надзора за ис-

полнением законов о государственной поддержке семей с детьми [2]. Основными задачами прокурора являются проверка законности региональных и муниципальных актов, решений органов социальной защиты и местного самоуправления; выявление незаконных отказов и административной волокиты; опротестование незаконных актов, внесение представлений и обращение в суд; контроль фактического исполнения принятых решений.

Одной из наиболее существенных проблем остается формальное обеспечение многодетных семей землей: участки предоставляются с длительной задержкой либо без дорог, водоснабжения и других инженерных сетей. М. Л. Огурцова справедливо отмечает, что наиболее острыми являются вопросы улучшения жилищных условий и индивидуального строительства на предоставленной земле. Автор также подчеркивает необходимость прокурорского вмешательства в случаях снятия семьи с учета вследствие достижения ребенком совершеннолетия, если

участок своевременно не предоставлен по причинам, не зависящим от семьи [4, с. 26].

Масштаб проблемы подтверждает практика Саратовской области. В 2025 г. прокуратурой выявлено свыше 150 нарушений, внесено более 45 представлений, принесено 35 протестов, к административной ответственности привлечено семь должностных лиц. В суд направлено 14 исков, причем все они рассмотрены и удовлетворены. В Балакове судебным решением на администрацию возложена обязанность обеспечить инфраструктурой 52 участка, предоставленных многодетным семьям [6]. В Краснодарском крае благодаря прокурорскому надзору только в первом полугодии 2025 г. многодетным семьям было предоставлено около тысячи участков [7]. В Успенском районе в 2026 г. суд полностью удовлетворил иск прокурора, признав незаконным формальный отказ в постановке семьи на учет; семье был предоставлен участок, обеспеченный инженерными сетями, а в адрес главы муниципалитета вынесено частное определение [8]. Кроме того, Краснодарский краевой суд признал недействующей региональную норму, позволявшую исключать семью из земельной очереди из-за изменения возраста ребенка [11].

Для решения проблемы целесообразно проводить прокурорские проверки не отдельных обращений, а всего процесса предоставления земли: сопоставлять земельную очередь, кадастровые сведения, муниципальные программы развития инфраструктуры и бюджетное финансирование. В актах реагирования следует ставить вопрос не только о формировании участков, но и об установлении сроков строительства дорог и инженерных сетей. Необходимо также систематически проверять региональные нормы на соответствие Указу № 63 и оспаривать положения, ухудшающие положение семей из-за длительного бездействия органов власти.

Второй проблемой являются отказы, вызванные ошибками информационных систем и недостаточным межведомственным взаимодействием. И. Д. Гайнов, А. Ш. Габдрахманов и С. А. Карнович относят к основным причинам нарушений неправильное применение законодательства, технические сбои автоматизированных систем и несвоевременный обмен информацией между органами власти [5, с. 348].

Так, в Саратовской области многодетной матери отказали в выплате из-за недостоверных сведений о месте проживания, содержащихся в информационной системе. После вмешательства прокуратуры семье перечислено более 150 тыс. руб. [9]. В Усть-Лабинском районе Краснодарского края пособие на шестерых детей не назначалось из-за отсутствия сведений о заработке отца. После прокурорской проверки семье выплачено около 700 тыс. руб. [10].

Для устранения подобных нарушений прокуратурам следует регулярно анализировать выборки автоматизированных отказов, особенно основанных на отсутствии или противоречии межведомственных сведений. Целесообразно закрепить в административных регламентах правило, согласно которому информационный сбой не может являться самостоятельным основанием для отказа до проведения ручной проверки и уведомления заявителя.

Таким образом, современный прокурорский надзор должен сочетать восстановление индивидуально нарушенного права с устранением системных причин нарушений. Приоритетными направлениями являются обеспечение многодетных семей реально пригодными земельными участками и предупреждение незаконных отказов в социальных выплатах. Именно фактическое восстановление прав семьи следует рассматривать как основной критерий эффективности прокурорской деятельности.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 23 января 2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 5. — Ст. 665.
2. Указание Генерального прокурора РФ от 19 декабря 2024 № 938/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением законов о государственной поддержке семей, имеющих детей» // Законность. — № 2. — 2025.
3. Анбрехт Т. А. Правовые средства обеспечения прав многодетных семей // Образование и право. 2024. № 11. С. 67–70.
4. Огурцова М. Л. Защита прокурором жилищных и земельных прав многодетных семей // Человек и закон. 2024. № 7. С. 25–29.
5. Гайнов И. Д., Габдрахманов А. Ш., Карнович С. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 4. С. 346–353.
6. Прокурор Саратовской области Сергей Филипенко держит на личном контроле вопросы соблюдения прав многодетных семей на получение земельных участков // Официальный сайт Прокуратуры Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/mass-media/news/main/e8362161/ (дата обращения: 24.08.2026).
7. В прокуратуре края состоялось заседание коллегии, посвященное итогам работы в 1 полугодии 2025 года // Официальный сайт Прокуратуры Краснодарского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_23/mass-media/news/main/e5862850/ (дата обращения: 24.08.2026).
8. В Успенском районе по инициативе прокуратуры многодетной семье участника специальной военной операции предоставлен земельный участок // Официальный сайт Прокуратуры Краснодарского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_23/mass-media/news/regional/e8470755/ (дата обращения: 24.08.2026).

9. Прокуратура Ленинского района города Саратова помогла многодетной семье получить положенные выплаты // Официальный сайт Прокуратуры Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/mass-media/news/regional/e8570463/ (дата обращения: 24.08.2026).
10. Прокуратура Усть-Лабинского района помогла многодетной семье участника специальной военной операции получить меры государственной поддержки // Официальный сайт Прокуратуры Краснодарского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_23/mass-media/news/regional/e8591247/ (дата обращения: 24.08.2026).
11. Суд защитил право многодетных семей на предоставление бесплатного земельного участка вне зависимости от возраста детей // Официальный сайт Краснодарского краевого суда. URL: https://kraevoi—krd.sudrf.ru/modules.php?did=386&name=press_dep&or=1 (дата обращения: 24.08.2026).

Личные неимущественные права ребёнка как объект семейно-правовой защиты. Роль и пределы семейно-правовой ответственности

Волина Екатерина Васильевна, студент магистратуры
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Статья посвящена анализу личных неимущественных прав ребёнка как самостоятельного объекта семейно-правовой защиты. Рассматривается правовая природа таких прав и их связь с нематериальными благами ребёнка, а также значение семейно-правовой ответственности для обеспечения их реальной защиты. Отдельное внимание уделено пределам применения мер ответственности к родителям. Чрезмерное или формальное вмешательство государства в семейную сферу способно нарушить баланс между автономией семьи и приоритетной защитой интересов ребёнка.

Ключевые слова: семейное право, ребёнок, личные неимущественные права, нематериальные блага, защита прав ребёнка, семейно-правовая ответственность, родительские права, лишение родительских прав, ограничение родительских прав.

Личные неимущественные права ребёнка занимают в семейном праве особое и, пожалуй, недооценённое место. Они не конвертируются в деньги, не отчуждаются, не передаются. Зато именно они определяют, каково ребёнку живётся на самом деле. Материальное содержание, жильё, алименты — это важно. Но не менее важно другое. Может ли ребёнок жить и воспитываться в семье, видеться с родителями, сохранять своё имя и индивидуальность, высказывать мнение без последствий, чувствовать себя в безопасности. Именно эти вещи формируют условия реального развития несовершеннолетнего, а не просто его формального содержания.

Статья 56 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет за ребёнком право на защиту его прав и законных интересов [2]. Формулировка кажется простой, но за ней стоит принципиальная позиция. Ребёнок — не объект родительской воли. Он самостоятельный носитель прав. Родители, органы опеки, прокурор и суд не замещают его правосубъектность. Они её обеспечивают, а не подменяют. Это разграничение на практике нередко стирается, и именно здесь начинаются злоупотребления.

В современной семейно-правовой доктрине всё настойчивее звучит мысль о том, что личные неимущественные права ребёнка надо анализировать через категорию нематериальных благ. Жизнь и здоровье, имя,

индивидуальность, частная жизнь, семейное воспитание, психологическое благополучие, нравственное и духовное развитие — всё это не абстракции. Как отмечает М. А. Геворгян, личные (неимущественные) права создают право-реализационный механизм для использования и защиты нематериальных благ [3, с. 13]. Это точное наблюдение. Право жить и воспитываться в семье защищает не юридическую конструкцию, а вполне конкретное благо — нормальную семейную среду, эмоциональную устойчивость, ощущение безопасности. Убери это благо — и само право становится пустой формой.

Вот в чём сложность семейно-правовой защиты. Нарушение личных неимущественных прав ребёнка почти никогда не выражается в рублях. Родитель ограничивает общение с другим родителем, игнорирует мнение ребёнка, втягивает его в свои конфликты, давит психологически, и всё это не оставляет никакого имущественного следа. Зато оставляет след в личности. Именно поэтому семейное право не может замкнуться на имущественных инструментах защиты. Оно обязано реагировать на нарушения личной сферы, иначе оно просто не справляется со своей функцией.

Приоритет защиты ребёнка давно стал международным стандартом. Согласно преамбуле Конвенции ООН о правах ребёнка, к которой Российская Федерация присоединилась в 1990 г., ребёнку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном

окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания [1]. Это не декларация ради декларации. Это содержательная оценка семейной среды. Важна не просто формальная полная семья, а способность этой семьи создать ребёнку реальные, безопасные условия для роста. Два родителя в одной квартире ещё не гарантируют ни счастья, ни понимания, и международное право это признаёт.

К похожим выводам ведут и сравнительно-правовые исследования. М. В. Громоздина, изучая российское и зарубежное законодательство, указывает, что несовершеннолетний ребёнок в системе детско-родительских отношений занимает определяющую позицию [4, с. 203]. Это меняет всю логику восприятия родительских прав. Они существуют не как власть над ребёнком, а как юридически оформленная обязанность действовать в его интересах. Родительское право на воспитание одновременно является и обязанностью. Родитель обязан осуществлять его так, чтобы не причинять вред достоинству ребёнка, его здоровью, развитию и безопасности. Когда это условие нарушается, право перестаёт быть правом и превращается в инструмент причинения вреда.

Именно здесь появляется вопрос о семейно-правовой ответственности. В широком смысле это система неблагоприятных последствий для участника семейных правоотношений, нарушившего семейные обязанности или злоупотребившего семейными правами. Применительно к ребёнку она носит прежде всего охранительный характер. Её цель — не наказание родителя само по себе. Цель — прекратить нарушение, устранить угрозу, вернуть ребёнку нормальные условия жизни. Это различие принципиально. Карательная логика и охранительная логика дают разные результаты, и смешивать их нельзя.

Конкретный набор мер включает лишение родительских прав, ограничение родительских прав, отобрание ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, взыскание алиментов, изменение порядка общения, передачу ребёнка другому родителю или иным лицам, а также участие органов опеки и попечительства. Меры разные по степени вмешательства в семью и по правовой природе. Их объединяет одно. Все они применяются тогда, когда обычное осуществление родительских прав перестаёт служить интересам ребёнка. Это и есть та граница, за которую государство вправе войти в семью. Не раньше, но и не позже.

Самой жёсткой мерой из всего набора семейно-правового воздействия остаётся лишение родительских прав. В научной литературе на этот счёт сложилось устойчивое понимание. М. В. Ульянова и другие исследователи семейного права фиксируют, что лишение родительских прав является исключительной мерой семейно-правовой ответственности родителей за виновное ненадлежащее осуществление родительских прав и обязанностей, когда исчерпаны другие способы воздействия на недобросовестных родителей, поведение которых является противоправным, нарушающим права и интересы несовершеннолетних детей [8, с. 260]. Исключительность этой меры

объясняется просто. Она затрагивает сразу два направления, затрагивая и родителя, и самого ребёнка. Разрыв правовой связи с отцом или матерью способен спасти несовершеннолетнего из опасной ситуации, однако одновременно полностью ломает его семейный уклад. Именно поэтому применение данной меры допустимо только при доказанной вине родителя и при условии, что никакие более мягкие инструменты уже не в состоянии обеспечить интересы ребёнка.

Семейный кодекс РФ связывает лишение родительских прав к закрытому перечню оснований. Среди них уклонение от выполнения родительских обязанностей, злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с детьми, хронический алкоголизм или наркомания, совершение умышленного преступления против жизни или здоровья детей, другого родителя либо иных членов семьи [2]. Законодатель таким образом очерчивает чёткую границу ответственности. Родитель не может лишиться прав только потому, что его воспитательная модель кажется соседям или даже органам опеки нестандартной. Нужны юридически значимые факты, подтверждающие реальную угрозу или грубое нарушение интересов ребёнка. Без этого никакого лишения прав быть не может. Это принципиально важный ограничитель произвольного вмешательства государства в семью.

Ограничение родительских прав устроено иначе. Это более гибкий инструмент. Он применяется в ситуациях, когда оставлять ребёнка с родителями опасно, однако оснований для лишения прав недостаточно или вина родителей не установлена. В этом и заключается принципиальный баланс семейного права. Ребёнка нужно защитить здесь и сейчас, но загонять родителя под крайнюю санкцию без надлежащих оснований несправедливо. Ограничение позволяет временно разорвать опасную бытовую связь, с возможностью восстановить нормальные отношения. Если родитель меняет поведение или исчезают обстоятельства, создававшие угрозу, семейные отношения могут быть восстановлены. На мой взгляд, именно эта мера в реальной правоприменительной практике используется недостаточно часто, хотя нередко могла бы стать оптимальным решением.

Пределы семейно-правовой ответственности важны прежде всего потому, что семья относится к сфере частной жизни. Государство не вправе произвольно вторгаться в неё, подменять родителей в вопросах воспитания или ставить под административный контроль каждое внутрисемейное решение. Но автономия семьи не является абсолютной. М. В. Ульянова, исследуя пределы осуществления семейных прав, справедливо замечает, что подлинная свобода осознаёт свои границы [7, с. 659]. Применительно к семейному праву это работает очень конкретно. Родительская свобода заканчивается ровно там, где начинается нарушение прав ребёнка.

Пределы ответственности проявляются в нескольких плоскостях. Нормативный предел состоит в том, что

любая мера воздействия должна быть прямо закреплена в законе и применяться только при наличии установленных оснований. Фактический предел требует, чтобы решение суда или органа опеки основывалось на доказательствах реальной угрозы, а не на предположениях или оценочных суждениях об образе жизни родителя. Целевой предел принципиально важен. Любая мера должна служить защите ребёнка, а не становиться инструментом в руках одного из родителей в бракоразводном споре. Наконец, предел соразмерности означает, что интенсивность вмешательства обязана соответствовать тяжести нарушения. Если применённая мера причиняет ребёнку больший вред, чем тот, от которого она призвана защитить, она теряет всякий смысл.

Отдельная проблема состоит в разграничении защиты и ответственности. Не каждая семейно-правовая мера является ответственностью в строгом смысле. Отобрание ребёнка при непосредственной угрозе жизни или здоровью может применяться срочно, без окончательной оценки вины родителей. Здесь доминирует защитная функция. Лишение родительских прав, напротив, прямо связано с виновным поведением и несёт в себе именно ответственность. Смещение этих двух механизмов в правоприменении опасно. Если защитные меры используются как наказание, нарушается принцип справедливости. Если же ответственность подменяется мягкой защитной реакцией там, где ситуация требует жёсткого решения, ребёнок остаётся в опасной среде. Оба сценария плохи, и практика, к сожалению, знает примеры обоих.

Отдельного внимания заслуживает злоупотребление родительскими правами. Формально родитель вправе определять образование ребёнка, место его проживания, круг общения. Эти полномочия закреплены законом. Но когда те же самые права используются для давления на ребёнка, его изоляции от другого родителя, формирования страха, вовлечения в конфликт взрослых или подавления его мнения, это уже не осуществление права, а выход за его пределы. Родительское право в такой ситуации превращается в прикрытия для нарушения личных неимущественных прав несовершеннолетнего. Семейно-правовая ответственность в подобных случаях выполняет не карательную, а корректирующую роль. Она указывает границу, за которой родительское право прекращает быть правом.

На практике доказать такие нарушения крайне сложно. Физическое насилие, задолженность по алиментам или оставление ребёнка без присмотра фиксируются документально относительно легко. Справки, акты, медицинские заключения, выписки из банка. Психологическое давление, манипулирование привязанностью ребёнка, систематическое игнорирование его мнения, целенаправленное разрушение связи с близкими родственниками выявить несравнимо сложнее. Здесь документ сам по себе ничего не решает. Именно поэтому защита личных неимущественных прав ребёнка требует комплексного подхода

с участием суда, органов опеки, педагогов, психологов, медицинских специалистов, а в ряде случаев прокурора и комиссии по делам несовершеннолетних. Разрозненные усилия отдельных ведомств в таких делах, как правило, не дают результата.

Современная тенденция очевидна. Ребёнок постепенно перестаёт быть пассивным участником семейного спора. Его мнение должно учитываться содержательно, а не для галочки. Но здесь есть важная оговорка. Учёт мнения ребёнка не означает автоматического следования его желанию, потому что это желание нередко оказывается результатом давления одного из родителей. Именно в этом и состоит реальная задача суда. Установить подлинный интерес несовершеннолетнего, сопоставив его высказанное мнение с конкретными обстоятельствами дела, возрастом, уровнем зрелости, характером семейных отношений и возможными рисками. Это непросто. Но именно такой подход отличает правосудие от формального делопроизводства.

Роль семейно-правовой ответственности в этом контексте можно определить как охранительно-восстановительную. Причём восстановительная составляющая здесь не менее важна, чем карательная. Ответственность должна не просто пресекать нарушения, но и создавать условия для возврата семейных отношений в рабочее состояние. Ограничение родительских прав, например, может сопровождаться обязанностью пройти курс психологической реабилитации, сменить место жительства или регулярно отчитываться перед органами опеки. Взыскание алиментов решает не только вопрос денег на еду и одежду, но фиксирует юридически признанную обязанность родителя присутствовать в жизни ребёнка, пусть даже минимально. Порядок общения с несовершеннолетним должен выстраиваться исходя из его эмоциональной безопасности. Не из расписания работы родителя, не из его личного удобства, а именно из интересов ребёнка. Это принципиальный момент, который суды, к сожалению, учитывают непоследовательно.

При этом бесконтрольное расширение семейно-правовой ответственности несёт некоторые риски. Слишком широкое толкование интересов ребёнка открывает путь к произвольному вмешательству государства в частную жизнь семьи. Размытая формула может оправдать практически любое решение суда или органа опеки, что само по себе уже нарушение правовых принципов. Граница между ненадлежащим осуществлением родительских прав, злоупотреблением ими и обычным семейным конфликтом в действующей практике нередко стирается. Между тем это принципиально разные ситуации. Конфликт из-за школы или режима дня ребёнка не требует санкций, он требует медиации и организационных решений. Злоупотребление правами требует ограничений. Законодательству и судам необходимо наконец провести эти разграничения чётко, закрепив их в конкретных критериях, а не оставляя на усмотрение конкретного судьи в конкретном заседании.

Совершенствование семейно-правовой защиты личных неимущественных прав ребёнка требует движения сразу по нескольким направлениям. Первое, доктрина нематериальных благ ребёнка должна получить прямое отражение в судебной практике, а не существовать только в научных работах. Второе, критерии оценки психологического вреда и злоупотребления родительскими правами нуждаются в конкретизации, желательно с опорой на устойчивые психологические стандарты, признанные профессиональным сообществом. Третье, комбинированные меры, когда ограничение или лишение прав сочетается с реальными программами исправления ситуации, должны применяться шире там, где это объективно отвечает интересам несовершеннолетнего. Наконец, процессуальные гарантии участия самого ребёнка в делах, касающихся его личной сферы, необходимо укреплять. Сегодня ребёнок слишком часто остаётся объектом спора, а не его участником.

Таким образом, личные неимущественные права ребёнка занимают особое место среди объектов семейно-правовой защиты. Пожалуй, наиболее уязвимое место. Они охраняют не имущество и не формальный статус, а то, что составляет саму основу нормального развития несовершеннолетнего: семью, безопасность, индивидуальность, частную жизнь, право на собственное мнение, эмоциональное и нравственное благополучие. Семейно-правовая ответственность выступает здесь ключевым инструментом защиты, однако её применение обязано оставаться соразмерным, доказанным и ориентированным на интересы именно ребёнка, а не на удобство системы или родителей. Эффективная модель защиты в этой сфере возможна только при удержании баланса трёх начал: автономии семьи, государственного контроля и безусловного приоритета прав несовершеннолетнего. Смещение в любую сторону ведёт к перекосам, которые сами по себе становятся источником вреда.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Геворгян М. А. Нематериальные блага ребенка в семейном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2022. 212 с.
4. Громоздина М. В. Детско-родительские отношения: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2025. Т. 80. № 3. С. 203–215.
5. Лозина Ю. А. и др. Семейное право: учеб. пособие / под общ. ред. Ю. А. Лозиной. Санкт-Петербург, 2024. 144 с.
6. Тихонов В. Н., Гумеров Р. Р. Правовая сущность и отличительные признаки семейно-правовой ответственности // Теория и практика современной науки. 2016. № 12 (18). С. 312–315.
7. Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 658–682.
8. Юрина А. В. Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности // Молодой ученый. 2017. № 46 (180). С. 258–261.

Процедурные аспекты обращения арестованного имущества в собственность Российской Федерации

Волкова Ксения Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Олейник Ирина Ивановна, доктор юридических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье проводится анализ механизма обращения арестованного имущества в собственность Российской Федерации в рамках исполнительного судопроизводства. Особое внимание автор уделяет этапам процедуры от наложения ареста до передачи средств в федеральный бюджет. Открытые статистические данные Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Федеральной службы судебных приставов и смежных ведомств за период 2025 года выявляют системные проблемы межведомственного взаимодействия, требующие осмысления и законодательного реагирования.

Ключевые слова: исполнительное производство, арест имущества, обращение в доход государства, Федеральная служба судебных приставов, Росимущество.

Procedural aspects of handling seized property into the ownership of the Russian Federation

Volkova Ksenia Dmitrievna, master’s degree student
Scientific advisor: Oleinik Irina Ivanovna, doctor of law, professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article analyzes the mechanism of conversion of seized property into the property of the Russian Federation in the framework of enforcement proceedings. The author pays special attention to the stages of the procedure from the seizure to the transfer of funds to the federal budget. Open statistical data from the Federal Agency for State Property Management, the Federal Bailiff Service and related agencies for the period 2025 reveal systemic problems that require reflection and legislative response.
Keywords: enforcement proceedings, seizure of property, appeal to the state revenue, Federal Bailiff Service, Federal Property Management Agency.

Актуальность научного исследования анализа механизма обращения арестованного имущества в собственность Российской Федерации обусловлена сохраняющейся тенденцией увеличения масштабов исполнительного производства по делам о конфискации имущества, низкой эффективностью реализации, проблемами вовлечения в оборот и ведомственной розобщенностью.

В соответствии с информацией, представленной в итоговом докладе о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2025 году в рамках исполнительных производств, возбужденных в результате нарушения административного законодательства Российской Федерации, в 2025 году исполнено 57.5 тыс судебных актов о конфискации имущества, что на 7 % больше, чем за аналогичный период 2024 г. Кроме того в ходе почти 528 тыс. исполнительных производств произведен арест имущества должников, общая стоимость переданного на реализацию арестованного имущества в сравнении с 2024 годом увеличилась на 11,48 % и составила 224,3 млрд. руб. (в 2024 году — 201,2 млрд. руб.). [6].

Также необходимо отметить, что по состоянию на III квартал 2025 года на учете Росимущества находилось 43 544 объекта имущества, стоимость арестованного имущества составила 12,4 млрд руб., при этом фактически обращено в доход государства — лишь 1,1 млрд руб., что составляет около 9 %. [1].

В отчете Счетной палаты Российской Федерации прослеживается проблема вовлечения арестованного имущества в оборот. По данным из отчёта по состоянию на 1 июля 2025 года Росимуществом получены сведения о 8 776 объектах коррупционного недвижимого имущества на сумму 113,2 млрд руб. По данным дашборда сервиса ФИОЛ Росимущества лишь 8 % из них обращены в хозяйственный оборот. [4].

Процедурный аспект арестованного имущества представляет собой сложный многоуровневый процесс, строго регламентированный российским законодательством. Важно отметить, что сфера реализации арестованного имущества является многокомпонентной и не попадает под единый свод законов, принятых в Российской Федерации, что в свою очередь создает систему разграничения границ полномочий и ответственности между государственными органами. Соответственно сфера реализации арестованного имущества регламентируется совокупностью норм российского законодательства.

Основанием для начала процедурного аспекта реализации арестованного имущества является определение/решение суда с последующим возбуждением исполнительного производства.

Полный цикл обращения арестованного имущества в собственность государства в рамках исполнительного производства можно представить в виде следующих ключевых этапах:

Этап	Субъект	Срок (нормативный)
1. Поступление исполнительного документа	Суд → ФССП	3 дня
2. Возбуждение исполнительного производства	Судебный пристав-исполнитель	3 дня
3. Выявление и арест имущества	ФССП	2 месяца
4. Оценка имущества	Оценочная организация	30 дней
5. Передача Росимуществу	ФССП → Росимущество	30 дней
6. Реализация с торгов	Росимущество	2 месяца
7. Зачисление в бюджет	Казначейство	5 дней

По результатам работы в Управлении имущественных отношений и приватизации крупнейших организаций Росимущества установлено, что фактические сроки реализации процедур обращения арестованного имущества

в собственность Российской Федерации превышают нормативные сроки, установленные Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [5].

Системные задержки происходят на следующих этапах:

- Поступление исполнительного производства.

На данном этапе сроки могут варьировать. Фактически, имущество, арестованное следствием, не передается приставам до момента вступления решения в силу, что в свою очередь может привести к выбытию имущества, имущественных прав и порче.

- Передача Росимуществу.

Данный этап представляется одним из самых трудоемких и затяжных в процессе обращения арестованного имущества ввиду сложной процедуры, включающей физическое изъятие имущества, организацию хранения, подготовку пакета документов и подписание акта приема-передачи между ФССП и Росимуществом. Нормативный срок на данном этапе не всегда соответствует нормативному. При ненадлежащем состоянии, отсутствии ряда документов Росимущество вправе отказать в приеме имущества. В свою очередь затягивание приема имущества на баланс Росимуществва ведет к потере контроля над частью стоимости активов.

- Проведение оценки и реализация с торгов.

На основе личного опыта работы в Управлении имущественных отношений и приватизации крупнейших организаций Росимущества приведу два кейса, демонстрирующих сложности при реализации имущества.

Кейс № 1. ООО «Южгазэнерджи» и ООО «Кейтеринг-Юг».

В ноябре 2025 года Росимущество объявило о проведении продажи на аукционах крупных корпоративных активов, обращенных в доход Российской Федерации в судебном порядке. На торги в том числе выставлены 100 % долей в уставных капиталах ООО «Южгазэнерджи» и ООО «Кейтеринг-Юг», обращенных в собственность Российской Федерации на основании решения Кошехабльского районного суда от 5 марта 2024 г. Начальная стоимость — 3 968 550 000 руб. Судом при конфискации была проведена оценка и выставлена стоимость в 5,1 млрд. руб. Разница между оценкой суда и стартовой ценой аукциона Росимущества составляет 1, 13 млрд. руб., что составляет 22 %.

Завершившиеся 29 ноября 2025 г. торги не состоялись в связи с отсутствием заявок [1].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что разрыв между оценкой при конфискации и оценкой перед началом торгов ведет к потере более 20 % стоимости активов еще до начала аукциона.

Кейс № 1. Аэропорт «Домодедово».

В соответствии с решением Арбитражного суда Московской области от 17.06.2025 по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации в пользу Российской Федерации обращено 100 % долей 25 юридических лиц (далее-Общества). Оценка при конфискации Генеральной

прокуратурой не раскрывалась. Полномочия единственного участника Обществ в соответствии с Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Положением о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 432, осуществляет Росимущество.

Стартовая цена аукциона, объявленного Росимуществом в январе 2026 года составила 132,266 млрд руб. торги, не состоялись из-за отсутствия заявок. Росимуществом принято решение провести повторный аукцион с понижением начальной стоимости. В феврале 2026 года Международный аэропорт «Шереметьево» выиграл торги по продаже аэропорта «Домодедово». Сумма 100 % долей составила 66,1 млрд руб., что составляет 50 % от стартовой цены первого аукциона. [3]

На основании вышесказанного, а также принимая во внимание факт статьи расходов на содержание, управление и юридические издержки, снижающие чистый доход государства, изначально завышенная стартовая цена аукциона на основе неактуальной или недействительной (8 месяцев от конфискации до финальной продажи) оценки стоимости активов привела к процедурным издержкам и необходимости продажи активов на 50 % ниже от первоначально заявленной стоимости.

Проводя анализ кейсов, выведем ряд существенных сложностей:

- Оценка имущества на стадии судопроизводства не учитывает рыночную динамику;
- Межведомственная разобщенность при проведении оценки имущества;
- Экономическая неэффективность длительных процедур.

Проведенный нами анализ механизма обращения арестованного имущества в собственность государства, подкрепленный статистическими данными и примерами судебной практики, выявил ряд системных дефектов на стадии исполнительного производства.

Ведомственная разобщенность: Отсутствие электронной передачи документов между ведомствами приводит к потере времени и документов.

Оценочная асимметрия: Различия при оценке стоимости имущества при конфискации и на этапе подготовки имущества к торгам приводит к срыву торгов и снижению стоимости, как было проиллюстрировано в примере с аэропортом «Домодедово».

Значительный временной разрыв: Задержка при процессе «изъятие-реализация», превышающие 6–12 месяцев приводят к выбытию части имущества, его порче, утрате, что подтверждается данными ФИОЛ Росимущества, вовлеченных в хозяйственный оборот.

Низкая мобильность и работа в изменяющихся условиях экономики: Регламентированный порядок не предусматривает изменение рыночной конъюнктуры, что ограничивает оперативное реагирование.

Для устранения выявленных процедурных барьеров требуются комплексные изменения в Федеральном законодательстве и ведомственных регламентах. Несмотря на увеличение количества исполнительных производств по делам

о конфискации имущества, барьеры на этапах передачи от ФССП к Росимуществу, низкая эффективность реализации приводят к недополучению в бюджет Российской Федерации части от стоимости арестованных активов.

Литература:

1. Аукцион в электронной форме по продаже доли в размере 100 % уставного капитала общества с ограниченной ответственностью «Южгазэнерджи», доли в размере 100 % уставного капитала общества с ограниченной ответственностью «Кейтеринг-Юг»/ [Электронный ресурс] // ГИС.Торги: [сайт]. — Режим доступа: <https://torgi.gov.ru/new/public/notices/view/21000030950000001049>.
2. Росимущество. Федеральная информационная система учета имущества (ФИОЛ). Дашборд по состоянию на III квартал 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fiol.rosim.gov.ru/mk/dashboards>.
3. Структура аэропорта Шереметьево — ООО «Перспектива» выиграла торги / [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/26293967>.
4. Счетная палата РФ. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит учета и распоряжения имуществом, обращенным в доход Российской Федерации и в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, и конфискованным имуществом, полученным в результате совершения коррупционных правонарушений, за исключением долей и акций хозяйственных обществ, движимого имущества, в 2023–2024 годах и истекшем периоде 2025 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/iblock/0a6/q3sr19okc7ut6p9ndfsmanezlgpj36rh/Otchet-KM-kor-imushchestvo.pdf?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6f145171tH-f8IK&file=Otchet-KM-kor-imushchestvo.pdf.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2007 г. N 41, ст. 4849
6. ФССП России. Отчёт о результатах деятельности за 2025 год [Электронный ресурс]. — М., 2026. — Режим доступа: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost-2025.

Исключительные интеллектуальные права на базы данных в России и странах зарубежья

Вольф Александр Александрович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Настоящая статья посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу исключительных интеллектуальных прав на базы данных в Российской Федерации и зарубежных странах. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, включая оценочный характер категории «существенных затрат» и разграничение правомочий автора (составителя) и изготовителя базы данных. На основе анализа зарубежного опыта (Европейский Союз, Германия, США) выявляются основные тенденции развития правового регулирования. Рассматриваются новые вызовы, связанные с внедрением технологий блокчейн и необходимостью совершенствования законодательных подходов к охране содержания баз данных.

Ключевые слова: база данных, интеллектуальные права, исключительное право, авторское право, смежные права, изготовитель базы данных, существенные затраты, сравнительный анализ, Директива ЕС, блокчейн.

Exclusive intellectual rights to databases in Russia and foreign countries

Volf Alexander Alexandrovich, master's degree student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

This article provides a comprehensive comparative legal analysis of exclusive intellectual property rights to databases in the Russian Federation and other countries. Particular attention is paid to enforcement issues, including the evaluative nature of the «significant costs» category and the delineation of the rights of the author (compiler) and the database producer. Based on an analysis of international experience (the European Union, Germany, and the United States), key trends in the development of legal regulation

are identified. New challenges associated with the implementation of blockchain technologies and the need to improve legislative approaches to protecting database content are discussed.

Keywords: database, intellectual property rights, exclusive right, copyright, related rights, database maker, substantial investment, comparative analysis, EU Directive, blockchain.

Российское гражданское законодательство закрепляет уникальный, двойственный подход к охране баз данных. Как отмечает С. А. Ламанов, с 1 января 2008 года, после введения в действие части четвертой ГК РФ, базы данных в России получили возможность охраняться одновременно в двух качествах: как объекты авторского права и как объекты смежных прав [1, С. 1]. Эта двойственность обусловлена сложной структурой самого объекта: охране подлежат как оригинальность подбора и расположения материалов (креативный аспект), так и инвестиции, вложенные в ее создание (инвестиционный аспект).

В. Н. Белоусов и Ж. Л. Баянова, развивая эту мысль, подчеркивают, что правовой режим базы данных зависит от того, какие ресурсы были затрачены на ее создание. Для возникновения авторских прав необходим творческий, интеллектуальный характер деятельности создателя. Такую базу данных ученые предлагают именовать «креативной» [2, С. 2]. В отличие от этого, для возникновения смежного права изготовителя ключевое значение имеют существенные финансовые, материальные или организационные затраты, что позволяет говорить об «инвестиционной» базе данных [2, С. 4].

И. А. Зенин и Д. А. Янковенко, проводя параллели с зарубежным опытом, также указывают на существование аналогичного разделения в германской доктрине, где разграничиваются творческие и нетворческие базы данных.

Как подчеркивает С. А. Ламанов, авторское право на базу данных (как на составное произведение) охраняет результат творческой деятельности составителя по подбору или расположению материалов [1, С. 3]. При этом простое расположение материала в хронологическом или алфавитном порядке творчеством не признается и авторских прав не порождает. Составителю принадлежат личные неимущественные права (авторства, на имя) и исключительное право на использование базы данных в целом, действующее в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти.

В свою очередь, смежное право возникает у изготовителя базы данных — лица, организовавшего ее создание. Ключевым условием здесь является наличие существенных затрат. Для упрощения квалификации законодатель ввел презумпцию: таковой признается база, содержащая не менее 10 тысяч самостоятельных информационных элементов. Однако, как справедливо критикуют В. Н. Белоусов и Ж. Л. Баянова, этот количественный критерий уязвим. Во-первых, в законе отсутствует определение «информационного элемента». Во-вторых, данная презумпция может быть опровергнута доказательствами незначительности инвестиций, что создает почву для судебных споров [2, С. 4–5].

Срок действия исключительного права изготовителя значительно короче и составляет 15 лет, но он может обновляться при существенной переработке базы. Ламанов С. А. также обращает внимание на некорректность употребляемой в законе формулировки «авторских прав изготовителя», подчеркивая, что автор (составитель) и изготовитель — это разные субъекты с различными правовыми статусами и объемом правомочий, даже если они совпадают в одном лице.

Зарубежный подход к охране баз данных во многом определил развитие российского законодательства. К. Мехмонов в своем исследовании подробно анализирует эволюцию правовой мысли в этой области. Ключевым событием стало принятие Директивы Европейского союза 96/9/ЕС от 11 марта 1996 года, которая впервые на национальном уровне ввела понятие *sui generis* (особого рода) права для охраны инвестиционных баз данных.

Как отмечает исследователь, подходы к имплементации этого права в странах ЕС различаются:

- В Российской Федерации, Венгрии и Словении право *sui generis* было интегрировано в систему смежных прав.
- В Чехии, Эстонии и Латвии оно рассматривается как самостоятельный институт, не входящий ни в авторское, ни в смежное право.

Анализируя германский опыт, К. Мехмонов ссылается на Закон ФРГ «Об авторском праве и смежных правах», согласно которому изготовителем признается лицо, осуществившее инвестиции, а существенная качественная или количественная переработка содержания ведет к возникновению новой базы данных с новым сроком охраны.

В США, в отличие от Европы, специального режима *sui generis* не ввели. Защита баз данных осуществляется комплексно: авторским правом (охраняется оригинальность подбора), правом договоров, законодательством о недобросовестной конкуренции и доктриной *misappropriation* (неправомерное присвоение).

Р. А. Агаджанян обращает внимание на проблему разграничения правомочий составителя и изготовителя, когда это разные лица. Ученый предлагает законодательно закрепить необходимость заключения договора между ними (например, авторского заказа или трудового договора) для четкого определения границ использования исключительного права и предотвращения конфликтов [3, С. 2].

Особое место в дискуссиях занимает вопрос о правовой природе технологии блокчейн. В. Н. Белоусов и Ж. Л. Баянова, полемизируя с отдельными учеными, приходят к выводу, что блокчейн не является базой данных в смысле ст. 1260 ГК РФ. По их мнению, блокчейн — это особого рода технология (распределенный реестр), способ прове-

дения и фиксации транзакций, а не совокупность самостоятельных материалов, и его правовой режим еще предстоит определить [2, С. 6–7]. Р. А. Агаджанян, напротив, видит в блокчейне эффективный инструмент для фиксации фактов исполнения обязательств и защиты прав, ссылаясь на эксперименты Росреестра [3, С. 2].

А. Г. Ханкевич, рассматривая более ранние аспекты регулирования, акцентирует внимание на технических средствах защиты авторских и смежных прав. Он указывает на запрет обхода технических средств, а также на недопустимость разработки и распространения любых устройств и технологий, позволяющих такой обход осуществлять, что является важной гарантией для правообладателей [5, С. 2].

Р. А. Агаджанян в своем исследовании поднимает вопросы о несовершенстве законодательной терминологии. Он отмечает, что уточнение «самостоятельности» материалов в определении базы данных (п. 1 ст. 1334 ГК РФ) вносит неясность, и предлагает исключить его для обеспечения правовой consistency [3, С. 3]. Кроме того, он обращает внимание на возможные различия в понимании терминов «пользователь» и «лицензиат» в контексте информационных технологий и ГК РФ, что может потребовать дальнейшего уточнения.

Важным аспектом является и вопрос об охране содержания базы данных. К. Мехмонов, анализируя опыт Узбекистана, указывает на необходимость совершенствования законодательства в сторону более широкого определения базы данных как совокупности любых материалов, а не только данных, как это было закреплено в устаревших законах 90-х годов. Он предлагает использовать термин «материал», который логичнее охватывает содержание (статьи, расчеты, судебные решения) [4, С. 4]. Этот подход созвучен и российским дискуссиям о необходимости более универсального определения, свободного от привязки к конкретным типам информации, которую критикуют Белоусов и Баянова [2, С. 1].

На основании вышеизложенного мы можем сформулировать ряд ключевых выводов, имеющих значение как для теории гражданского права, так и для правоприменительной практики.

Российская Федерация избрала уникальную модель охраны, интегрировав европейский подход *sui generis* в систему смежных прав. Это позволяет обеспечить защиту как творческого вклада автора (составителя) в оригинальную структуру базы (режим авторского права), так и финансовых, организационных и материальных

инвестиций изготовителя (режим смежных прав). Такая дифференциация, базирующаяся на разграничении «креативных» и «инвестиционных» баз данных, в целом отвечает современным потребностям цифровой экономики.

Несмотря на прогрессивность заложенных в ГК РФ идей, правоприменительная практика выявила ряд проблемных аспектов. Ключевым из них является оценочный характер критерия «существенности затрат». Законодательная презумпция, связывающая существенность затрат с количеством информационных элементов (более 10 тысяч), не лишена недостатков из-за отсутствия легального определения такого элемента и возможности ее опровержения. Это создает риски для правообладателей и требует от судов в каждом конкретном случае углубленного анализа фактических обстоятельств создания базы данных, кроме того, дискуссионным остается вопрос о разграничении правомочий автора и изготовителя, что обосновывает необходимость договорного регулирования их взаимоотношений.

Российское законодательство развивалось в русле общемировых тенденций, прежде всего под влиянием Директивы ЕС 1996 года. Однако подходы к имплементации права *sui generis* в разных странах различаются: если в России оно рассматривается как смежное право, то в ряде государств Центральной и Восточной Европы — как самостоятельный институт. Опыт США демонстрирует альтернативный путь защиты баз данных без введения специального права, с использованием инструментов договорного и конкурентного права.

Развитие информационных технологий ставит перед правом новые задачи. Активное внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) и смарт-контрактов требует осмысления их правовой природы. Как показало исследование, блокчейн не может быть автоматически приравнен к базе данных в традиционном гражданско-правовом понимании, что указывает на наличие правового вакуума и необходимость выработки специальных подходов к регулированию этих технологий.

Таким образом, правовой режим исключительных интеллектуальных прав на базы данных в России, находясь в состоянии активного развития, в целом обеспечивает баланс интересов создателей, инвесторов и общества. Дальнейшая эволюция законодательства и правоприменительной практики должна быть направлена на устранение выявленных противоречий и адаптацию к стремительно меняющимся условиям информационного общества.

Литература:

1. Ламанов С. А. Базы данных как объекты авторских и смежных прав: критерии разграничения [Электронный ресурс]. — URL: <https://sciup.org/bazy-dannyh-kak-obekty-avtorskih-i-smezhnyh-pravkriterii-razgranichenija-14214448> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Белоусов В. Н., Баянова Ж. Л. Правовой режим базы данных в условиях информатизации общества // Известия Байкальского государственного университета. — URL: <https://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=25791> (дата обращения: 14.03.2026).

3. Агаджанян Р. А. Правовое регулирование создания и использования баз данных // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sozdaniya-i-ispolzovaniya-baz-dannyh> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Мехмонов К. М. Гражданско-правовая защита базы данных по законодательству зарубежных стран // Review of law sciences. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-zaschita-bazy-dannyh-po-zakonodatelstvu-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Ханкевич А. Г. Регулирование правоотношений, возникающих при создании и использовании программ для электронных вычислительных машин, баз данных и топологии интегральных микросхем // Врач и информационные технологии. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-pravootnosheniy-voznikayushchih-pri-sozdanii-i-ispolzovanii-programm-dlya-elektronnyh-vychislitelnyh-mashin-baz-dannyh-i> (дата обращения: 14.03.2026).

К вопросу о праве народов на самоопределение

Дегтярёв Руслан Игоревич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор анализирует эволюцию и современное доктринальное понимание права народов на самоопределение в конституционном праве России, правовые пределы и формы реализации права на самоопределение, а также их применимость в рамках российской федеративной модели.

Ключевые слова: право народов на самоопределение, федерализм, Конституция РФ, национально-культурная автономия, автономизация, самоуправление.

Право народов на самоопределение — один из наиболее фундаментальных и одновременно дискуссионных принципов как международного, так и отечественного конституционного права, а его неоднозначное толкование нередко используется для оправдания сепаратистских движений и вооруженных конфликтов. Принцип равноправия и самоопределения народов закреплён в качестве одного из основополагающих принципов федеративного устройства государства (часть 3 статьи 5 Конституции РФ) [1]. Соответственно, его можно считать одной из базовых ценностей федерализма; а лишение народа такого права способно привести к подрыву существования других принципов конституционного строя, к его фиктивности [2, с. 39].

С историко-философской точки зрения идея самоопределения народов имеет глубокие философские корни, восходящие к античности. В трудах Платона и Аристотеля были заложены основы понимания свободы и общественного договора, которые впоследствии получили развитие в эпоху Просвещения [3, с. 104]. В официальный оборот термин «право наций на самоопределение» впервые был введен Берлинским трактатом, утвержденным на Берлинском конгрессе 1878 г. А уже в 1896 г. право наций на самоопределение было признано Лондонским Конгрессом II Интернационала. В решениях этого Конгресса были сформулированы основы данного принципа как регулятора межнациональных отношений. Вопросы практической реализации права наций (народов) на самоопределение в Европе впервые начали ставить австрийские социал-демократы в конце XIX в. Однако, подходя к таким во-

просам односторонне, они свели это право к созданию национально-культурной автономии [4, с. 272].

В российской правовой доктрине содержание права народа на самоопределение со временем претерпевало значительную эволюцию, в разные периоды времени принимая взаимоотрицающие друг друга формы.

Ранние советские ученые и государственные деятели из числа большевиков рассматривали право на самоопределение **исключительно с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата с буржуазией для революционных целей.**

Так, В. И. Ленин рассматривал такое право «...в смысле политического самоопределения, т. е. права отделения и образования самостоятельного государства» [5, с. 314], одновременно критикуя предложенные австрийцами проекты национально-культурных автономий [5, с. 317]. С таким подходом соглашался и И. В. Сталин, акцентируя внимание на необходимости использования такого подхода в революционных целях [6, с. 53], а также такие видные ученые как И. Д. Левин [7, с. 261] и П. И. Стучка [8, с. 96].

Советские ученые-правоведы второй половины XX столетия рассматривали право народа на самоопределение как способ решения национального вопроса внутри страны [9, с. 15], а сами механизмы реализации такого права также основывались на идее советского руководства дать каждому крупному этносу свою государственность (в виде республики, области или округа), что во многом предопределило административно-территориальное деление СССР по национально-территориальному признаку [4, с. 265].

Однако в среде советских ученых имелись и несколько иные мнения. Так Ю. Г. Судницын понимал право на самоопределение как «...добровольное и самостоятельное решение вопроса прежде всего о своей политической судьбе ...» [10, с. 11]. В. С. Шевцов полагал, что данное право — это право всех народов «распоряжаться своей судьбой», самостоятельно определять свой внутренний и внешний политический статус [11, с. 38]. А. И. Лепешкин прямо увязывал реализацию такого права с необходимостью территориального обособления [12, с. 94].

Современные российские конституционалисты в своем большинстве придерживаются государственно-ориентированной позиции.

Так, С. А. Авакьян под самоопределением понимал право на «... выбор формы своего бытия в Российской Федерации; на самоуправление своей жизнью, делами территории, на которой они компактно проживают» [13, с. 103]. Г. А. Гаджиев, рассуждая о пределах применения такого права, резонно замечает, что свобода самоопределения не может приводить к игнорированию конституционно признанного предпочтения демократического большинства [14, с. 16]. В. Т. Кабышев обращает внимание на отсутствие у российских субъектов права выхода из состава Российской Федерации в процессе самоопределения [15, с. 65], что ранее уже отмечал Конституционный Суд РФ [16], а поправки к статье 67 Конституции РФ, одобренные в 2020 году, и вовсе установили императивный запрет на отчуждение территории России, а также призывы к таким действиям. Как представляется, данное обстоятельство продиктовано не только необходимостью недопущения развития сепаратистских устремлений, но и тем, что «... в подавляющем большинстве случаев политическая независимость не решает проблемы, стоящие перед народом или нацией...» [17, с. 4]. Более того, «самоопределение народа не может быть полным на основе определения одного лишь политического статуса» [18, с. 33].

Рассматривая вопросы реализации права народа на самоопределение необходимо напомнить, что в рамках российской правовой модели субъекты реализации права на самоопределение можно классифицировать на: коренные (титульные) народы РФ и субъектов РФ, коренные малочисленные народы регионов РФ, национальные меньшинства [18, с.46].

Современная российская правовая доктрина формирует различные подходы к типологизации форм реализации права народа на самоопределение.

В. Т. Кабышев предлагает разделять их на национально-государственные и национально-культурные формы [15, с.247]. Изучая вопросы самоопределения коренных малочисленных народов, Т. В. Заметина, выделяет: национально-территориальные (включающие в себя государственно-правовую и административно-территориальную форму) и экстерриториальные (национально-культурная автономия) формы [19, с. 17]. К формам самоопределения М. В. Сумачева относит национально-государственное самоопределение, этно-территориальные

образования, национально-культурная автономия, территориальное общественное самоуправление (ориентированное на интересы коренных малочисленных народов) [18, с. 56–94]. В качестве форм самоопределения И. А. Умнова называет следующие: образование субъекта федерации, территории местного самоуправления, использование различных форм национально-культурной автономии [20, с. 111]. Т. Я. Хабриева разграничивает формы самоопределения на территориальные, которые предполагают связь с определенной территорией и реализуются через государственные или автономные образования (унитарное государство, федеративное государство, особый статус в составе государства) и экстерриториальные, не предполагающие такой связи и основывающиеся на самоорганизации и культурном самовыражении (национально-культурная автономия и самоорганизация коренных народов) [4, с. 300–466]. Также отмечается, что самоопределение народа может осуществляться не только как «... разделение или создание собственных публично-правовых образований, но и объединение народов, осуществляемое в соответствии с их волей в едином публично-правовом образовании, в том числе создание федераций на национальной основе, с учетом этнического или языкового признака» [4, с. 267].

Как ранее отмечалось в исследованиях, способом реализации последнего варианта является, в частности, образование в ее составе нового субъекта России после принятия в ее состав иностранного государства или его части [21, с. 179–181]. Отечественными учеными этот процесс рассматривается в большинстве случаев в узком понимании предмета исследования — как строго регламентированную законодательством отдельную конституционно-правовую процедуру, совместно осуществляемую как Россией, так и иностранным государством или его частью. Между тем принятие в состав России новых регионов и образование на их территориях новых субъектов в 2014 г. и в 2022 г. — случаи, когда российские правоприменительные органы обратились к более широкой трактовке права на самоопределение, что и дает, по мнению автора, основание рассматривать принятие в состав России нового субъекта как форму реализации права на самоопределение

И действительно, в преамбулах соответствующих межгосударственных договоров (между Россией и Республикой Крым в 2014 г. [22], а также между Россией и ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областями в 2022 г. [23, 24, 25, 26]) прямо указывается, что стороны руководствуются исторической общностью их народов, учитывают сложившиеся между ними связи, выражают общую волю своих народов общую волю своих народов, неразрывно связанных общностью исторической судьбы, к совместному проживанию в составе демократического федеративного правового государства.

Автор полагает, что проблематика изучения принятия в состав России новых субъектов как формы самоопределения народов этих территорий требует дальнейшего

научного исследования, которое, с учетом постулатов, формализованных В. Т. Кабышевым [15, с. 98] и Т. В. Заметиной [2, с. 4] о важной системообразующей роли России в глобализационных процессах на Евразийском континенте, целесообразно проводить, основываясь на предложенной Сумачевой М. В. методологии, которая исходит из того, что фундаментальные начала содержания самоопределения народа стоит рассматривать комплексно как феномен политики и права одновременно, определение

народом своего политического, экономического, социального, культурного статусов [18, с. 33].

Таким образом, в современной России право на самоопределение выступает в качестве важнейшего конституционного принципа федеративного устройства, а российская конституционно-правовая модель ориентирована на внутреннюю автономизацию с использованием широко вариативности форм самоопределения, а не на поощрение территориального отделения от России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Заметина Т. В. Федерализм в системе конституционного строя России: автореферат дис.... доктора юридических наук: 12.00.02 / Заметина Тамара Владимировна; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. Саратов, 2010. 54 с.
3. Каграманов А. К. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации // Московский журнал международного права. 2022. № 2. С. 101–114.
4. Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 3: монографии. Содерж.: Национально-культурная автономия в Российской Федерации. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2018. 496 с.
5. Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу / В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973. 621 с.
6. Сталин И. В. К постановке национального вопроса / И. В. Сталин. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 5. 446 с.
7. Левин И. Д. Суверенитет / Предисловие докт. юрид. наук., проф. С. А. Авакьяна. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 373 с.
8. Бреев А. В. Национальный вопрос в трудах российских марксистов после революционных преобразований 1917 года (по работам П. И. Стучки) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 94–101.
9. Копейчиков В. В. Механизм государства в советской федерации. М.: Юридическая литература, 1973. 200 с.
10. Судницын Ю. Г. Национально-государственное устройство СССР: Конспект лекций. Свердловск: УрГУ, 1979. 48 с.
11. Шевцов В. С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М.: Юридическая литература, 1978. 230 с.
12. Лепешкин А. И. Советский федерализм / А. И. Лепешкин. М.: Юридическая литература, 1977. 319 с.
13. Конституционное право России: учебный курс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция»: [в 2 т.] / С. А. Авакьян; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 2. 2010. 927 с.
14. Гаджиев Г. А. О философском и юридическом смыслах народа быть самим собой // Право и современные государства. 2014. № 2. С. 12–19.
15. Кабышев В. Т. С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 года № 3-П «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года «О референдуме Татарской ССР», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» // Конституционный Суд Российской Федерации. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision40636.pdf> (дата обращения: 04.04.2026).
17. Блищенко И. П. Автономия и международное право // Московский журнал международного права. 1998. № 1. С. 4–15.
18. Сумачева М. В. Право народов на самоопределение и формы его реализации в Российской Федерации: монография / М. В. Сумачева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 119 с.

19. Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России автореферат диссертации на соискание ученой степени к. ю.н., специальность 12.00.02 / Заметина Тамара Владимировна; [Сарат. гос. акад. права]. Саратов, 1998. 25 с.
20. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: Учебно-практическое пособие / И. А. Умнова. М.: Издательство Дело, 1998. 280 с.
21. Конюхова И. А. Право народов на самоопределение как принцип федерализма // Политическая наука. 2003. № 3. С. 167–186.
22. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 14. — Ст. 1570.
23. Договор между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 03.10.2022.
24. Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 03.10.2022.
25. Договор между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 03.10.2022.
26. Договор между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 03.10.2022.

Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическому лицу: предмет доказывания и критерии определения размера

Дудко Александр Викторович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Компенсация нематериального (репутационного) вреда применяется судами как способ защиты деловой репутации организации, хотя статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации его не называет. Прослежено формирование конструкции от определения Конституционного Суда Российской Федерации 2003 года до постановления от 19 ноября 2024 г. № 53-П, установлена дифференциация предмета доказывания по характеру требования, показана непригодность критериев компенсации морального вреда для организаций. Предложена редакция нормы, восполняющей пробел статьи 152 Кодекса.

Ключевые слова: деловая репутация, репутационный вред, компенсация нематериального вреда, юридическое лицо, порочащие сведения, предмет доказывания, статья 152 ГК РФ, диффамация, гудвилл.

Compensation for non-material (reputational) damage to a legal entity: the subject of proof and criteria for determining the amount

Compensation for non-pecuniary (reputational) harm is applied by the courts as a means of protecting the business reputation of an organisation, although Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation does not name it. Its development is traced from the 2003 ruling of the Constitutional Court to its judgment of 19 November 2024 No. 53-P; the subject of proof is shown to differ according to the nature of the claim, and the criteria for compensation for moral harm are found unsuitable for organisations. A wording is proposed for a rule filling the gap in Article 152.

Keywords: business reputation, reputational harm, compensation for non-pecuniary harm, legal entity, defamatory information, subject of proof, Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, defamation, goodwill.

Деловая репутация организации названа в пункте 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) среди нематериальных благ [1], од-

нако денежной компенсации за само умаление репутации статья 152 ГК РФ не предусматривает. Согласно пункту 11 указанной статьи, ее правила «соответственно приме-

няются к защите деловой репутации юридического лица, за исключением положений о компенсации морального вреда». Данная оговорка введена Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ [2] и оставляет открытым вопрос об основании, по которому организация вправе требовать денежной компенсации за умаление репутации.

Ответ на этот вопрос был сформулирован судебной практикой ранее, чем законодателем. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О заключил, что отсутствие прямого указания в законе не лишает организацию права требовать возмещения убытков, в том числе нематериальных [3]. С этой позиции ведет начало компенсация репутационного вреда. Существенно, что конструкция сформирована путем толкования и не получила закрепления в норме; этим обстоятельством обусловлена значительная часть ее недостатков.

Содержание конструкции раскрыл Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 17 июля 2012 г. № 17528/11 [5], указав на необходимость установить противоправное деяние ответчика, наступивший для истца вред и причинную связь между ними. Применительно к репутации вред выражается в «утрате доверия к его репутации, следствием чего может быть сокращение числа клиентов». Вина доказыванию не подлежит.

Верховный Суд Российской Федерации предъявил к доказыванию более строгие требования: из определения Судебной коллегии по экономическим спорам от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16–8923 следует, что установления последствий недостаточно — истец должен подтвердить также сформированную репутацию в конкретной сфере [6]. В доктрине данный подход подвергнут критике. Е. В. Гаврилов отмечает, что соединение в одном иске признаков компенсации нематериального вреда и возмещения убытков сводит два самостоятельных способа защиты к одному [11]. Е. М. Кобзаренко ставит вопрос о презумпции положительной репутации действующего субъекта [12]. Приведенные доводы следует поддержать: организация, недавно вышедшая на рынок, объективно находится в худшем положении при доказывании, тогда как последствия распространения порочащих сведений для нее более значительны.

Разграничение требований проведено в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 24 ноября 2021 г. № 305-ЭС21–14231 [7]. Обстоятельства дела состояли в следующем. Общество вело судебные споры с продавцами контрафактной продукции; патентный поверенный ответчиков направил третьим лицам письма о якобы допущенной обществом фальсификации доказательств. Коллегия признала распространением направление письма даже одному третьему лицу и освободила истца от доказывания репутации и вреда по требованию об опровержении, указав, что репутация присуща всякому участнику оборота как элемент его правового статуса, а добросовестность участника предполагается.

Подход к требованию об опровержении был дополнен постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 53-П [4]: при рассмотрении такого требования суд самостоятельно оценивает фактическую основу сведений и не связан исходом уголовного преследования распространителя. Непосредственно к организациям данное постановление не обращено, однако вывод о самостоятельности гражданско-правовой оценки распространяется и на них.

Иной подход применен к денежному требованию в определении Судебной коллегии по гражданским делам от 8 ноября 2022 г. № 78-КГ22–44-К3 [8]. Общество взыскивало возмещение с гражданки, разместившей в социальной сети комментарий о совершении обществом противоправных действий. Коллегия указала, что одного факта распространения для вывода об ущербе недостаточно и истец обязан подтвердить сложившуюся репутацию и наступившие последствия. К организации, не способной испытывать нравственные страдания, неприменим и компенсационный механизм, основанный на судебной оценке. Приведенная аргументация нуждается в развитии: она объясняет, почему к организациям неприменимы правила о компенсации морального вреда, но не определяет критериев, подлежащих применению вместо них.

Названные определения формируют действующую модель, в которой объем доказывания зависит от характера заявленного требования. Опровержение, удаление сведений и запрет их дальнейшего распространения требуют установления факта распространения, порочащего характера сведений и их несоответствия действительности; денежное взыскание требует дополнительно доказать сложившуюся репутацию, наступившие последствия и причинную связь. Правовые позиции высших судов обобщены в таблице 1.

Наибольшую сложность для истца представляет доказывание наступивших последствий. Суды принимают данные о падении выручки, о расторжении договоров со ссылкой контрагента на распространенные сведения, об отказе банка в финансировании; к ним добавляются опросы аудитории, сведения об охвате публикации, заключения оценщиков, протокол нотариального осмотра сайта. Такие доказательства подтверждают совпадение событий во времени, тогда как от истца требуется установление причинной связи. Разрыв между тем и другим нередко становится основанием для отказа в иске: падение выручки после публикации может объясняться сезонностью, уходом ключевого сотрудника или сменой поставщика. Отчасти нагрузку по доказыванию снимает институт общеизвестных обстоятельств, применение которого рассматривает И. В. Шатохин [15].

В обоснование размера вреда используется и гудвилл — разница между рыночной ценой организации и ее чистыми активами. Суды относятся к такому расчету сдержанно, поскольку стоимость бизнеса изменяется под влиянием обстоятельств, не связанных с диффамацией.

Таблица 1. Правовые позиции высших судов о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам

Судебный акт	Правовая позиция
Определение КС РФ от 04.12.2003 № 508-О	Молчание закона не лишает организацию права требовать возмещения убытков, в том числе нематериальных
Постановление Президиума ВАС РФ от 17.07.2012 № 17528/11	Условия: распространение порочащих сведений; утрата доверия к репутации; причинная связь. Вина не доказывается
Определение СКЭС ВС РФ от 24.11.2021 № 305-ЭС21-14231	По требованию об опровержении репутация и вред не доказываются. Письмо одному третьему лицу образует распространение
Определение СКГД ВС РФ от 08.11.2022 № 78-КГ22-44-КЗ	Для денежного взыскания факта распространения мало. Механизм, основанный на судебской оценке, к организации неприменим
Постановление КС РФ от 19.11.2024 № 53-П	По требованию об опровержении суд самостоятельно оценивает фактическую основу сведений и не связан исходом уголовного преследования

Источник: составлено автором по материалам судебной практики [3–8].

Критерии определения размера компенсации законом не установлены. Пункт 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 предписывает учитывать содержание сведений, способ и длительность распространения, влияние на общественное мнение, нравственные страдания истца и его индивидуальные особенности [9]. Две последние позиции к организации неприменимы, что отмечено в определении № 78-КГ22-44-КЗ. Постановление Пленума от 9 декабря 2025 г. № 33 обновило международно-правовое обоснование разъяснений [10], однако критериев применительно к организациям не установило.

Вместе с тем такие критерии могут быть выведены из существа самого нарушения. Определяющее значение имеет круг лиц, до которых дошли сведения: охват публикации, срок ее доступности, репутация информационного ресурса, а также то, поступили ли сведения тем лицам, которые формируют спрос на товары или услуги истца. Публикация в отраслевом издании, читаемом контрагентами, причиняет больший вред, чем размещение сведений на многочисленном, но постороннем ресурсе. Учету подлежат также конкретность сведений, наличие в них обвинения в правонарушении, повторяемость распространения и положение истца — срок его работы на рынке и степень зависимости деятельности от доверия клиентов.

Отдельного внимания заслуживает поведение нарушителя после получения требования об удалении сведений. В настоящее время оно на размер компенсации практически не влияет: взыскиваемые суммы не различаются в зависимости от того, удалил ли ответчик публикацию сразу либо сохранял ее доступной до завершения рассмотрения дела. При этом присуждаемые суммы различаются на порядки, а нормативные ориентиры отсутствуют. Установление в законе фиксированной шкалы решением не является: она была бы применима к типичным случаям и оказалась бы недостаточной там, где вред значителен.

Причины расхождений в практике не сводятся к технике доказывания. Способ защиты, применяемый судами на протяжении двух десятилетий, в законе не назван:

его основанием служат определение № 508-О и последующие позиции высших судебных инстанций, тогда как статья 152 ГК РФ компенсации нематериального вреда организации не предусматривает. е.В. Гаврилов показывает, что конструкция возникла из доктринального предложения, была воспринята практикой и дальнейшего нормативного закрепления не получила [11]. Между тем абзац второй пункта 2 статьи 150 ГК РФ допускает применение к нематериальным благам лишь тех способов защиты, которые вытекают из существа блага и характера последствий нарушения. Изложенное позволяет квалифицировать сложившееся положение как пробел, а не как квалифицированное умолчание законодателя. С этим связаны затруднения и в смежных вопросах: круг управомоченных субъектов Ф. Р. Лебедев определяет без опоры на норму [14], а Е. М. Кобзаренко разграничивает виды ответственности при несовпадающих отраслевых понятиях порочащего характера сведений [13].

Восполнение пробела возможно путем дополнения статьи 152 ГК РФ пунктом 12 следующего содержания: «Юридическое лицо, деловая репутация которого умалена распространением не соответствующих действительности порочащих сведений, вправе требовать компенсации нематериального вреда. При определении размера суд учитывает сферу деятельности, в которой сложилась репутация истца, характер наступивших последствий, масштаб и продолжительность распространения сведений. Уклонение нарушителя от удаления сведений после получения требования учитывается при увеличении компенсации».

Предлагаемая норма позволяет достичь следующих результатов. Закон приводится в соответствие с практикой, применяющей данный способ защиты в течение двадцати лет. У нарушителя появляется стимул удалить сведения до обращения истца в суд. Признак сформированной репутации не сводится к требованию доказать известность организации: установлению подлежит сфера, в которой репутация подлежала защите.

Компенсация репутационного вреда применяется в российском праве более двадцати лет, не получив при

этом закрепления в законе. Практика дифференцировала требования по объему доказывания: при требовании об опровержении достаточно установить факт распространения и порочащий характер сведений; при денежном требовании доказыванию подлежат сложившаяся репутация, наступившие последствия и при-

чинная связь между ними. Критерии определения размера, сформулированные применительно к гражданину и его нравственным страданиям, к организациям неприменимы. До закрепления данного способа защиты в статье 152 ГК РФ единообразие практики не может быть обеспечено.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 27. — Ст. 3434.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 № 508-О // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2024 № 53-П по делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Е. В. Боголюбской // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.07.2012 № 17528/11 по делу № А45–22134/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2016 № 307-ЭС16–8923 по делу № А56–58502/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2021 № 305-ЭС21–14231 по делу № А41–54681/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2022 № 78-КГ22–44-К3 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2025 № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации...» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Гаврилов Е. В. Роль российской науки частного права в формировании компенсации нематериального (репутационного) вреда как способа защиты деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. — 2025. — № 7. — С. 15–24.
12. Кобзаренко Е. М. Гудвилл как презумпция // Юрист. — 2025. — № 6. — С. 15–18.
13. Кобзаренко Е. М. Вопросы разграничения гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за распространение порочащих сведений // Российский судья. — 2026. — № 5. — С. 23–28.
14. Лебедев Ф. Р. Проблема возмещения репутационного вреда, причиненного публично-правовому образованию // Гражданское право. — 2025. — № 2. — С. 21–24.
15. Шатохин И. В. Общеизвестные обстоятельства в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Арбитражный и гражданский процесс. — 2026. — № 4. — С. 18–22.

Принципы, заложенные в международно-правовых стандартах обращения с осуждёнными

Елшин Никита Вячеславович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Международно-правовые стандарты обращения с осуждёнными представляют собой совокупность норм, принципов и положений, закреплённых в международных документах и направленных на обеспечение достоинства личности в условиях лишения свободы.

В научной литературе сложилось несколько подходов к их классификации. Наиболее распространённым является выделение трёх оснований: по масштабу действия, по специализации и по степени обязательности для государств.

По масштабу действия стандарты подразделяются на универсальные и региональные. Универсальные акты формируются в рамках системы Организации Объединённых Наций и распространяют своё действие на все государства — члены ООН вне зависимости от их географического или политического положения. Региональные акты принимаются в рамках межгосударственных объединений и обязательны лишь для государств — участников соответствующей организации [1, С. 221].

По специализации международные документы делятся на акты общего характера, то есть закрепляющие права человека в целом (к которым в части прав осуждённых применяются соответствующие положения), и акты специализированного характера, непосредственно посвящённые вопросам обращения с лицами, лишёнными свободы [2, С. 52–53].

По степени обязательности для государств выделяют обязательные нормы (договорные положения, ратифицированные государством и влекущие юридическую ответственность за их нарушение), принципы (общеобязательные отправные начала, пронизывающие международное право) и общие положения рекомендательного характера (стандарты «мягкого права», формально не порождающие международно-правовых обязательств, однако оказывающие существенное влияние на формирование национального законодательства) [3, С. 164].

Классификация по масштабу действия наиболее точно отражает институциональную природу международных стандартов и позволяет определить круг субъектов, на которых распространяются соответствующие обязательства. Географический и институциональный охват документа предопределяет механизм его имплементации в национальное законодательство.

В системе универсальных актов центральное место занимает Всеобщая декларация прав человека 1948 года, провозгласившая право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, а также недопустимость пыток и жестокого обращения [4]. Несмотря на рекомендательный характер декларации, её положения приобрели значение общепризнанных принципов международного права.

Обязательную юридическую силу имеют Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Первый из них в статье 10 устанавливает, что «все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» [5]. Второй закрепляет права в сфере труда, образования и охраны здоровья, которые сохраняются за осуждёнными в адаптированном объёме [6].

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года возлагает на государства обязатель-

ство принять эффективные законодательные, административные, судебные и иные меры для предупреждения пыток [7]. По мнению Е. В. Шаназаровой, данный документ является важнейшим инструментом международного контроля за условиями содержания осуждённых, поскольку предусматривает механизм регулярных докладов государств и их рассмотрения Комитетом против пыток [8, С. 437]. Значимым ориентиром служат также Основные принципы обращения с заключёнными, принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/111 от 14 декабря 1990 года, которые закрепляют обязанность государств обеспечивать осуждённым доступ к образованию, профессиональной подготовке и участию в культурной жизни общества [9].

Систему региональных стандартов в европейском пространстве формировали три ключевых документа:

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года в статье 3 устанавливает абсолютный запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а статья 5 гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность [10].

Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 года учредила Европейский комитет по предупреждению пыток, наделив его полномочиями проводить инспекционные визиты в места лишения свободы [11].

Европейские пенитенциарные правила в редакции 2020 года представляют собой наиболее детализированный свод стандартов, охватывающий вопросы условий содержания, режима, труда, охраны здоровья и социальной реинтеграции осуждённых [12].

В марте 2022 года Россия вышла из Совета Европы, а впоследствии прекратила участие в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Данное обстоятельство повлекло утрату российскими осуждёнными возможности обращаться в Европейский суд по правам человека, что существенно сузило систему международного контроля за соблюдением их прав. Следовательно, региональные европейские стандарты утратили для России обязательную юридическую силу, сохранив лишь доктринальное и сравнительно-правовое значение.

Таким образом, анализ совокупности рассмотренных международных актов позволяет выделить четыре основополагающих принципа, пронизывающих всю систему стандартов обращения с осуждёнными:

- принцип уважения человеческого достоинства,
- принцип гуманизма,
- принцип недопустимости пыток и жестокого обращения,
- принцип социальной реинтеграции осуждённых как конечной цели исполнения наказания.

Данные принципы образуют нормативную основу, на которую обязано ориентироваться национальное законодательство при регулировании правового положения лиц, лишённых свободы.

Литература:

1. Григорян А. С. Принцип субсидиарности и международно-правовая защита прав и свобод человека: монография / А. С. Григорян. — Москва: Delibri, 2021. 321 с.
2. Овчинников С. Н. Совершенствование международных стандартов в сфере прав человека и их влияние на национальную систему исполнения уголовных наказаний: монография / С. Н. Овчинников. — Москва: Буки Веди, 2022. 102 с.
3. Проблемы обеспечения защиты прав человека в международном и национальном праве: монография / И. С. Искевич, С. А. Иванов, А. В. Подольский и др. — Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2024. 264 с.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (Дата обращения: 05.12.2025 г.).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (Дата обращения: 05.12.2025 г.).
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540291/> (Дата обращения: 05.12.2025 г.).
7. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1305395/> (Дата обращения: 05.12.2025 г.).
8. Шаназарова Е. В. Соотношение принципов гуманизма и справедливости в уголовном и уголовно-исполнительном праве России // Аграрное и земельное право. 2025. С. 437–439.
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. N 45/111 «Основные принципы обращения с заключенными» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123832/> (Дата обращения: 14.12.2025 г.).
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (Дата обращения: 14.12.2025 г.).
11. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS N 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1305480/> (Дата обращения: 16.12.2025 г.).
12. Рекомендация Комитета министров Rec(2006)2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70170038/> (Дата обращения: 16.12.2025 г.).

Механизм защиты наследственных прав: принципы, формы и способы

Ершова Инна Вячеславовна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования наследственных отношений в Российской Федерации. Анализируются нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие порядок и сроки совершения наследственных действий, а также роль нотариуса в обеспечении законности наследственного процесса.

Ключевые слова: наследственное право, нотариус, наследодатель, наследство.

Право наследования — одно из фундаментальных имущественных прав, закреплённое в ст. 35 Конституции Российской Федерации. Оно обеспечивает передачу имущества умершего (наследодателя) к другим лицам (наследникам) в порядке универсального правопреемства. Однако реализация наследственных прав часто сталкивается с препятствиями: оспаривание завещаний, пропуск сроков принятия наследства, недобросовестное поведение наследников, злоупотребление правом и др. В этих условиях особую актуальность приобретает механизм защиты наследственных прав — совокупность правовых средств, обеспечивающих восстановление, при-

знание и обеспечение реализации нарушенных или оспоренных прав в наследственном процессе.

Механизм защиты наследственных прав функционирует на основе ряда общеправовых и отраслевых принципов, закреплённых в Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) и международных актах:

Принцип законности — все действия по защите наследственных прав должны осуществляться в строгом соответствии с нормами права.

Принцип равенства участников наследственных правоотношений (ст. 19 Конституции РФ; ст. 1141 ГК РФ) — наследники одной очереди призываются к наследованию

в равных долях, за исключением случаев наследования по праву представления или по завещанию.

Принцип свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ) — наследодатель вправе по своему усмотрению распорядиться имуществом на случай смерти. Защита этого принципа включает недопустимость принудительного изменения содержания завещания, а также судебную защиту завещания от оспаривания без оснований.

Принцип обеспечения обязательной доли в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) — направлен на социальную защиту нетрудоспособных членов семьи наследодателя. Механизм защиты здесь включает признание права на обязательную долю даже при наличии завещания.

Принцип добросовестности и недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) — применяется, например, при лишении наследника права на наследство (ст. 1117 ГК РФ) за умышленные противоправные действия против наследодателя или других наследников.

Принцип оперативности и своевременности — большинство наследственных процедур связаны со строгими сроками (в частности, 6 месяцев для принятия наследства — ст. 1154 ГК РФ), что требует своевременного реагирования при их нарушении.

Защита наследственных прав осуществляется в двух основных формах:

1. Внесудебная (нотариальная) форма. На первоначальном этапе наследственного процесса ключевую роль играет нотариус — уполномоченное лицо, обеспечивающее законность и достоверность действий (ст. 1114, 1152, 1162 ГК РФ). К внесудебным способам защиты относятся:

- Принятие наследства посредством подачи заявления нотариусу (ст. 1153 ГК РФ) — формальный акт, фиксирующий волю наследника.

- Выдача свидетельства о праве на наследство — документ, подтверждающий возникновение права собственности (ст. 1162 ГК РФ). Отказ в выдаче может быть обжалован.

- Принятие мер по охране наследственного имущества (ст. 1171 ГК РФ) — нотариус вправе принять имущество на хранение, назначить исполнителя завещания, запретить распоряжение недвижимостью до выдачи свидетельства.

- Установление фактов, имеющих юридическое значение (например, факта родственных отношений, смерти наследодателя, места открытия наследства) — в упрощённом порядке через нотариуса или в суде (ст. 264–268 ГПК РФ).

Особое значение имеет досудебное урегулирование споров — например, заключение соглашения о разделе наследства (ст. 1165 ГК РФ), которое может быть удостоверено нотариально и имеет силу исполнительного документа.

2. Судебная форма. Судебная защита — наиболее эффективный и универсальный способ, применяемый, когда внесудебные методы невозможны или не дали результата. Судебные способы включают:

- Иски о признании права на наследство — подаются, если нотариус отказал в выдаче свидетельства или отстранён от производства (например, при споре о родстве).

- Иски о восстановлении срока для принятия наследства (ст. 1155 ГК РФ) — при пропуске 6-месячного срока по уважительным причинам (болезнь, незнание о смерти, обман и др.).

- Иски об установлении факта принятия наследства — если наследник совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии (оплата долгов, управление имуществом, его сохранение), но не подал заявление (ст. 1153 ГК РФ).

- Иски о признании завещания недействительным — оспоримое (ст. 179, 1131 ГК РФ) или ничтожное (ст. 168, 1131 ГК РФ), например, из-за недееспособности завещателя, нарушения формы, давления.

- Иски о защите права на обязательную долю (ст. 1149 ГК РФ).

- Иски о лишении наследника права на наследство (ст. 1117 ГК РФ).

Суд также рассматривает споры между наследниками о порядке пользования общим имуществом, выделе долей и возмещении расходов на сохранение имущества.

Способы защиты — конкретные юридические средства, применяемые в рамках форм. Они подразделяются на:

Юрисдикционные способы (через компетентные органы):

- Выдача свидетельства о праве на наследство (нотариус);

- Принятие обеспечительных мер по делу (суд — ст. 140 ГПК РФ: арест имущества, запрет на регистрационные действия);

- Принятие решения об отказе в иске или удовлетворении требований;

- Вынесение определения об открытии наследственного дела (если место открытия спорно).

Самозащита наследственных прав. ГК РФ допускает ограниченную самозащиту, но только в пределах, не нарушающих закон (ст. 12 ГК РФ).

Негаторная и виндикационная защиты. После оформления права собственности на наследство наследник может использовать общие вещно-правовые способы:

- Виндикационный иск — требование об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ);

- Негаторный иск — требование об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

Таким образом, механизм защиты наследственных прав в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему, сочетающую внесудебные (нотариальные) и судебные формы, основанные на принципах законности, справедливости, свободы завещания и социальной защищённости. Эффективность этого механизма определяется не столько количеством норм, сколько качеством их применения на практике.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учётом поправок 2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4851.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Кириллова Е. А. Актуальные проблемы современного наследственного законодательства Российской Федерации: монография. — М.: ИНФРА-М, 2023.
5. Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А. Особенности правового статуса участников наследственных правоотношений / И. Г. Крысанова-Кирсанова, В. А. Гук. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 5. — С.132–134;
6. Лиджиева С. Г. Ограничение наследственных прав по времени их действия: некоторые теоретические и практические аспекты // Нотариус. — 2016. — № 3. — С. 37.

Понятие интересов государства как предмета правовой защиты от внешнего вмешательства органов прокуратуры

Ибрагимова Шаргия Ибрагим кызы, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется теоретико-правовое содержание категории «интересы государства» в контексте противодействия внешнему вмешательству. Анализируются нормативные основы деятельности прокуратуры как ключевого субъекта защиты государственных интересов, рассматривается соотношение публичных и частных интересов в прокурорской деятельности, а также правозащитный потенциал прокуратуры в сфере обеспечения национальной безопасности. Делается вывод о комплексном характере прокурорской деятельности по защите государственных интересов от внешних угроз.

Ключевые слова: прокуратура, государственный интерес, национальный интерес, публичный интерес, внешнее вмешательство, правовая защита, прокурорский надзор, национальная безопасность.

В условиях усиления конкуренции государств за влияние в стратегически значимых регионах проблема правовой защиты государственных интересов от внешнего вмешательства приобретает особую актуальность. Категория «интерес» в юридической науке является фундаментальной, однако её доктринальное осмысление применительно к деятельности публично-правовых институтов остаётся дискуссионным. Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, наличие государственного интереса, подлежащего защите, в полной мере проявляется в деятельности государственных органов, направленной на реализацию национального суверенитета и национального интереса [1, С. 12].

Прокуратура Российской Федерации занимает особое место в системе государственных органов, обеспечивающих защиту государственных интересов от внешнего вмешательства. Согласно Конституции России (ст. 129) прокуратура Российской Федерации представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, а также иные функции [2].

Определение понятия «интересы государства» не является в достаточной степени разработанным в научной юридической литературе. Достаточно часто интересы государства сводятся к понятию публичный интерес и трактуется как то, в чём общество и его социальные группы видят определённую ценность, удовлетворяющую материальные, духовные и иные потребности и подлежащую в силу этого защите в установленном законом порядке [3, С. 204]. При этом публичный интерес, по мнению Ю. А. Тихомирова, не сводится к государственному, а представляет собой общесоциальный интерес, отражающий весь спектр интересов в обществе [1, С. 12].

Базовое нормативное закрепление интересов государства содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. В соответствии с данным документом, национальные интересы Российской Федерации включают: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защиту конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности; поддержание гражданского мира и согласия, укрепление законности; развитие

безопасного информационного пространства, защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4].

А. Г. Малинова обоснованно указывает, что в качестве публичных следует рассматривать интересы государства, интересы Российской Федерации, интересы общества, интересы субъекта Федерации, интересы муниципального образования [5, С. 165]. Таким образом, государственный интерес выступает как системообразующий элемент публично-правовой сферы, вбирающий в себя как собственно институциональные потребности государства, так и общественные интересы, реализация которых обеспечивается государством.

Стратегия национальной безопасности РФ определяет, что «формирование новой архитектуры, правил и принципов мироустройства сопровождается для Российской Федерации появлением не только новых возможностей, но и новых угроз» [4]. В качестве одной из ключевых угроз выступает иностранное вмешательство во внутренние дела Российской Федерации. Основными задачами в области обеспечения безопасности названы недопущение вмешательства во внутренние дела, защита государственной границы, пресечение террористической и экстремистской деятельности [4].

Особую озабоченность вызывает использование инструментов «мягкой силы», среди которых значительную роль играют некоммерческие организации, способные формировать общественную повестку и воздействовать на правосознание граждан. В этой связи защита государственных интересов от внешнего вмешательства приобретает комплексный характер, охватывая не только противодействие прямым угрозам безопасности, но и обеспечение информационного суверенитета, защиту традиционных ценностей и правового сознания граждан. Как отмечается в Стратегии, «только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит процветание России и формирование справедливого общества» [4].

Прокуратура обладает широким арсеналом полномочий по защите государственных интересов. Согласно ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», предметом прокурорского надзора является соблюдение Конституции РФ и исполнение законов органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций [6]. Основные направления прокурорской правозащитной деятельности определяет приказ Генеральной прокуратуры РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [7].

В целях обеспечения верховенства закона и комплексной защиты прав и свобод граждан Генеральная прокуратура РФ усилила надзор за исполнением законов о защите интересов государства и общества. Данное направление охватывает все важнейшие сферы жизни людей: здравоохранение, образование, лекарственное и пенсионное обеспечение, социальное страхование, за-

щиту прав потребителей, охрану природы и объектов культурного наследия. При организации прокурорских проверок, как подчёркивается в юридической литературе, «необходимо учитывать ценность, устойчивость и прямое действие конституционных прав» [8, С. 154].

В рамках надзора за исполнением законов о защите интересов государства и общества органы прокуратуры рассматривают информацию о нарушениях в сфере здравоохранения, о незаконном обороте оружия, о нарушении законодательства о культурном наследии, о фактах угроз жизни и здоровью граждан. При подтверждении сведений о нарушении законодательства органы прокуратуры принимают необходимые меры реагирования, используя правовые средства: протесты, представления, предостережения, постановления, заявления в суды [8, С. 158].

В условиях глобального развития информационных технологий особую актуальность приобретают вопросы защиты интересов государства и общества от неправомерной информации, распространяемой посредством сети Интернет. Конституция РФ гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать и распространять информацию любым законным способом [2]. Однако Интернет, как справедливо отмечается в документах Генеральной прокуратуры, может использоваться и во вред другим лицам.

Генеральная прокуратура РФ ориентировала прокуроров на противодействие нарушениям в сети Интернет, используя правозащитные полномочия вне уголовно-правовой сферы. Организована работа по пресечению рекламы наркотиков, экстремизма и терроризма, нацизма, детской порнографии, насилия, неправомерного распространения персональных данных. Статистика прокурорского надзора в этой сфере свидетельствует о значительной динамике: за два года прокурорами выявлено более 20 тысяч нарушений прав граждан, связанных с противоправным распространением информации в сети Интернет.

Трансграничный характер правонарушений в Интернете делает невозможным эффективное противодействие в рамках одного государства. Ключевыми проблемами, требующими совместных решений, являются: распространение детской порнографии, наркотических средств; распространение информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних; угрозы государственной безопасности; нарушения прав на защиту персональных данных; продажа контрафактных лекарств.

Таким образом, интересы государства как предмет правовой защиты от внешнего вмешательства органов прокуратуры представляют собой сложную, многоаспектную категорию, включающую как собственно институциональные потребности государства в обеспечении суверенитета, законности и правопорядка, так и общественные интересы, реализация которых гарантируется государством. Прокуратура, обладая особым конституционно-правовым статусом и широким арсеналом надзорных полномочий, выступает ключевым субъектом защиты государственных интересов от внешних угроз.

Деятельность прокуратуры определяется рамками законов и подзаконных актов, а меры прокурорского надзора в защиту прав граждан и государственных интересов носят компенсационный характер [8, С. 158]. Потенциал прокуратуры в настоящее время широк и многообразен.

Оптимальный выбор прокурорских средств реагирования способствует обеспечению необходимого баланса между защитой прав и свобод граждан и обеспечением безопасности государства и общества в условиях современных вызовов и угроз.

Литература:

1. Тихомиров Ю. А. Публичное право: Учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022; Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020; Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. Милосердов Н. А. Публичные интересы: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10 (131). С. 202–211.
4. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
5. Малинова А. Г. «Публичные интересы»: нужен ли этот термин российскому законодательству? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 164–174.
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.08.2026) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472; 2026. — № 32. — Ст. 4525.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. — № 3. — 2008.
8. Тагирова Д. Т., Сулейманов В. Г. Правозащитная деятельность российской прокуратуры // Законность и правопорядок в современном обществе: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 153–158.

К вопросу о практической реализации принципа состязательности сторон на стадии возбуждения уголовного дела

Иванова Кристина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тулиглов Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В настоящей работе автор акцентирует внимание на имеющейся в современной практике уголовного судопроизводства проблематике реализации принципа состязательности сторон на стадии возбуждения уголовного дела, то есть на первичном этапе производства — с момента поступления сообщения о совершении преступления, то есть с момента начала процессуальной проверки.

В современных научных кругах, равно как и в правоприменительной практике вопрос о наполнении упомянутой стадии элементами состязательности не теряет своей актуальности, во многом, по причине того, что именно в ней происходит первичное столкновение публичных интересов государства, представленных в лице органов предварительного расследования, с конкретной личностью, вовлеченной в процесс уголовного судопроизводства, ее конституционными правами и свободами, в условиях фактической невозможности привлечения к участию в указанном процессе профессионального защитника.

Ключевые слова: адвокат, защитник, уголовно-процессуальное право, принцип, состязательность, возбуждение уголовного дела, сторона защиты, сторона обвинения, процессуальные права, сообщение о преступлении, проверка.

Концептуально стадия возбуждения уголовного дела предстает в качестве проверочной, в которой отсут-

ствует сторона защиты в классическом ее понимании, а действия должностных лиц, наделенных необходимыми

полномочиями, сводятся к выяснению обстоятельств произошедшего и установлению фактов наличия или отсутствия признаков состава преступления [9, с. 24]

Действующим законодательством, а именно частью 3 статьи 49 УПК РФ установлено, что защитник привлекается к участию в уголовном деле с момента задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в порядке статьи 92 УПК РФ, возбуждении в отношении него уголовного дела, либо осуществления иных процессуальных действий, непосредственно затрагивающих или ограничивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, а также в иных случаях, однако не актуальных в рамках настоящей работы.

В обозначенных условиях статус адвоката, равно как и возможность его участия на стадии возбуждения уголовного дела остаются неопределенными и дискуссионными [6, с. 219].

Так, например, если обратиться к непосредственному тексту части 3 статьи 49 УПК РФ: «Защитник участвует в уголовном деле: ...» [2]. При буквальном толковании данной нормы можно сделать однозначный вывод о том, что участие защитника возможно лишь после соблюдения формальной процедуры — возбуждения уголовного дела, ранее защитник не привлекается.

Такой вывод подтверждается также и тем, что на практике, в случаях проверки сообщения о преступлении, проводимой в отношении конкретного лица, круг действий, выполняемых сотрудниками правоохранительных органов не ограничивается перечнем, приведенным в статье 144 УПК РФ, на которую указывает пункт 6 части 3 статьи 49 УПК. Часть действий, такие, например, как: опрос, наведение справок, наблюдение и прочие относятся к оперативно-розыскным мероприятиям и перечислены в статье 6 Федерального Закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3].

Иными словами, исходя из буквального толкования норм статьи 49 УПК РФ — при вовлечении лица, не обладающего статусом подозреваемого в оперативно-розыскную деятельность, направленную против него — участие защитника не допускается по причине того, что такие проверочные действия не относятся к «иным процессуальным действиям», указанным в УПК РФ, а регулируются специальным законодательством [5, с. 160].

Из описанного выше становится очевидно, что на этапе проверки сообщения о преступлении — стадии возбуждения уголовного дела, состязательность, фактически, проявляется лишь посредством механизма судебного контроля за действиями органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование [4, с. 32]. Не разрешенным в данном случае остается вопрос о том, что на стадии возбуждения уголовного дела не всегда возникают обстоятельства, формально соответствующие положениям закона, но необходимые для привлечения защитника к участию в уголовном процессе, что в свою очередь создает некоторый дисбаланс процессуальных возможностей.

Однозначным становится факт, что в современной уголовно-процессуальной практике существует проблемная ситуация, связанная с существенным ограничением принципа состязательности на стадии возбуждения уголовного дела, которая обусловлена отсутствием у лица, в отношении коего проводится проверка (фактически — подозреваемого, но формально им не являющегося) полноценного статуса из числа тех, что позволили бы отнести его к стороне защиты уголовного процесса, ведь такой статус, в соответствии с действующим законодательством приобретается лишь с момента вынесения решения о возбуждении уголовного дела или с момента задержания [8, с. 253].

Таким образом, в некоторой степени, имеет место парадоксальная ситуация, заключающаяся в фактическом отсутствии у лица, чьи права, свободы и законные интересы непосредственно затрагиваются при проведении доследственной проверки, возможности в полной мере пользоваться ключевыми элементами состязательной защиты в лице защитника. Адвокат, в случае привлечения его к участию на данной стадии фактически не является защитником в смысле статьи 49 УПК РФ, а равно и не наделен соответствующими полномочиями, поименованными в статье 53 УПК РФ — то есть находится в статусе представителя, что существенно ограничивает ряд процессуальных действий, доступных ему для осуществления защиты фактически подозреваемого лица.

Из всего следует, что создается ситуация, в которой решение о возбуждении уголовного дела, как базовое условие для участия в деле именно что защитника, принимается стороной обвинения в условиях фактической монополии на владение информацией, относящейся к делу и отсутствием реальной конкуренции между процессуальными сторонами.

На наш взгляд — данная ситуация не в полной мере отвечает принципам справедливости, равенства участников и состязательных начал уголовного судопроизводства. Кажется вполне обоснованным предложить внесение изменений в действующее законодательство, касающихся возможности распространения статуса защитника, со всеми присущими ему правами и обязанностями на представителя лица, в отношении которого органами предварительного расследования проводится проверка сведений, содержащихся в сообщении о преступлении, с момента начала осуществления любых действий, затрагивающих или ограничивающих конституционные права и свободы такого лица, либо направленных на формирование доказательной базы.

Представляется необходимым закрепить в действующем УПК РФ новую норму, в соответствии с которой лицо, в отношении которого проводится процессуальная проверка, с момента проведения в его отношении любого из процессуальных или проверочных действий входящих в компетенцию органов предварительного расследования, будет иметь право на привлечение к участию в деле защитника, обладающего полным набором процес-

суальных полномочий, предусмотренных статьей 53 УПК РФ. Данное предложение возможно реализовать путем дополнения статьи 49 УПК РФ новой частью следующего содержания: «Защитник допускается к участию на стадии возбуждения уголовного дела с момента применения, в том числе в целях проверки сообщения о преступлении, в отношении лица любых мер, непосредственно затрагивающих и (или) ограничивающих права, свободы и законные интересы такого лица».

На наш взгляд закрепление подобной нормы положительно повлияет на баланс между сторонами уголовного судопроизводства, поскольку позволит адвокату не просто присутствовать в качестве представителя при совершении тех или иных процессуальных или проверочных действий, но и принимать активные меры по укреплению положения стороны защиты посредством сбора доказательств, ознакомления с материалами проверки, и прочее.

Упомянутая новелла, в том числе, позволит повысить качество процессуального контроля ввиду осознания должностными лицами, осуществляющими процессуальную деятельность в рамках уголовного судопроизводства, реальной возможности оперативного оспаривания их действий на этапе возбуждения уголовного дела, что в свою очередь поспособствует формированию более тщательного подхода к обоснованию принимаемых решений.

Исходя из вышесказанного, необходимо вновь акцентировать внимание на том, что механизм реализации принципа состязательности сторон на стадии возбу-

ждения уголовного дела на сегодняшний день находится в процессе формирования [7, с. 58]. По-прежнему сохраняет свою актуальность фундаментальное противоречие, состоящее в фактическом отсутствии стороны защиты на этапе до формального возбуждения уголовного дела.

Однако разрешение указанной ситуации видится не в отказе от существующей модели проведения доследственной проверки, но в модернизации в целях ее адаптации к состязательным началам уголовного производства. Такие изменения возможно провести путем наделения лица, в отношении которого проводятся процессуальные или проверочные действия, правом еще на стадии возбуждения уголовного дела привлечь профессионального защитника, обладающим полным набором процессуальных прав аналогичных тем, что приобретает адвокат после вынесения решения о возбуждении уголовного дела.

Помимо прочего, участие на стадии возбуждения уголовного дела полноценного защитника позволит более эффективно противостоять обвинительному уклону, возможному на самой ранней стадии уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, только обеспечив реальное равенство процессуальных возможностей, положений сторон в период до вынесения (во многом формального) решения о возбуждении уголовного дела, можно говорить о реальном, а не декларативном применении принципов равноправия и состязательности сторон в современном российском уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 32. — Ст. 2926.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации — 2001. — № 52 (часть I)— Ст. 4921.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
4. Арестова, Е. Н. Деятельность органов внутренних дел на этапе возбуждения уголовного дела / Е. Н. Арестова. — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2003. — № 5. — С. 29–33.
5. Гущин, А. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам / А. Н. Гущин. — Текст: непосредственный // Вестник ВИ МВД России. — 2020. — № 4. — С. 157–162.
6. Игнатенко, Е. А. Принципы состязательности в уголовном процессе / Е. А. Игнатенко. — Текст: непосредственный // Лучшая научная статья 2018: сборник статей XXI Международного научно-исследовательского конкурса. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. — С. 218–221.
7. Марианов, А. А. Реализация принципа состязательности сторон в уголовном процессе / А. А. Марианов. — Текст: непосредственный // Вестник СПИ. — 2024. — № 3 (51). — С. 55–58.
8. Пугачев, Ю. М. Об участии защитника на стадии возбуждения уголовного дела / Ю. М. Пугачев. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 2. — С. 251–254.
9. Судакова, М. А. Стадии возбуждения уголовного дела / М. А. Судакова. — Текст: непосредственный // Science Time. — 2020. — № 1 (73). — С. 24–27.

Федеральный государственный надзор за маломерными судами

Кашкарова Ольга Сергеевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье проводится анализ требований к пользованию маломерными судами для обеспечения безопасности людей на водных объектах, установленных Федеральным законом «О безопасности людей на водных объектах», в частности, статьи 20, которая регламентирует требования к лицам, управляющим маломерными судами на водных объектах, как материальной нормы права и возможности правоприменительной деятельности. Актуальность изучения данной нормы обусловлена тем, что она устанавливает четкие правовые требования к пользованию маломерными судами для обеспечения безопасности и правопорядка на водных объектах.

Ключевые слова: федеральный государственный надзор за маломерными судами, правовое регулирование, административная ответственность, требования к пользованию маломерными судами.

Federal state supervision of small vessels

Kashkarova Olga Sergeevna, master's degree student

Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

The article analyzes the requirements for the use of small vessels to ensure the safety of people on water bodies, as established by the Federal Law “On the Safety of People on Water Bodies,” in particular, Article 20, which regulates the requirements for persons operating small vessels on water bodies — both as substantive legal norms and in terms of the possibilities for law enforcement activities. The relevance of studying this norm is due to the fact that it establishes clear legal requirements for the use of small vessels to ensure safety and law and order on water bodies.

Keywords: federal state supervision of small vessels, legal regulation, administrative liability, requirements for the use of small vessels.

1 сентября 2025 года официально вступил в силу и начал реализовываться на практике Федеральный закон от 3 февраля 2025 г. № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» [4] (далее — ФЗ «О безопасности людей на водных объектах»). Федеральным законом установлены полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления муниципальных образований и органов публичной власти федеральных территорий в области обеспечения безопасности людей на водных объектах, установлены обязательные требования безопасности людей на водных объектах.

Закон разработан в целях ликвидации правового вакуума и создания базового законодательного акта в области обеспечения безопасности людей на водных объектах.

В рассматриваемом Федеральном законе особое внимание уделяется требованиям к пользованию маломерными судами, а также организации и осуществлению федерального государственного надзора в отношении их.

Актуальность исследования обусловлена проблемами осуществления государственного надзора за соблюдением основополагающих требований к лицам, управляющим маломерными судами на водных объектах, установленных положениями статьи 20 (далее — ст. 20) ФЗ «О безопасности людей на водных объектах».

В случае с лицами, управляющими маломерными судами, подлежащими государственной регистрации в реестре маломерных судов, предписания ст. 20 ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» корреспондируют с положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), устанавливающими конкретные составы административных правонарушений и соответствующие санкции (в частности, статьи 11.8, 11.8.1 КоАП РФ). Однако в отношении судоводителей, управляющих маломерными судами, не подлежащими государственной регистрации, за нарушение большинства требований, закрепленных указанной статьей, действующее законодательство об административных правонарушениях не устанавливает самостоятельной административной ответственности, что свидетельствует о наличии пробела в правовом регулировании.

Вместе с тем, в ФЗ «О безопасности людей на водных объектах», сказано, что за нарушение требований, установленных статьей 20 Федерального закона, лица, управляющие маломерными судами, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Данное положение подразумевает, что ответственность должны нести все лица, управляющие маломерными судами, нарушающие требования, вне зависимости от того подлежит маломерное судно регистрации или нет.

Согласно законодательству, маломерное судно — судно, длина которого не должна превышать двадцать метров и общее количество людей на котором не должно превышать двенадцать [5].

Государственной регистрации в реестре маломерных судов подлежат маломерные суда массой 200 килограммов и более с мощностью двигателей (в случае установки) 8 киловатт и более, за исключением маломерных судов, используемых в целях обеспечения торгового мореплавания и судоходства, перечень категорий (типов) которых определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта [4].

Одно из требований, установленных ст. 20 ФЗ «О безопасности людей на водных объектах», это требование к документам, которые должны быть при себе у судоводителя при нахождении на водном объекте. В зависимости от того подлежит маломерное судно регистрации или нет установлены и различные требования к документам.

Установлено, что в случае управления маломерными судами, подлежащими государственной регистрации в реестре маломерных судов, необходимо удостоверение на право управления маломерным судном либо документы, которые выданы иностранным государством и в соответствии с международным договором Российской Федерации или нормативным правовым актом Российской Федерации признаются в качестве документа, подтверждающего право управления маломерным судном на территории Российской Федерации, и судовой билет.

При управлении маломерными судами, не подлежащими государственной регистрации в реестре маломерных судов, — документ, удостоверяющий личность лица, управляющего маломерным судном.

Что касается требований к документам судоводителя, управляющего маломерным судном они обоснованы и подкреплены соответствующими санкциями КоАП РФ, а именно частью 1 статьи 11.8.1. Согласно, которой установлено, что управление маломерным судном судоводителем, не имеющим при себе удостоверения на право управления маломерным судном, судовой билет маломерного судна или его копии, заверенной в установленном порядке, а равно документов, подтверждающих право владения, пользования или распоряжения управляемым им судном в отсутствие владельца, — влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере ста рублей. В названной статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях прямо перечислены именно те документы, которые необходимы исключительно для управления маломерным судном, подлежащим регистрации.

Для судоводителей, управляющих маломерным судном, требование о наличии паспорта на практике не применимо, в виду того, что за данное нарушение, во-первых, отсутствуют санкции, во-вторых документ удостоверяющий личность, например, паспорт гражданина Рос-

сийской Федерации является основным документом, удостоверяющим гражданство Российской Федерации и личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, который гражданин Российской Федерации обязан бережно хранить. С учетом того, что в большинстве случаев маломерные суда используются для отдыха и рыбалки, возникают риски утраты или порчи паспорта.

Кроме того за отсутствие документов у лиц, управляющих маломерными судами, подлежащими регистрации применяется задержание маломерного судна, в отношении маломерного судна не подлежащего регистрации, данную меру обеспечения применить невозможно, соответственно государственный инспектор по маломерным судам вправе потребовать от физических лиц предъявления документов, удостоверяющих личность, но за отказ или отсутствие документов, фактически никаких мер административного воздействия применить не может.

Таким образом, создается правовой пробел по применению санкций в отношении лиц, управляющих маломерным судном, не подлежащим государственной регистрации при отсутствии документа, удостоверяющего личность в виду отсутствия состава административного правонарушения.

Указанный правовой пробел в ряде случаев создает предпосылки к бездействию государственных инспекторов по маломерным судам, при выявлении нарушений, за которые предусмотрена административная ответственность КоАП РФ и применяется ко всем маломерным судам, включая не подлежащие регистрации:

- часть 2 статьи 11.7 — нарушение правил маневрирования, скорости, навигационных знаков, бортовых огней — влечет предупреждение, или наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей, или лишение права управления маломерным судном на срок до шести месяцев;
- статья 11.9 — управление судном в состоянии опьянения — влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей или лишение права управления судном на срок от одного года до двух лет;
- статья 11.10 — нарушение правил обеспечения безопасности пассажиров на судах водного транспорта, а также на маломерных судах — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трехсот до пятисот рублей.

Если у лица управляющего маломерным судном, не подлежащим регистрации не будет при себе паспорта, соответственно для установления личности и составления протокола потребуется доставление, как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

В виду отсутствия полномочий по доставлению лиц, совершивших административное правонарушение, на практике, при выявлении нарушения в отдаленной местности от пункта постоянной дислокации, государственный ин-

спектор по маломерным судам просто отпустит нарушителя, так как для доставления ему потребуется обратиться к должностным лицам органов внутренних дел (полиции). Которые, в свою очередь, не всегда располагают силами и средствами для выезда на водоем. Кроме того, это потребует значительных затрат времени и горюче-смазочных материалов, а с учетом незначительных размеров штрафов встает вопрос о целесообразности и эффективности надзорного мероприятия.

Аналогичные пробелы в наступлении административной ответственности для лиц, управляющих маломерными судами, не подлежащими регистрации можно выделить и в обязанностях соблюдения требований, установленных техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности маломерных судов», в том числе проверять перед выходом в плавание исправность судна и его механизмов, оснащенность необходимым оборудованием, спасательными средствами и другими предметами снабжения.

Согласно части 3 статьи 11.8 КоАП РФ, управление судном (в том числе маломерным, подлежащим государственной регистрации), не зарегистрированным в установленном порядке либо имеющим неисправности, с которыми запрещена его эксплуатация, влечет наложение административного штрафа в размере от пятнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей.

Пунктом 45 статьи 5 технического регламента Таможенного союза «О безопасности маломерных судов», установлен перечень неисправностей, с которыми запрещена эксплуатация маломерных судов:

- 1) наличие свищей, пробоин набора и обшивки корпуса (независимо от местонахождения);
- 2) отсутствие или разгерметизация предусмотренных конструкцией маломерного судна гермоотсеков и воздушных ящиков;
- 3) не обеспечен полный угол перекладки руля (35 градусов на каждый борт), затруднено вращение рулевого штурвала;
- 4) повреждение пера руля или деталей рулевого привода (направляющие блоки, опорные подшипники, натяжные талрепы, штуртросовая передача), наличие разрывов каболок штуртроса;
- 5) отсутствие предусмотренных конструкцией деталей крепления рулевого привода (гайки, шпильки, контргайки);
- 6) утечка топлива из баков, шлангов системы питания;
- 7) наличие вибрации двигателя, подвесного мотора, превышающей допустимые эксплуатационной документацией значения;
- 8) повреждение системы дистанционного управления двигателем, реверс-редуктором.

Следовательно, если судно не подлежит регистрации, но имеет неисправности, запрещающие эксплуатацию, состав административного правонарушения не образуется.

Вне правового поля также оказались и возможные нарушения лицами, управляющими маломерными судами,

не подлежащими государственной регистрации, переоборудованным без соответствующего разрешения, несоблюдение скорости движения или норм пассажировместимости, ограничений по району и условиям плавания, установленные частью 1 статьи 11.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Таким образом, ключевые требования ст. 20 указанного Федерального закона — проверка исправности судна перед выходом на воду, обеспечение безопасности лиц при посадке и высадке, соблюдение ограничений по району плавания, — для судоводителей незарегистрированных маломерных судов не обеспечены самостоятельными составами административных правонарушений, поскольку соответствующие нормы КоАП РФ (ч. 1 и ч. 3 ст. 11.8) прямо ограничены в применении судами, подлежащими государственной регистрации. Указанное расхождение свидетельствует о неполноте правового регулирования и наличии пробела, при котором материальные нормы административного права не в полной мере обеспечивают реализацию императивных требований безопасности, установленных специальным законодательством.

Если в случае отсутствия документа, удостоверяющего личность, судоводитель маломерного судна не подлежащего регистрации не несет никакой угрозы, то при эксплуатации маломерного судна с неисправностями, переоборудованным без разрешения, нарушением норм пассажировместимости и т. д., создаются реальные угрозы как для других участников движения на водных объектах, так и для лиц, находящихся на борту.

В ходе исследований положений ФЗ «О безопасности людей на водных объектах», проведенных Винокуровым В. А. и Сташковым Р. С. в отношении санкций, о которых упомянуто в том числе в ст. 20 ФЗ «О безопасности людей на водных объектах», отмечено, «что их наличие, предусматривающее ответственность за нарушение требований той или иной статьи «в соответствии с законодательством Российской Федерации», не имеет никакого юридического и практического значения, поскольку административная и уголовная ответственность наступает лишь в том случае, если состав правонарушения или преступления содержится в соответствующих кодексах. Таким образом, сформулированные в названных статьях нормы, предусматривающие эфемерную юридическую ответственность, излишни» [1].

В целях повышения безопасности людей на водных объектах, укрепления законности и ответственности лиц, управляющих маломерными судами целесообразно унифицировать правовые нормы КоАП РФ и ФЗ «О безопасности людей на водных объектах, установить административную ответственность для лиц, управляющих маломерными судами, не подлежащими государственной регистрации. Для устранения выявленных правовых пробелов, предлагается в КоАП РФ:

Изложить название статьи 11.8.1 в редакции «Статья 11.8.1. Управление маломерным судном, подлежащим государственной регистрации судоводителем, не имеющим

при себе документов, необходимых для допуска к управлению маломерным судном».

Дополнительно ввести статью 11.8.2 «Управление маломерным судном, не подлежащим государственной регистрации судоводителем, не имеющим при себе документа, удостоверяющего личность».

Диспозицию части 1 статьи 11.8 изложить в редакции «Управление судном (в том числе маломерным, подлежащим государственной регистрации), не прошедшим технического осмотра (освидетельствования), либо не несущим бортовых номеров или обозначений».

Дополнить статью 11.8 отдельной частью «Управление судном, в том числе маломерным переоборудованным

без соответствующего разрешения или с нарушением норм пассажировместимости, ограничений по району и условиям плавания, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 настоящей статьи».

Диспозицию части 3 статьи 11.8 изложить в редакции «Управление судном (в том числе маломерным, подлежащим государственной регистрации), не зарегистрированным в установленном порядке».

Дополнить статью 11.8 отдельной частью «Управление судном, в том числе маломерным, имеющим неисправности, с которыми запрещена его эксплуатация».

Пункт 6 части 1 статьи 27.2 дополнить после слов «ресурсов» словами «должностными лицами органов государственной инспекции по маломерным судам».

Литература:

1. Винокуров В. А., Сташков Р. С. Критический анализ отдельных норм Федерального закона «О безопасности людей на водных объектах» / В. А. Винокуров, Р. С. Сташков // Транспортное право и безопасность. 2025. N 1 (53). С. 18–25.
2. Шевченко К. В. Применение физической силы, специальных средств сотрудниками ГИМС МЧС России // Административное право и процесс. 2026. N 2. С. 61–64.
3. Назарова И. С., Уткин Н. И., Шеншин В. М. О некоторых особенностях организации производства по делам об административных правонарушениях в ГИМС МЧС России // Право и государство: теория и практика. 2023. N 10 (226). С. 192–195. DOI: 10.47643/1815–1337_2023_10_192.
4. Федеральный закон от 03.02.2025 № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» // [Электронный ресурс] – https://rg.ru/documents/2025/02/05/fz4.html?ysclid=mu12v61599157149&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 14.09.2026)
5. «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // [Электронный ресурс] – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30650/?ysclid=mu12x57bm4330386147 (дата обращения: 14.09.2026)

Договор строительного подряда: теория и практика

Козлов Дмитрий Владимирович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует теоретические и практические аспекты договора строительного подряда, а также выявляет проблемы правового регулирования и правоприменения.

Ключевые слова: договор, законодательство, правовое регулирование.

Цель исследования заключается в комплексном анализе теоретических и практических аспектов договора строительного подряда, выявлении проблем правового регулирования и правоприменения, а также в разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства в указанной сфере.

Задачи исследования:

Изучить понятие, признаки и место договора строительного подряда в системе гражданско-правовых договоров

Определить стороны договора строительного подряда: правовой статус заказчика и подрядчика, особенности

участия технического заказчика, субподрядчиков и генподрядчика

Выделить существенные условия договора строительного подряда: предмет, цена, сроки, требования к технической документации и смете

Охарактеризовать права и обязанности сторон в процессе исполнения договора

Проанализировать порядок сдачи и приемки результата работ: юридическое значение промежуточных приемок, оформление недостатков

Описать ответственность за нарушение договора строительного подряда: неустойка за нарушение сроков,

возмещение убытков, особенности расторжения договора и консервации объекта

Выделить проблемы разграничения дополнительных и непредвиденных работ, изменение цены и сметы в судебной и арбитражной практике

Рассмотреть особенности правового регулирования строительного подряда при банкротстве подрядчика и заказчика

Выделить перспективы развития договорного регулирования в строительной сфере: цифровизация строительства, роль эскроу-счетов и саморегулируемых организаций.

Объект исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с заключением, исполнением и прекращением договора строительного подряда

Предмет исследования — нормы гражданского и градостроительного законодательства, регулирующие данный договор, судебная практика и доктринальные положения по вопросам правового регулирования строительного подряда.

Методы исследования: общенаучные методы познания — диалектический, системно-структурный, анализ, синтез, индукцию и дедукцию, а также специально-юридические методы — формально-юридический (догматический), сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм и метод обобщения судебной практики. Дополнительно применяются исторический и статистический методы для анализа эволюции правового регулирования и динамики судебных споров.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что существующее правовое регулирование договора строительного подряда не в полной мере отвечает потребностям современного экономического оборота, что обуславливает необходимость его совершенствования, в частности, в части уточнения существенных условий договора, порядка изменения цены, распределения рисков между сторонами и механизмов ответственности за нарушение обязательств.

Степень разработанности (изученности) темы исследования

Тема договора строительного подряда является широко изученной в рамках гражданского, строительного и предпринимательского права. В научных работах различных авторов установлен ряд принципиальных положений, касающихся правовой природы договора, его существенных условий, прав и обязанностей сторон, ответственности за нарушение обязательств.

Теоретическая база исследования договора строительного подряда опирается на труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные гражданско-правовой природе договора, его содержанию, существенным условиям, порядку заключения и исполнения, ответственности сторон и разрешению строительных споров.

Общетеоретические основы договорного права и общие положения о договорных обязательствах исследованы

в фундаментальных работах М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, Е. А. Суханова, О. С. Ерахтиной, М. Ю. Козловой, Д. В. Кожемякина и О. А. Сергачевой, а также В. Ф. Попондопуло. Специфика гражданско-правового регулирования строительных отношений и договора строительного подряда рассмотрена в работах А. А. Максурова, А. Ю. Макеева, С. Г. Петрова, Г. Г. Магомедова, П. В. Надтачаева и С. В. Мельник, Н. Г. Рожкова, Д. М. Кудрявцева и М. С. Соболевской. Существенные условия договора строительного подряда, включая предмет, сроки и содержание договорных обязательств, исследованы А. А. Максуровым, Д. М. Кудрявцевым, Н. Г. Рожковым и М. К. Усовой.

Проблематика субъектного состава строительных правоотношений и особенностей участия заказчика и подрядчика получила развитие в исследовании Т. А. Панковой, тогда как вопросы заключения и исполнения договора строительного подряда рассмотрены Р. В. Пашковым и Б. Т. Минушевым. Договорная работа в строительной сфере, включая разработку и практическое применение договорных документов, систематизирована в трудах Р. В. Пашкова, что имеет значение для исследования практических механизмов оформления и сопровождения строительных проектов.

Особое направление исследований связано с ценой договора и сметой: проблемы изменения стоимости строительных работ рассматриваются А. С. Пимченковой, а вопросы содержания договорных условий позволяют дополнительно раскрыть работы А. А. Максурова и Н. Г. Рожкова.

Проблемы исполнения обязательств и ответственности участников строительных отношений исследованы Ю. И. Фроловской, уделившей внимание применению норм гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по выполнению строительных работ, а также И. В. Григорьевым, рассмотревшим судебную практику по гарантийным обязательствам в строительных договорах.

Правовые последствия приемки результатов строительных работ и значение соответствующих документов анализируются М. Н. Дьяковым, тогда как защита прав подрядчика при исполнении договора строительного подряда исследована М. Г. Каретиным. Вопросы расторжения договора строительного подряда, основания прекращения договорных отношений и соответствующие правовые последствия рассмотрены Л. А. Аветисян и Ю. Ш. Никоновой.

Судебно-правоприменительная проблематика строительных договоров получила отражение в работах Е. В. Макаровой и Е. В. Кондратенко, Н. К. Сидоровой, М. Ю. Марковской, И. К. Харитоновой и И. С. Макеевой, которые рассматривают различные категории споров, возникающих между участниками строительных отношений, а также способы защиты их прав и законных интересов.

Отдельное направление составляют исследования цифровой трансформации договорных отношений: Е. Е. Фролова и А. М. Берман анализируют современные

способы волеизъявления сторон в условиях цифровизации, а Е. В. Белоусова рассматривает возможности применения технологий искусственного интеллекта для защиты прав участников договора строительного подряда.

Международно-правовые и сравнительно-правовые аспекты строительных контрактов исследованы Я. А. Аносовым, Д. С. Белкиным, И. В. Лавреняк, Н. А. Ляпустиной и О. С. Рыбкой, Н. Ю. Сулимовым, а также зарубежными авторами F. Ferrari, F. Rosenfeld, S. Jovanović, N. Mahasneh, B. Rasulov, S. Asanova и Q. Mamarakhimov. В указанных исследованиях рассматриваются вопросы международных строительных контрактов, применения стандартов FIDIC, соотношения национального и международного регулирования, распределения рисков и ответственности сторон, а также разрешения строительных споров.

Представленная научная база охватывает основные теоретические и практические направления исследования договора строительного подряда: его правовую природу и существенные условия, субъектный состав, заключение и исполнение, определение и изменение цены, приемку результатов работ, ответственность и гарантии, растор-

жение договора, судебную защиту, цифровизацию договорных отношений и применение международных стандартов в строительной деятельности.

Значительный вклад в развитие теории договора строительного подряда вносят также работы, посвященные актуальным аспектам определения субъектного состава, правовому регулированию заключения договора, а также проблемам регулирования отношений по договору строительного подряда в целом. Вместе с тем, несмотря на значительное количество научных исследований, проблема договора строительного подряда остается открытой, что обусловлено постоянным развитием экономических отношений, появлением новых технологий в строительстве (включая технологии информационного моделирования и искусственного интеллекта) и изменением законодательства. Остаются дискуссионными вопросы о существенных условиях договора, о правовой природе технической документации и сметы, о распределении рисков между сторонами, о последствиях расторжения договора и о многих других аспектах, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 3.
3. Зияншина Р. Р. Некоторые вопросы применения норм о договоре строительного подряда — новая судебная практика // Право, экономика и управление: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 20 авг. 2025 г.) / редкол.: Э. В. Фомин [и др.]. — Чебоксары: ИД «Среда», 2025. — С. 278–281.
4. Родионов А. Д. Анализ проблем судебной практики по договору строительного подряда // Молодой ученый. — 2024. — № 29 (528). — С. 137–139.
5. Краузе Д. С. Договор строительного подряда. Теоретические и практические проблемы правового регулирования договора строительного подряда по законодательству РФ // Молодой ученый. — 2023. — № 25 (472). — С. 192–194.
6. Кудрявцев Д. М. Договор строительного подряда в гражданском праве России: вопросы теории правоприменительной практики // Молодой ученый. — 2024. — № 51 (550). — С. 495–499.
7. ГОСТ Р 71177–2023. Управление крупными строительными проектами с использованием интегрированных контрактов. — М.: Стандартиформ, 2023.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.08.2025 № 305-ЭС22–22597 по делу № А40–204702/2021.
9. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 27. — Ст. 3953.
10. Судебная статистика Российской Федерации. — URL: <https://sudstat.ru/>

Правовой режим долей и акций после смерти супруга — участника хозяйственного общества

Колотова Анастасия Павловна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Исследуется правовой режим долей и акций после смерти супруга, на имя которого оформлен корпоративный актив. Разграничены доля пережившего супруга в общем имуществе и часть корпоративного актива, включаемая в наследство; проанализированы условия приобретения статуса участника ООО и акционера. В качестве предложения по совершен-

ствованию законодательства обосновано применение предусмотренного уставом требования о согласии только к наследственной части доли.

Ключевые слова: переживший супруг, доля супруга в общем имуществе, наследование доли, общество с ограниченной ответственностью, акции, статус участника общества, действительная стоимость доли.

Смерть супруга, на имя которого оформлена доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или акции, порождает одновременное действие семейно-правового, наследственного и корпоративного режимов. Для пережившего супруга принципиальное значение имеет разграничение собственной части общего имущества и имущества, переходящего в порядке наследования. При этом принадлежность корпоративного актива, под которым в настоящей статье понимаются имеющие имущественную ценность доли в уставном капитале ООО и акции, не всегда означает приобретение статуса участника хозяйственного общества. Возникающая коллизия затрагивает гарантии общей собственности супругов и автономию воли участников корпорации.

Цель исследования состоит в определении режима доли пережившего супруга в общем корпоративном активе и части этого актива, включаемой в наследство (далее условно – супружеская и наследственная части), а также критериев допустимости уставных ограничений на вступление пережившего супруга в корпорацию. Используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики.

Исходной является норма пункта 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ), согласно которой приобретенные за счет общих доходов доли в капитале и ценные бумаги относятся к общему имуществу супругов независимо от того, на имя кого из них они оформлены [3, ст. 34]. Поэтому регистрация доли или акций за наследодателем сама по себе не превращает весь актив в его личное имущество. До открытия наследства приобретенные супругами в период брака за счет общих доходов доли и акции находятся в их совместной собственности, если иной имущественный режим не установлен брачным договором либо соответствующее имущество не разделено на основании нотариально удостоверенного соглашения супругов или решения суда [3, ст. 33, 38, 40–42].

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) устанавливает, что после смерти одного из супругов пережившему супругу принадлежит одна вторая общего имущества, если иной размер не определен брачным договором, совместным завещанием, наследственным договором или решением суда [1, ст. 256]. Корреспондирующая статья 1150 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ закрепляет, что право наследования не умаляет права пережившего супруга на часть совместно нажитого имущества [2, ст. 1150]. Следовательно, в наследственную массу включается не весь корпоративный актив, находившийся в совместной собствен-

ности супругов, а только доля умершего супруга в праве на общее имущество.

С правоприменительной точки зрения необходимо различать два основания приобретения. «Супружеская» часть принадлежит пережившему супругу вследствие прекращения режима совместной собственности и определения его доли в общем имуществе. «Наследственная» часть приобретается на основании универсального правопреемства после принятия наследства. Переживший супруг, призываемый к наследованию по закону в составе первой очереди, может одновременно получить обе части, однако их правовые основания и последствия не совпадают [2, ст. 1142, 1150, 1152]. Именно это разграничение должно отражаться в нотариальных документах и учитываться при разрешении корпоративного спора.

Пункт 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» требует включать в наследство только долю умершего супруга в общем имуществе [8, п. 33]. Пережившему супругу нотариус выдает отдельное свидетельство о праве собственности по статье 75 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [7, ст. 75]. Оно подтверждает ранее возникшее семейно-имущественное право, а не принятие наследства.

Разграничение подтверждено постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 24.02.2026 по делу № А57–36202/2024: одна часть доли в уставном капитале ООО принадлежала пережившей супруге как совместно нажитое имущество, другая была приобретена по наследству. Суд дал этим частям самостоятельную правовую оценку [11].

Применительно к наследственной части пункт 8 статьи 21 Закона об ООО и пункт 1 статьи 1176 ГК РФ допускают необходимость получения согласия остальных участников, если такое условие предусмотрено уставом общества [2, ст. 1176; 4, ст. 21]. Согласие является юридическим фактом, необходимым для приобретения наследником статуса участника. До его получения наследник не обладает всем комплексом корпоративных правомочий. При отказе в согласии общество обязано выплатить действительную стоимость доли или части доли в порядке, предусмотренном законом, что обеспечивает имущественный баланс между наследником и участниками.

Иная конструкция возможна в отношении супружеской части. Право пережившего супруга на нее возникает не вследствие наследования, а в результате прекращения режима совместной собственности и определения долей супругов. Поэтому буквальное толкование статьи 21 Закона об ООО позволяет утверждать, что переход доли от наследодателя к наследнику в этой части отсутствует: конкретизируется уже принадлежавшее пережив-

шему супругу имущественное право. Распространение требования о согласии на супружескую часть основано на расширительном толковании корпоративного закона, приравнивающим определение доли супруга в общем имуществе к правопреемству.

Судебная практика исходит из функционального понимания перехода. Согласно пункту 18 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023), переживший супруг может войти в состав участников после обращения к обществу; при установленном уставом запрете либо неполучении необходимого согласия ему причитается действительная стоимость доли [9, п. 18]. Подход основан на автономии воли участников и персональном характере ООО.

Такой подход предсказуем для корпоративного оборота, но спорен с позиции семейного права. Переживший супруг не является обычным внешним приобретателем: право на супружескую часть существовало у него при жизни супруга – участника ООО, сведения о котором были внесены в ЕГРЮЛ. Отказ преобразует это право в денежное требование, причем действительная стоимость может не отражать ценность корпоративного контроля и перспективы распределения прибыли [10, с. 11–17].

Системное толкование позволяет признать предпочтительной дифференцированную, вторую модель. В отношении наследственной части приоритет имеет специальная норма статьи 1176 ГК РФ и пункта 8 статьи 21 Закона об ООО. В отношении супружеской части должны применяться статья 256 ГК РФ, статьи 34 и 38 СК РФ, поскольку право пережившего супруга не возникает вследствие смены правообладателя. Такой подход не лишает общество механизмов защиты: уставные ограничения сохраняются для наследственной части, а злоупотребление правом со стороны супруга может пресекаться на основании статьи 10 ГК РФ. Одновременно исключается необоснованное превращение уже принадлежавшего лицу актива в денежное требование.

Правовой режим акций отличается от режима доли в ООО. Пункт 3 статьи 1176 ГК РФ прямо устанавливает, что наследники участника акционерного общества становятся акционерами [2, ст. 1176]. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» не предоставляет иным акционерам право блокировать наследственное правопреемство [5]. Вместе с тем осуществление прав по бездокументарным акциям связано с учетной записью: статья

29 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» связывает переход прав с внесением приходной записи по лицевому счету или счету депо [6, ст. 29]. Данная запись имеет легитимирующее значение для корпоративного оборота, но не отменяет правила пункта 4 статьи 1152 ГК РФ о принадлежности принятого наследства со дня его открытия [2, ст. 1152].

В акционерном обществе приобретение наследником статуса акционера не зависит от согласия других акционеров. Переживший супруг приобретает акции в порядке наследования, а осуществление удостоверенных ими прав обеспечивается внесением записи в реестр; для супружеской части также требуются подтверждающий право документ и учетная запись. Акции нельзя заменить выплатой их стоимости по мотиву нежелательности нового акционера.

Законодательная неопределенность могла бы быть устранена дополнением статьи 21 Закона об ООО: определение доли пережившего супруга в общем имуществе после смерти участника не должно признаваться переходом доли к третьему лицу и ставиться в зависимость от согласия остальных участников; для части доли в уставном капитале ООО, включенной в наследство, действующую модель согласия надлежит сохранить. При судебной защите необходимо разграничивать требование об исключении имущества пережившего супруга из наследственной массы, требование о признании статуса участника общества и требование о выплате действительной стоимости доли.

Проведенный анализ позволяет заключить, что смерть участника прекращает режим совместной собственности, но не превращает весь корпоративный актив в наследство. Право пережившего супруга на долю в общем имуществе и право на имущество, приобретаемое в порядке наследования, должны оформляться отдельно. В качестве улучшения правоприменения в исследуемой части обосновывается признание за пережившим супругом статуса участника ООО в отношении супружеской части без получения согласия остальных участников и применение предусмотренного уставом требования о согласии только к наследственной части. Для акций действует иной режим: наследник приобретает статус акционера без согласия других акционеров. Законодательное закрепление разграничения повысит определенность оборота и уровень защиты пережившего супруга.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. на 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

5. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
6. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.07.2023): КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.09.2026).
10. Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 4–18.
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.02.2026 № Ф06-8379/2025 по делу № А57-36202/2024: КадАрбитр [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 18.09.2026).

Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности в корпорации: проблемные стороны на примере ООО «Яндекс»

Крутилова Милана Юрьевна, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена комплексному анализу теоретических и практических аспектов защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности в корпоративном секторе. Актуальность обусловлена ростом доли нематериальных активов в стоимости современных корпораций и вызовами цифровой трансформации, требующими переосмысления традиционных моделей охраны. Цель исследования — разработка рекомендаций по совершенствованию системы защиты интеллектуальной собственности корпораций. Методология включает анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации, научной литературы, практики ООО «Яндекс», международного опыта, а также системный и сравнительно-правовой подходы. Установлено, что интеллектуальная собственность выступает критическим фактором долгосрочной конкурентоспособности, а российская система правовой охраны нуждается в адаптации к цифровым вызовам. На основе анализа практики ООО «Яндекс» выявлены пять ключевых проблем: правовая неопределенность в сфере искусственного интеллекта, трансграничная юрисдикционная фрагментация, патентный троллинг, организационная дискоординация и технологическая уязвимость защиты коммерческой тайны. Предложен комплекс мер на законодательном, институциональном и корпоративном уровнях.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, защита прав, корпорация, цифровая экономика, патентный троллинг, коммерческая тайна, искусственный интеллект, ООО Яндекс, управление интеллектуальными активами.

Введение

В российском корпоративном секторе вопросы эффективного управления интеллектуальными активами и минимизации рисков нарушения исключительных прав приобретают особую значимость в условиях активизации инновационной политики и трансформации правового регулирования сферы интеллектуальной собственности. Для высокотехнологичных компаний формирование комплексной системы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности становится критическим фактором устойчивого развития и сохранения лидерства на рынке.

Вместе с тем, специфика организации системы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности в корпоративном секторе в условиях цифровой экономики остается недостаточно изученной, особенно в части адаптации правовых и организационных механизмов к вызовам и возможностям новой технологической реальности.

Основное содержание

В зависимости от специфики бизнеса корпорации формируют диверсифицированные портфели интеллектуальных прав, сочетающие различные виды охраняемых

результатов и оптимальные стратегии их коммерциализации. При этом наиболее ценными для организаций являются исключительные права на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программное обеспечение, базы данных, товарные знаки и секреты производства (ноу-хау).

Фундаментальным элементом системы защиты интеллектуальной собственности в ООО «Яндекс» служит комплексная нормативно-правовая база, включающая как внешние правовые предписания, так и внутрикорпоративные регулятивные документы. В основе корпоративного регулирования лежат «Правила деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекса» [13], которые устанавливают принципиальные подходы к обращению с объектами интеллектуальной собственности. Согласно данному документу, интеллектуальная собственность компании включает логотип, товарные знаки, патенты, программные продукты и представляет собой очень важные и ценные активы Яндекса, любое использование которых внешними партнёрами либо использование для внешних мероприятий должно быть заранее согласовано с руководителем PR-службы. Корпоративные этические правила устанавливают двустороннюю обязанность: с одной стороны, компания обеспечивает защиту собственных интеллектуальных активов, с другой стороны, демонстрирует уважение к интеллектуальной собственности третьих лиц.

Трудовые договоры с сотрудниками содержат специализированные положения, регламентирующие вопросы служебных произведений и изобретений. Данные положения определяют порядок создания, оформления и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных в рамках трудовых обязанностей. Особое внимание уделяется распределению исключительных прав между работодателем и работником, а также процедурам вознаграждения авторов служебных объектов интеллектуальной собственности. Пользовательские соглашения сервисов Яндекса также содержат существенные требования по соблюдению прав интеллектуальной собственности. Пользователи обязуются не загружать, не посылать, не передавать или любым другим способом не размещать и не распространять контент, который нарушает права интеллектуальной собственности. Подобная формулировка обеспечивает правовую защиту не только собственных активов компании, но и прав третьих лиц. Политика конфиденциальности компании [12] регламентирует обращение с персональными данными и иной конфиденциальной информацией, что создает дополнительные гарантии защиты коммерческих тайн и ноу-хау.

В организационной структуре реализован механизм межфункционального взаимодействия, основанный на системе многосторонних согласований между юридическим департаментом, R&D-подразделениями и бизнес-единицами компании. Такой подход способствует не только оперативному выявлению создаваемых объектов ИС, но и позволяет проводить комплексную оценку их

коммерческого потенциала, что в свою очередь обеспечивает принятие взвешенных решений относительно избираемых способов правовой охраны. В 2019 году Фонд общественных интересов, наделенный особыми полномочиями по контролю над стратегически значимыми решениями компании, включая согласование вопросов, связанных с передачей существенной ИС.

Значительное внимание уделяется патентованию алгоритмических инноваций в области информационного поиска, систем искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных. Показательным примером служит запатентованная технология «Матрикснет» — оригинальная методология применения градиентного бустинга в задачах машинного обучения. ООО «Яндекс» осуществляет своевременную регистрацию товарных знаков по релевантным классам МКТУ, а также активно использует механизмы, предусмотренные Мадридским соглашением и Протоколом к нему для международной охраны средств индивидуализации, что формирует юридический базис для последующей защиты исключительных прав.

Примечательным аспектом взаимодействия с государственными институтами стало партнерство с Роспатентом в рамках разработки информационной системы «Яндекс.Патенты». Техническое решение базируется на данных Федерального института промышленной собственности и обеспечивает пользователям доступ к актуальной информации о зарегистрированных изобретениях и полезных моделях. Подобная инициатива свидетельствует о двойственной роли компании: с одной стороны, как активного участника патентного процесса, с другой — как разработчика инфраструктурных решений для всей экосистемы интеллектуальной собственности в стране.

Правовая охрана программного обеспечения включает защиту исходных кодов, структурированных совокупностей данных и пользовательских интерфейсов. Для секретов производства применяется режим коммерческой тайны, включающий идентификацию охраняемой информации, разработку Положения о коммерческой тайне. Техническая защита включает контроль и разграничение доступа, криптографическую защиту данных, мониторинг информационных потоков и аудит пользовательской активности.

Выбор режима коммерческой тайны как основной формы правовой защиты данных объектов представляется методологически обоснованным, учитывая темпоральные ограничения патентной охраны. В то время как патент предоставляет монопольное право на использование изобретения лишь в течение 20 лет, режим коммерческой тайны теоретически может обеспечивать охрану на неограниченный срок, при условии сохранения фактической секретности информации. Данное обстоятельство приобретает особую значимость в контексте долгосрочной стратегии развития компании.

Обращает внимание дифференцированный подход ООО «Яндекс» к охране различных категорий конфиденциальной информации. Клиентские базы данных и анали-

тические модели, отражающие поведенческие паттерны пользователей, классифицируются как информационные активы повышенной ценности, что предопределяет имплементацию многоуровневой системы защиты.

В контексте договорного регулирования особого внимания заслуживают соглашения о неразглашении (NDA — Non-Disclosure Agreement), выступающие в качестве правового инструмента обеспечения конфиденциальности при взаимодействии с различными категориями контрагентов. Характерно, что подобные соглашения используются компаниями не только во внешних взаимоотношениях с партнерами, но и во внутреннем взаимодействии с сотрудниками, формируя тем самым целостную систему договорной защиты конфиденциальной информации. Структурно-содержательный анализ данных соглашений позволяет выделить несколько ключевых элементов: дефиницию охраняемой информации, детализацию обязанностей сторон и регламентацию ответственности за нарушение режима конфиденциальности.

Особо актуальным направлением правоохранительной деятельности компании остается судебная защита товарных знаков. Высокий показатель удовлетворения исков свидетельствует о сформированной устойчивой судебной практике в данной категории споров и эффективности существующих механизмов защиты. Данный процесс включает многоуровневый анализ: оценку степени сходства обозначений до степени смешения, исследование вероятности введения потребителей в заблуждение, а также скрупулезное документирование случаев неправомерного использования. Подобная методология позволяет формировать убедительную доказательственную базу и достигать положительных результатов в судебных спорах.

Анализ современного состояния законодательства об интеллектуальной собственности в Российской Федерации и зарубежных государствах демонстрирует существенные пробелы в регулировании отношений, возникающих в связи с использованием систем искусственного интеллекта и технологий обработки массивов данных. Отсутствие четких правовых механизмов определения правообладателей подобных объектов влечет за собой значительные коммерческие риски для субъектов, применяющих технологии машинного обучения и генеративного интеллекта. Традиционная доктрина авторского права, базирующаяся на концепции творческой деятельности человека, оказывается неприменимой к произведениям, создаваемым алгоритмами нейронных сетей без непосредственного участия человека. Существующие правовые конструкции, предполагающие обязательное наличие автора-физического лица не способны адекватно охватить феномен машинного творчества. Неопределенность правового статуса таких произведений препятствует формированию стабильной судебной практики и создаёт предпосылки для правовых споров.

Территориальный принцип действия прав интеллектуальной собственности усугубляет описанные проблемы, поскольку требует соблюдения множественных нацио-

нальных требований для обеспечения международной защиты. Для транснациональных корпораций, подобных компании «Яндекс», функционирующих в различных правовых юрисдикциях, данное обстоятельство создает многоуровневую систему правовых рисков и административных издержек. Геополитическая нестабильность и режим международных санкций формируют дополнительный слой правовых рисков для российских технологических компаний в их взаимодействии с юрисдикциями недружественных государств. Практика принудительного изъятия активов российских предпринимателей в ряде зарубежных государств распространяется и на объекты интеллектуальной собственности, что создает прецеденты фактической экспроприации нематериальных активов.

Подобные действия нарушают фундаментальные принципы международного частного права, однако их практическое осуществление создает реальные угрозы для интеллектуальных активов компаний. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос диверсификации правовых стратегий защиты интеллектуальной собственности и минимизации рисков концентрации правовых активов в потенциально нестабильных юрисдикциях.

Процессы корпоративной реструктуризации и перемещения бизнес-активов между юрисдикциями порождают специфические правовые коллизии в сфере интеллектуальной собственности.

При этом парадоксальным образом данные, используемые для обучения нейронных сетей, преимущественно извлекаются из глобальной информационной сети, где значительная часть контента охраняется авторским правом в силу принципа автоматической охраны, закрепленного в Бернской конвенции 1886 г. Данное обстоятельство формирует перманентные юридические риски, связанные с потенциальным нарушением исключительных прав правообладателей при отсутствии их эксплицитного согласия на использование охраняемых объектов в тренировочных датасетах.

Судебно-правовая практика в рассматриваемой сфере находится в стадии активного становления, демонстрируя значительную вариативность в подходах различных юрисдикций. Примечательным прецедентом служит коллективный иск против разработчиков генеративных нейросетей Midjourney и Stable Diffusion, инициированный группой художников и иллюстраторов 13 января 2023 года. Фундаментальный тезис истцов заключался в противоправности использования визуальных произведений, охраняемых авторским правом, для обучения алгоритмов генерации изображений без получения соответствующих лицензий или иных форм согласия правообладателей.

Анализ практики предпринимательской деятельности, особенно относящиеся к IT-сектору свидетельствует о формировании особо неблагоприятной среды для российских технологических компаний в контексте так называемого «патентного троллинга». Показательным является дело индивидуального предпринимателя из Уфы Азамата Ибатуллина, который с 2014 года подал почти

1600 заявок на регистрацию торговых знаков, инициировав более тысячи арбитражных споров на общую сумму 1,2 млрд рублей. На момент 2026 года у данного субъекта действует более 540 товарных знаков. Нормативно-правовые изменения, вступившие в силу летом 2023 года, значительно расширили потенциальную базу «патентных троллей», легитимизировав возможность регистрации товарных знаков физическими лицами без статуса индивидуального предпринимателя. Данное законодательное решение, по мнению ряда экспертов, существенно повышает риски для крупных технологических компаний, поскольку демократизирует инструменты недобросовестной конкуренции в сфере интеллектуальной собственности. Противодействие «патентным троллям» требует значительных организационных, временных и материальных ресурсов.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют о формировании специфического коммуникационного разрыва: разработчики, фокусируясь на технологических аспектах, зачастую не осознают патентную перспективность создаваемых решений или не инициируют своевременное взаимодействие с юридическими службами для оценки возможности получения правовой охраны. Императивы рыночной конкуренции, выражающиеся в сокращении сроков вывода продуктов на рынок, вступают в противоречие с необходимостью проведения патентного поиска и оформления прав. Отсутствие интегрированной системы учёта и мониторинга создаваемых объектов интеллектуальной собственности существенно ограничивает возможности контроля полноты их правовой охраны. В данных условиях возникает необходимость разработки и внедрения специализированных методик инвентаризации интеллектуальных активов, а также проведения регулярного аудита соответствия между фактически созданными объектами и юридически оформленными правами на них.

Согласно исследованиям аналитического центра InfoWatch за первое полугодие 2024 г., утечка коммерчески значимой информации и данных ограниченного доступа занимает вторую позицию в структуре компрометированных информационных активов. Доля утечек конфиденциальной информации возросла на 3 процентных пункта относительно аналогичного периода предшествующего года, достигнув 24 % в общем массиве зарегистрированных случаев. Предприятия информационно-технологического сектора сохраняют лидирующие позиции по частоте инцидентов, связанных с компрометацией коммерческой тайны. Каждый третий случай утечки данных в ИТ-отрасли за-

трагивал сведения, отнесенные к категории коммерческой тайны. Ключевым источником информационных утечек выступает персонал компании. В условиях повышенной мобильности трудовых ресурсов в ИТ-индустрии формируются дополнительные каналы потенциальной утечки конфиденциальной информации. Технологический прогресс в области обратного проектирования обуславливает появление специализированного инструментария, позволяющего реконструировать логику функционирования сложных программно-аппаратных комплексов даже при наличии многоуровневых технических барьеров. С правовой точки зрения, защита от практик обратного проектирования характеризуется значительной неопределенностью, поскольку в правовых системах многих юрисдикций подобная деятельность может квалифицироваться как допустимая в контексте научно-исследовательских целей или обеспечения технической совместимости.

Заключение

На основании проведенного исследования можно говорить о том, что комплексная система защиты интеллектуальных активов должна интегрировать технические, организационные и образовательные компоненты, обеспечивая формирование корпоративной культуры, ориентированной на сохранение информационных ценностей компании.

Для решения выявленных проблем разработаны предложения по совершенствованию системы защиты. На законодательном уровне: принятие специального Федерального закона «О правовом регулировании отношений в сфере искусственного интеллекта» внесение изменений в Гражданский кодекс РФ для противодействия патентному троллингу модернизация Федерального закона «О коммерческой тайне». На институциональном уровне: создание Международного цифрового патентного трибунала в рамках ВОИС, формирование специализированных составов при Суде по интеллектуальным правам, создание автоматизированной национальной системы мониторинга нарушений в интернете. На корпоративном уровне: разработка отраслевого стандарта «Система менеджмента интеллектуальной собственности в ИТ-компаниях», внедрение налогового стимулирования для компаний с сертифицированными системами управления ИС, обязательное внедрение сертифицированных систем контроля доступа к конфиденциальной информации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в г. Париже 20.03.1883) // СЗ РФ. 2010. № 23. Ст. 2802.
3. Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в г. Мадриде 14.04.1891) (вместе с «Протоколом к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков» (Подписан в г. Мадриде 27.06.1989)) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9.

4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4986.
5. Карцхия А. А., Макаренко Г. И. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в России // Правовая информатика. — 2024. — №. 1. — С. 4–19
6. Казанцев Д. А. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1. — №. 4. — С. 909–931.
7. Корнеев П. С. Совершенствование механизма противодействия злоупотреблению патентными правами // Российский научный вестник. — 2025. — №. 1. — С. 189.
8. Коростелёв Д. В., Тарасов Ю. А. Объекты интеллектуальной собственности как средства индивидуализации юридического лица // Проблемы развития современного общества. — 2022. — С. 302.
9. Кучина А. М. Генезис института смежных прав в международном праве // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». — 2021. — №. 5. — С. 30.
10. Максуров, А. А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности: монография. — М.: Русайнс, 2025. 236 с.
11. Политика конфиденциальности // Правовые документы. Помощь Яндекс. — URL: <https://yandex.ru/legal/confidential/>
12. Правила деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекса // Яндекс. — URL: <https://yandex.ru/company/rules/code>.
13. Прохоров В. А. Правовая природа компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак: способ защиты и/или форма ответственности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2024. — Т. 34. — №. 2. — С. 321.
14. Собченко Д. С. Суд по интеллектуальным правам в системе арбитражных судов РФ // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — Т. 42. — С. 356.
15. Стребков Н. В., Беляева Г. С. К вопросу об эффективности административно-правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. — 2024. — №. 6 (234). — С. 119.
16. Федотов М. А. и др. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: социально-правовые проблемы творчества // Труды по интеллектуальной собственности. — 2023. — Т. 47. — №. 4. — С. 68–83.
17. Чернышов М. С. Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом // Труды по Интеллектуальной Собственности. — 2024. — Т. 49. — №. 2. — С. 124–137.

Совместное завещание супругов: проблемы законодательной конструкции нетипичной формы завещания

Кумыкова Виолетта Андреевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Статья посвящена ключевым проблемам законодательной конструкции совместного завещания супругов, появившейся в российском наследственном праве в 2019 г. Разбираются спорные вопросы правовой природы этого института, ограничения свободы завещания пережившего супруга, обеспечения тайны завещания, соотношения совместного завещания с брачным договором, определения обязательной доли и статуса недостойных наследников. На основе действующего законодательства и доктринальных источников обосновывается необходимость уточнить правовую природу совместного завещания, ограничить право на его отмену пережившим супругом и разработать механизмы защиты обязательных наследников. Предлагаются конкретные направления совершенствования ст. 1118 ГК РФ и связанных с ней норм.

Ключевые слова: совместное завещание супругов, наследственное право, правовая природа завещания, свобода завещания, тайна завещания, обязательная доля в наследстве, брачный договор, недостойные наследники.

Реформа наследственного права, запущенная Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ, дала отечественному правопорядку три принципиально новых института: наследственный фонд, наследственный договор и совместное завещание супругов. Последний начал работать с 1 июня 2019 г. Он стал итогом долгих научных

споров и должен был расширить диспозитивные возможности граждан по распоряжению имуществом на случай смерти. Нотариусы и раньше сталкивались с просьбами супругов закрепить договорённости о судьбе совместно нажитого имущества. До поправок это можно было сделать лишь через два отдельных завещания, которые не

учитывали семейно-правовой статус имущества и взаимосвязанный характер распоряжений [6, с. 15].

На первый взгляд, новый институт — лишь техническое дополнение к прежнему регулированию. Однако практика быстро показала: всё сложнее. По данным Росстата, в 2023 г. в России было зарегистрировано около 945 тыс. браков. Значит, потенциальная аудитория совместных завещаний остаётся широкой. Федеральная нотариальная палата отмечает, что в 2024 г. количество удостоверенных совместных завещаний выросло на 23 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. [7, с. 15]. Даже рост популярности не снимает старых проблем: законодательная конструкция всё ещё остаётся рыхлой. В СПС «КонсультантПлюс» по теме совместного завещания уже собраны десятки экспертных материалов, и большинство из них указывает на одни и те же пробелы. Ниже — анализ наиболее острых из них.

Ключевой спор доктрины — односторонняя это сделка или двусторонняя. Закон прямо называет совместное завещание особой разновидностью завещания, на которую распространяются общие правила о завещателе (абз. 3 п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Но по своим характеристикам оно заметно ближе к гражданско-правовому договору: возникает из согласованной воли двух лиц и порождает взаимные права и обязанности. Парадоксально, но полноценным договором совместное завещание при этом не становится — оно не устанавливает обязательственных отношений между супругами и не даёт им права требования друг к другу [3, с. 496]. По нашему мнению, перед нами особая правовая конструкция. В ней сочетаются признаки односторонней сделки и отдельные элементы договора. Волеизъявление здесь строго личное, встречного удовлетворения нет, а цель — установить наследственное правопреемство. С другой стороны, содержание завещания определяется по взаимному согласию супругов и может включать совместные распоряжения общим имуществом. Это сближает его с договорной моделью. Значит, применять такую форму нужно преимущественно по правилам о завещаниях, но с учётом её договорной специфики.

Некоторые исследователи предлагают прямо признать совместное завещание двусторонней сделкой. А. А. Тимкин, например, предлагает изменить п. 5 ст. 1118 ГК РФ и указать: «Завещание является односторонней сделкой, за исключением совершения совместного завещания супругов, которое создаёт права и обязанности после открытия наследства» [7, с. 16]. Такой подход точнее отражает суть института, но требует системного пересмотра связанных с ним норм. Самая болезненная точка практики — конфликт между свободой завещания и ограничением воли завещателя волей другого супруга. Традиционно завещание — односторонняя сделка, совершаемая гражданином единолично. Совместное завещание предполагает согласованную волю двух лиц. Это ограничивает свободу каждого из супругов по сравнению с обычным завещанием.

В Германии после смерти одного из супругов совместное завещание по общему правилу становится неотменяемым. Российский законодатель пошёл иным путём

и допускает отмену или изменение завещания в любое время (абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ). При этом согласованный акт двух людей может быть разрушен волей одного из них. Это ставит под угрозу последнюю волю ранее умершего супруга. По справедливому замечанию исследователей, неограниченная отмена совместного завещания пережившим супругом может рассматриваться как недобросовестное поведение и нарушение интересов наследодателя [1, с. 285]. На практике возможна и совсем неприятная ситуация: наследники пережившего супруга уже получили имущество, а затем завещание отменяется. Возникает вопрос о судьбе уже полученного.

Немецкий подход выглядит последовательнее. Параграф 2271 Германского гражданского уложения допускает отмену взаимосвязанного распоряжения только при жизни другого супруга [6, с. 16]. Российскому законодателю стоило бы перенять этот опыт. Свободу отмены совместного завещания пережившим супругом нужно ограничить случаями, когда такая возможность прямо предусмотрена самим завещанием либо вызвана существенным изменением обстоятельств: появлением новых наследников, утратой наследственного имущества и т. п. Любые изменения не должны затрагивать интересы наследников, указанных в первоначальном тексте, кроме случаев явного злоупотребления правом с их стороны.

Ещё одна особенность российского института — узкий субъектный состав. Совместное завещание могут совершить только лица, состоящие на момент его совершения в зарегистрированном браке. Это заметно отличает нас от многих зарубежных правовых порядков, где совместные завещания допускаются и для фактических супругов, а иногда вообще не связаны с семейным статусом завещателей [1, с. 286]. Против расширения круга субъектов обычно приводят традиционный довод: завещание двумя и более лицами создаёт неопределённость в действительности волеизъявления каждого [5, с. 99]. Но в условиях реальной потребности в согласованном определении судьбы общего имущества для лиц, ведущих совместное хозяйство, такие ограничения выглядят сомнительно. Представляется, что субъектами совместного завещания должны признаваться все лица, имеющие режим общей собственности на определённое имущество, независимо от зарегистрированного брака.

С тайной совместного завещания всё не так просто. Каждый из супругов знает его содержание, поэтому говорить о тайне по отношению друг к другу не приходится. Проблема в другом: один из супругов может разгласить содержание третьим лицам против воли другого. Законодатель предусмотрел обязанность нотариуса предупредить каждого из супругов о необходимости соблюдать тайну завещания (п. 5 ст. 1125 ГК РФ). Но вопрос об ответственности супруга за нарушение этой обязанности остаётся открытым. Привлечь супруга к ответственности за разглашение тайны совместного завещания вряд ли возможно, что сильно снижает эффективность нормы [6, с. 17]. После смерти одного из супругов наследники, лишённые наследства, получают право ознакомиться с наследственным делом и оспорить за-

вещание. Это тоже создаёт угрозу тайне [1, с. 287]. Нужно законодательно урегулировать порядок доступа к содержанию совместного завещания после смерти первого из супругов. В частности, нотариус и исполнитель завещания должны иметь право разглашать только сведения, относящиеся к последствиям смерти этого супруга.

Слабо проработан и стык совместного завещания с брачным договором. Семейный кодекс РФ позволяет брачным договором изменить законный режим совместной собственности супругов. Совместное завещание может содержать распоряжение только общим имуществом супругов. Как отмечает Г. В. Костинова, различия в правовой природе этих инструментов порождают вопрос о приоритете одного документа над другим при возможных противоречиях [2, с. 28]. Неясно, вправе ли супруги включить в совместное завещание имущество, режим которого брачным договором определён как долевая или раздельная собственность. Буквальное толкование ст. 1118 ГК РФ такую возможность исключает. Это существенно ограничивает диспозитивность сторон. Отдельная проблема — разный подход к удостоверению и хранению: брачный договор подлежит нотариальному удостоверению, а для совместного завещания обязательно ещё и соблюдение тайны завещания. Всё это требует более чёткого законодательного разграничения сфер применения названных инструментов. Спорным остаётся и вопрос об обязательной доле применительно к совместному завещанию. Пункт 4 ст. 1118 ГК РФ допускает полное или частичное лишение прав кого-либо из наследников по закону по усмотрению супругов. Но это правило не должно противоречить ст. 1149 ГК РФ об обязательной доле, которая защищает несовершеннолетних, нетрудоспособных и иждивенцев наследодателя. Возникает вопрос: как определить размер обязательной доли при исполнении совместного завещания и из какого имущества её выделять? [4, с. 323] Ответ зависит от порядка распределения наследства в завещании. Если супруги определили доли каждого наследника в общем имуществе, обязательная доля исчисляется и выделяется из всей наследственной массы. Если установлен иной порядок — например, имущество сначала переходит к пережившему супругу, а затем к иным лицам, — необходимую долю приходится рассчитывать дважды: после смерти каждого из супругов. Её размер и условия выплаты могут корректироваться с учётом нового состава и стоимости наследственного имущества. Но порядок такой корректировки в законе не определён и оставлен на усмотрение правоприменителя.

Отдельного внимания заслуживают недостойные наследники. Согласно ст. 1117 ГК РФ к ним относятся лица, которые своими противоправными действиями наносили вред наследодателю, получателям наследства или препят-

ствовали осуществлению последней воли завещателя. Если наследник ведёт себя как недостойный в отношении одного из супругов, означает ли это, что он автоматически становится недостойным и в отношении другого? Разграничение недостойных наследников по каждому супругу порождает серьёзные сложности. Один наследник может быть признан недостойным лишь в отношении одного супруга, а наследственная масса формируется после смерти обоих. Решать вопрос о наследовании такого лица становится крайне сложно [7, с. 17].

Совместное завещание супругов — новый для отечественного правопорядка институт. У него есть очевидные достоинства и не менее очевидные законодательные несовершенства. С одной стороны, введение совместных завещаний отвечает потребностям гражданского оборота и повышает гарантии реализации права на посмертное распоряжение имуществом. С другой стороны, пробелы и противоречия в регулировании снижают эффективность института и создают проблемы в правоприменении. Для оптимизации законодательной модели совместного завещания представляется необходимым:

- уточнить правовую природу и сущность совместного завещания, определив его место в системе оснований наследования, в том числе через закрепление его двустороннего характера в п. 5 ст. 1118 ГК РФ;
- конкретизировать основания, порядок и последствия отмены совместного завещания одним из супругов, ограничив возможности злоупотребления правом на отказ от совместного завещания, в частности путём установления запрета на его отмену после смерти другого супруга;
- создать правовые гарантии соблюдения тайны совместного завещания, в том числе установив ответственность супруга за её разглашение;
- детально урегулировать порядок определения размера обязательной доли в наследстве и особенности её выделения при исполнении совместного завещания;
- устранить возможные коллизии между совместным завещанием и брачным договором, установив приоритет совместного завещания в части определения круга наследников и порядка перехода прав на имущество супругов;
- определить правовой статус наследника, признанного недостойным в отношении одного из супругов, применительно к наследованию по совместному завещанию.

В итоге введение в российское наследственное право возможности совершения супругами совместного завещания следует расценивать как положительный шаг на пути развития диспозитивного режима наследования. Остаётся надеяться, что выявленные проблемы получат скорейшее разрешение в ходе дальнейшего совершенствования наследственного законодательства и формирования правоприменительной практики.

Литература:

1. Житенёв Д. А. Совместное завещание супругов: понятие, сущность, зарубежный опыт и проблемы правоприменения // Молодой учёный. 2025. № 23 (574). С. 285–288.

2. Костикова Г. В. Институт совместного завещания в российском и зарубежном праве // Нотариус. 2019. № 7. С. 27–29.
3. Матвеевкова М. М. О совместном завещании супругов в гражданском праве // Молодой учёный. 2025. № 20 (571). С. 496–499.
4. Могиленко И. И. Актуальные проблемы совместного завещания супругов, приводящие к наследственным спорам в Российской Федерации // Молодой учёный. 2025. № 44 (595). С. 323–324.
5. Родионова О. М. Гражданско-правовая сущность совместного завещания супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 99–103.
6. Симонян К. Р. Совместное завещание супругов: проблемы законодательной конструкции // Наследственное право. 2025. № 3. С. 15–19.
7. Тимкин А. А. Совместное завещание супругов: некоторые проблемы практики // Наследственное право. 2025. № 1. С. 15–17.

Практические проблемы совершенствования механизмов судебной защиты жилищных прав граждан в процессе судопроизводства

Махмутова Алия Асылхановна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются системные проблемы судебной защиты жилищных прав граждан на стадии рассмотрения и разрешения дел. Анализируется неоднозначность толкования норм жилищного законодательства, сложность доказывания, коллизии в выборе способа защиты и вида судопроизводства, пробелы правового регулирования, формальный подход судов к оценке обстоятельств, а также трудности исполнения судебных актов. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства, унификации судебной практики и внедрения содержательных критериев оценки для обеспечения реального восстановления нарушенных жилищных прав.

Ключевые слова: судебная защита, жилищные права граждан, эффективность правосудия, жилищные споры, исполнение судебных решений, правовая неопределенность, способы защиты права.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на жилище, возлагая на государство обязанность создавать условия для его реализации. Судебная защита названного права выступает важнейшей гарантией его осуществления, однако эффективность такой защиты на этапе рассмотрения и разрешения дел в судах первой инстанции остается предметом оживленных научных дискуссий. Жилищные споры традиционно относятся к наиболее распространенной категории гражданских дел, что обусловлено как социальной значимостью самого предмета спора, так и многообразием правоотношений, регулируемых жилищным законодательством. Спектр таких споров чрезвычайно широк: от дел о признании права пользования жилым помещением и выселении до споров, связанных с приватизацией, разделом жилых помещений, расселением аварийного жилищного фонда. Однако за формальной регламентацией судебных процедур скрывается целый комплекс проблем, существенно снижающих эффективность судебной защиты и нередко приводящих к тому, что даже вынесенное в пользу гражданина решение не обеспечивает реального восстановления его жилищных прав.

Одной из системных проблем является внутренняя противоречивость и неоднозначность ряда норм жилищного законодательства. Положения Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ), регулирующие, в частности, основания выселения бывших членов семьи

собственника без предоставления другого жилья (пункт 2 статьи 31 ЖК РФ) или условия принудительного обмена жилого помещения при невозможности совместного проживания (статья 72 ЖК РФ), на практике нередко толкуются судами по-разному. Отмеченная неоднозначность судебных решений по сходным обстоятельствам нарушает принцип правовой определенности и подрывает доверие граждан к судебной системе [1].

Показательным в этом отношении является дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации, в котором судебная коллегия указала на принципиальную разницу между требованиями о выселении и о признании лица утратившим право пользования жилым помещением. Выселение применяется в ситуации, когда лицо фактически занимает жилье, но имеются законные основания для прекращения его проживания. Иная ситуация возникает, когда гражданин уже фактически выбыл из жилого помещения; в этом случае надлежащим способом защиты выступает признание лица утратившим право пользования. Однако суды нижестоящих инстанций, как показывает практика, не всегда верно квалифицируют спорные правоотношения, что влечет выбор ненадлежащего способа защиты и последующий отказ в удовлетворении требований.

В целях устранения противоречий Пленум Верховного Суда Российской Федерации периодически принимает постановления, разъясняющие отдельные положения законо-

дательства и порядок их применения судами. Положения таких постановлений носят обязательный характер для судебных органов и иных участников правоприменительного процесса. Вместе с тем правовая неопределенность в ряде вопросов сохраняется, что свидетельствует о необходимости дальнейшей унификации и детализации ключевых понятий жилищного права в самом Жилищном кодексе.

Значительной проблемой, осложняющей эффективную судебную защиту, выступает высокая сложность и стоимость доказывания по жилищным делам. Установление юридически значимых обстоятельств, таких как добросовестность приобретателя жилого помещения, наличие уважительных причин для длительного отсутствия, характер фактических отношений между участниками спора, зачастую требует привлечения косвенных доказательств, проведения судебных экспертиз. Граждане, не обладающие достаточной юридической грамотностью, нередко оказываются не в состоянии самостоятельно собрать надлежащие доказательства либо избирают неправильный способ защиты нарушенного права. Отмеченная проблема приобретает особую остроту в связи с тем, что выбор ненадлежащего способа защиты является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований. Как справедливо отмечается в юридической литературе, избрание истцом ненадлежащего способа защиты права влечет отказ в иске, при этом у лица сохраняется право обратиться в суд с новым иском требованием. Однако такой подход не способствует эффективной защите жилищных прав, поскольку возлагает на гражданина бремя многократных судебных обращений и увеличивает сроки восстановления нарушенного права [2].

В этой связи заслуживает внимания предложение о возложении на суд обязанности разъяснять истцу право выбора надлежащего способа защиты в случаях, когда избранный способ явно не соответствует характеру спорного правоотношения. Такое разъяснение могло бы осуществляться на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что позволило бы избежать необоснованных отказов в иске по формальным основаниям.

Дополнительную сложность в осуществление судебной защиты вносит проблема правильного определения вида судопроизводства. Жилищные споры могут рассматриваться как в порядке гражданского судопроизводства, так и в порядке административного — в случаях, когда нарушение жилищных прав вызвано действиями или бездействием органов публичной власти. Неправильный выбор истцом вида судопроизводства нередко влечет отказ в принятии искового заявления или прекращение производства по делу, что существенно затягивает процесс восстановления нарушенного права. В юридической науке высказывается обоснованное мнение о необходимости предоставления суду первой инстанции полномочия самостоятельно переходить к рассмотрению дела по правилам надлежащего судопроизводства до окончания рассмотрения дела по существу. При этом переход должен осуществляться с согласия истца, а в случае его несогласия производство по

делу подлежит прекращению. Отмеченный подход представляется более соответствующим целям эффективной судебной защиты, нежели действующее правило, обязывающее истца самостоятельно определять вид судопроизводства под угрозой отказа в судебной защите [3].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на необходимость исследования судами фактических обстоятельств конкретного дела по существу и недопустимость установления одних лишь формальных условий применения нормы. Как отмечено в постановлении Конституционного Суда от 14 января 2020 года № 2-П, иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту оказалось бы серьезно ущемленным [4]. Формальный подход тем более не должен допускаться в делах, в которых гражданин в отношениях с органами публичной власти выступает как слабая сторона и в которых применение правовых норм без учета всех обстоятельств дела может привести к значительному ухудшению его имущественного положения. Несмотря на данные правовые позиции высших судебных инстанций, в практике судов общей юрисдикции сохраняется тенденция к формальному разрешению жилищных споров. Так, при рассмотрении дел о предоставлении жилого помещения взамен непригодного для проживания суды нередко ограничиваются констатацией формального соответствия предоставляемого помещения установленным нормативам, не исследуя вопрос о том, отвечает ли оно действительным потребностям граждан с учетом состава семьи, состояния здоровья и иных значимых обстоятельств.

Представляется, что повышение эффективности судебной защиты требует последовательного внедрения содержательного подхода к оценке жилищных прав граждан. Судебное решение не должно основываться исключительно на формальной регистрации либо записи в Едином государственном реестре недвижимости без оценки фактических обстоятельств дела. Только при таком подходе судебная защита способна обеспечить реальное восстановление нарушенного права, а не формальную фиксацию юридического статуса [5].

Правоприменительная практика обнаруживает проблемы в жилищном законодательстве, затрудняющие судебную защиту. Так, на заседании совета при Уполномоченном по правам человека в Пермском крае отмечалось, что более половины аварийного жилфонда региона составляют дома блокированной застройки, которые формально не относятся к многоквартирным и потому не включаются в программы расселения. Это лишает граждан эффективной защиты, поскольку суды при отсутствии прямых правовых оснований не могут обязать органы власти провести расселение. Дополнительная сложность возникает при толковании критерия равнозначности предоставляемого помещения по статье 89 ЖК РФ: суды неединообразно определяют его через общую площадь, жилую площадь или уровень благоустройства, что порождает правовую неопределенность и множественные споры.

Критическое значение имеет и стадия исполнения судебного акта. Даже положительное решение нередко остается нереализованным годами из-за противодействия ответчика, отсутствия у него иного жилья либо неэффективности службы судебных приставов. Особенно остро это проявляется в делах о предоставлении жилья детям-сиротам, лицам без попечения родителей и гражданам из аварийного фонда: отсутствие свободного муниципального жилья или недостаток финансирования делают судебное решение фактически неисполнимым, обесценивая саму судебную защиту.

Совершенствование защиты требует системных мер. В законодательной плоскости необходимо уточнение и унификация ключевых понятий Жилищного кодекса для ограничения излишнего судебного усмотрения. В процессуальной сфере обоснованно расширение досудебного ме-

диативного урегулирования отдельных категорий споров, что позволит снизить конфликтность и нагрузку на суды. Также перспективно развитие упрощенных производств по бесспорным жилищным делам для ускорения восстановления прав, однако при сохранении процессуальных гарантий участников [6].

Таким образом, эффективность судебной защиты жилищных прав снижается из-за неоднозначности толкования норм, сложности доказывания, пробелов в регулировании, формального подхода судов и проблем исполнения решений. Преодоление этих препятствий требует системного совершенствования законодательства, унификации практики и внедрения содержательных критериев оценки обстоятельств. Лишь при реализации этих мер судебная защита сможет обеспечить реальное, а не формальное восстановление жилищных прав граждан.

Литература:

1. Харченко, А. Н. Урегулирование правовых споров в жилищной сфере / А. Н. Харченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 34 (585). — С. 129–133. — URL: <https://moluch.ru/archive/585/128190>.
2. Кулагин, С. С. Проблемы судебной защиты жилищных прав граждан / С. С. Кулагин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 45 (596). — С. 186–188. — URL: <https://moluch.ru/archive/596/129920>.
3. Карягина, В. С. Защита жилищных прав граждан органами государственного жилищного надзора / В. С. Карягина // Пробелы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16, № 8 (36 ст.). — С. 103–113.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 2-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598), в связи с жалобой гражданки М. В. Алисовой». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202001170002>
5. Мазалов, Ф. В. Проблемы судебной защиты жилищных прав / Ф. В. Мазалов // Вестник науки. — 2024. — Т. 3, № 11 (80). — С. 396–404. — URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/18732> (дата обращения: 09.09.2026).
6. Manko, O. V. Issues of the realization of the citizens' right to housing / O. V. Manko, A. D. Aprimetkin, V. E. Ivanova // International Research Journal. — 2021. — № 7 (109). — DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.109.7.102>.

Правовое регулирование контрактной системы в условиях цифровизации и обновления национального режима закупок

Нестерова Екатерина Эрнестовна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье исследуется взаимосвязь правового регулирования государственных и муниципальных закупок с цифровыми механизмами ЕИС. На материале обновленного национального режима показано, что качество нормы зависит не только от ее формальной определенности, но и от возможности корректной реализации в цифровой процедуре. Предложены критерии оценки регулирования: нормативная определенность, цифровая исполнимость и контролепригодность.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, муниципальные закупки, Закон № 44-ФЗ, ЕИС, цифровизация, национальный режим, контроль в сфере закупок.

Закупка для публичного заказчика представляет собой последовательность взаимосвязанных решений: от планирования потребности и выбора поставщика до при-

емки, оплаты и контроля. Закон № 44-ФЗ объединяет эти действия в контрактную систему, комплексный характер которой отмечается и в юридической литературе [1; 6, с.

119–121]. Поэтому цифровизацию целесообразно оценивать не по отдельным электронным операциям, а по ее влиянию на весь закупочный цикл.

Проблема возникает на стыке правовой нормы и цифровой процедуры. Значительная часть юридически значимых действий совершается в ЕИС, а с 1 января 2025 г. действует обновленный национальный режим [1–3]. Если предписание допускает неоднозначное толкование либо плохо переводится в алгоритм, техническая реализация начинает влиять на фактический объем прав и обязанностей участников. Цель исследования — определить связанные с этим риски и предложить подходы к их снижению. Используются формально-юридический и системный методы.

Оценивать цифровую трансформацию позволяют принципы статьи 6 Закона № 44-ФЗ: открытость, прозрачность, конкуренция, профессионализм заказчика, единство системы и ответственность за результативность закупок [1]. Статья 4 того же закона закрепляет роль ЕИС в формировании, обработке, хранении и предоставлении закупочной информации [1]. Следовательно, электронный формат имеет правовую ценность лишь тогда, когда делает процедуру доступной, решения — прослеживаемыми, а действия участников — проверяемыми.

Б. М. Бижоев связывает цифровизацию закупок со снижением транзакционных издержек и ростом прозрачности [7, с. 140–145]. К. И. Федченко обращает внимание на необходимость упрощения и алгоритмизации процедур при сохранении понятных правил для участников [8, с. 28–33]. Эти позиции дополняют друг друга: автоматизация сокращает ручные операции, но одновременно повышает требования к качеству исходной нормы. Развитие ЕИС предусмотрено и планом деятельности Федерального казначейства на 2026 г. [5].

Цифровой риск отличается масштабом возможных последствий. Ошибка должностного лица обычно проявляется в конкретной закупке, тогда как дефект программной логики может повторяться во множестве процедур. Поэтому интерфейс ЕИС и автоматические проверки не должны создавать требования, отсутствующие в законодательстве. Для спорных случаев необходимо сохранять сведения о сработавшем правиле и использованных данных, а также предусматривать способ исправления технической ошибки без утраты юридически значимого срока.

Показателен обновленный национальный режим. Федеральный закон № 318-ФЗ изложил статью 14 Закона № 44-ФЗ в новой редакции, применяемой к соответствующим закупкам с 1 января 2025 г. [1; 2]. Механизм конкретизирован Постановлением Правительства РФ № 1875 [3]. Заказчик должен верно определить применимую меру

и отразить ее в документах процедуры; ошибка на исходной стадии способна повлиять на рассмотрение заявок и последующие отчетные данные.

Меры национального режима применяются с учетом статуса заказчика. В закупках по Закону № 44-ФЗ используются запрет, ограничение и преимущество; минимальная обязательная доля применяется при закупках по Закону № 223-ФЗ отдельными категориями заказчиков [3; 4]. Следовательно, цифровая реализация Постановления № 1875 должна учитывать одновременно объект закупки и правовой режим деятельности заказчика. Иначе унификация интерфейса способна породить одинаковые последствия для юридически различающихся ситуаций.

Части 6–8 статьи 14 Закона № 44-ФЗ предусматривают формирование в ЕИС отчета об объеме закупок российской продукции, а также работ и услуг российских лиц [1]. Разъяснения Минфина России от 31 января 2025 г. № 24–01–06/8697 конкретизируют применение отдельных положений Постановления № 1875 [4]. Это позволяет оценивать не только соблюдение требований в отдельной процедуре, но и фактические результаты национального режима за отчетный период.

Для оценки новых правил предлагается использовать три взаимосвязанных критерия. Нормативная определенность означает, что адресату ясно, какое действие и при каких условиях требуется. Цифровая исполнимость предполагает заранее определенные данные, их источник и логику обработки. Контролепригодность требует сохранения сведений, позволяющих восстановить основания решения и проверить его законность. Такая проверка дополняет обычную юридическую экспертизу анализом того, как норма будет работать в ЕИС.

Цифровой анализ необходимо распространять и на исполнение контракта. Экономия при выборе поставщика не свидетельствует об эффективности, если нарушены сроки, объем или качество результата. Сопоставление в ЕИС данных о потребности, цене, приемке, оплате и мерах ответственности позволит оценивать закупку как заверченный управленческий цикл, а не как совокупность формально выполненных процедур.

Таким образом, развитие контрактной системы требует согласования юридического содержания нормы с ее цифровым исполнением. Обновленный национальный режим показывает, что законность решения зависит и от толкования правила, и от корректности данных, на основании которых ЕИС реализует соответствующую меру. Авторский подход состоит в выделении цифровой исполнимости как самостоятельного критерия качества регулирования наряду с нормативной определенностью и контролепригодностью.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 04.08.2026).

2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 01.09.2026).
4. Информационное письмо Минфина России от 31.01.2025 № 24-01-06/8697 «О применении положений постановления Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»».
5. План деятельности Федерального казначейства на 2026 год и плановый период 2027–2031 годов, утвержденный Министром финансов Российской Федерации А. Г. Силуановым 29.01.2026.
6. Никитин К. А. Понятие контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1 (156). С. 118–125. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-1-118-125.
7. Бижоев Б. М. Эффекты цифровизации контрактной системы в сфере закупок: экономико-правовой анализ // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2021. Т. 12. № 4. С. 140–149. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.4.140-149.
8. Федченко К. И. Цифровизация как основная тенденция совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 28–33.

Проблемы перехода на сторону противника как новой формы государственной измены

Новокрещин Владимир Романович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Государственную измену, без всяких сомнений, стоит назвать одним из самых страшных преступлений, имеющим высокую общественную опасность, которое можно совершить против безопасности государства. С началом проведения специальной военной операции на территории Украины, законодатель неоднократно вносил изменения в статью, посвящённой ответственности за государственную измену. Одни поправки ужесточали ответственность за совершение такого преступления, другие — расширяли диспозицию указанной статьи. В результате внесения одной из поправок, в качестве новой формы государственной измены появилось определённое деяние, получившее название переход на сторону противника. Однако несмотря на внедрение новой формы госизмены, на практике часто возникают некоторые проблемы и трудности при привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего переход на сторону противника. Именно такие проблемы и будут детальным образом рассмотрены и изучены в настоящей статье.

Ключевые слова: государственная измена, переход на сторону противника, переход на сторону врага, госизмена.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) закрепил в статье 275 ответственность за совершение государственной измены, под которой подразумевается «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной органи-

зации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [1].

Проанализировав диспозицию вышеприведённой статьи, можно отметить, что переход на сторону противника действительно является одной из форм совершения государственной измены.

В свою очередь, данная форма была закреплена 14 июля 2022 года в результате принятия федерального закона № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2].

Под переходом на сторону противника следует понимать некое участие того или иного лица в составе раз-

личных сил, либо же войск другого государства, международной или иностранной организации, которое осуществляют противостояние нашему государству, в частности, в период ведения активных боевых действий с применением разнообразного единиц вооружения и соответствующей военной техники.

Исходя из этого, указанное общественно-опасное деяние является ни что иным, как самым настоящим предательством, потому что преступник, осознавая характер своих действий, переходит на сторону врага и принимает участие в войне против собственной Отчизны.

Казалось бы, законодатель точно и понятно обозначил понятие и сущность перехода на сторону врага, но несмотря на это на практике возникают некоторые проблемы, связанные с новой формой государственной измены.

Во-первых, как справедливо подмечает Е. В. Пономаренко, выделение такой формы государственной измены, как переход на сторону противника, не совсем верна, поскольку диспозиция уже содержит общественно-опасное деяние, характеризующееся оказанием финансовой, консультационной или иной помощи иностранному государству [3, с. 123.]. Вполне логично было бы привлекать виновное лицо именно по этой форме государственной измены, а не «раздувать диспозицию» новыми формой и терминологией.

Кроме того, в настоящее время отсутствует определение слову «противник». Отсюда возникает иная проблема, связанная с тем, кто же является противником по данной статье. Противником же может являться как вооружённые силы неприятеля, так и обычный человек, который считает себя противником нашей страны или который относится к России с неприязнью. Потенциальным решением выявленной проблемы является внесение по-

правок в статью 275 УК РФ, содержащих уточнение понятия «противник».

Ещё одной крайне важной и актуальной проблемой является разграничение государственной измены, совершённой в форме перехода на сторону противника и добровольной сдачи в плен (ст. 352.1 УК РФ). Во-первых, указанные преступления отграничиваются по объекту посягательства. Объектом посягательства государственной измены являются общественные отношения в сфере охраны безопасности государства, в то время как добровольная сдача в плен характеризуется объектом, посягающим на общественные отношения в сфере охраны военной службы.

В свою очередь, при квалификации преступлений важно учитывать субъективную сторону преступника. Если военнослужащий сдаётся в плен с целью дальнейшего вооружённого или иного противоправного участия против нашего государства, то такое лицо подлежит уголовной ответственности за государственную измену, а если военнослужащий сдаётся в плен и не принимает участия против России, а просто находится под властью вооружённых сил и формирований, противостоящих РФ, то его деяние следует квалифицировать по ст. 352.1 УК РФ, т. е. за добровольную сдачу в плен.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что законодатель постарался расширить ужесточить уголовную ответственность за государственную измену, а также расширить диспозицию данного деяния, выделив новую форму совершения государственной измены, а именно — переход на сторону противника, в настоящее время на практике существуют актуальные и важные проблемы, касающиеся перехода на сторону противника, которые требуют скорейшего решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2022. — № 29. — Ст. 5227.
3. Пономаренко Е. В. Обоснованность изменений уголовного законодательства, касающихся отдельных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 1 (91). — С. 121–126.

Проблемы правового регулирования и перспективы развития института представительства

Романчук Тарас Георгиевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования института представительства в гражданском праве России. Анализируются дискуссионные вопросы правовой природы полномочия представителя, соотношения представительства и смежных институтов, проблемы квалификации сделок, совершенных без полномочий

или с их превышением, а также вопросы ответственности представителя. Особое внимание уделяется должностному представительству (представительству органов юридического лица) как новелле доктрины и практики. На основе анализа научных подходов и правоприменительной практики обосновываются перспективные направления развития института представительства, включая расширение сферы его применения в условиях цифровизации экономики, профессионализацию судебного представительства и совершенствование механизмов коммерческого представительства.

Ключевые слова: представительство, полномочие представителя, доверенность, должностное представительство, коммерческое представительство, законное представительство, представительство без полномочий, одобрение сделки, перспективы развития.

Представительство — это ключевой правовой инструмент, позволяющий субъектам гражданского права выступать в правоотношениях через замещающих их посредников, и именно оно относится к числу основополагающих конструкций отрасли.

Как справедливо отмечается в научной литературе, с помощью представительства участники регулируемых гражданским правом отношений становятся сторонами сделок, которые по тем или иным причинам они не могут совершить самостоятельно; для недееспособных лиц представительство служит основным средством приобретения ими субъективных гражданских прав.

Вместе с тем, несмотря на многовековую историю и глубокую теоретическую проработанность, институт представительства продолжает оставаться предметом оживленных научных дискуссий. Принятие Гражданского кодекса Российской Федерации и последующие его изменения, включая уточнение правил о представительстве, не сняли всех проблем правового регулирования. Напротив, развитие экономических отношений, цифровизация гражданского оборота и изменение общественных отношений существенно влияют на развитие института представительства, порождая новые вызовы и требующие осмысления вопросы.

Статья посвящена комплексному рассмотрению проблем правового регулирования института представительства и определению перспективных направлений его развития.

1. Понятие и правовая природа института представительства

В соответствии со статьей 182 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Ключевая особенность представительства заключается в том, что юридические последствия совершенных представителем действий наступают непосредственно для представляемого, а не для самого представителя.

В науке гражданского права дискуссионными остаются понятия представительства и полномочия, являющиеся

центрными категориями данного института. Как показывает анализ доктринальных источников, в рамках современных исследований необходимо сформулировать юридическое содержание полномочия представителя с учетом современного уровня развития теории субъективного права, а также выявить особенности положения субъектов отношений представительства.

Особого внимания заслуживает вопрос о правовой природе полномочия представителя. В теории гражданского права сложились различные подходы к пониманию данной категории. Дискуссия ведется, в частности, о том, является ли полномочие субъективным правом или же элементом правового статуса представителя. Отсутствие единообразного понимания данной категории порождает сложности в правоприменительной практике.

2. Актуальные проблемы правового регулирования

В данной статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы института представительства:

– **Проблема соотношения представительства и смежных институтов.**

Одной из ключевых проблем является четкое разграничение представительства и сходных с ним правовых конструкций. Закон проводит разграничение между представителями и лицами, действующими хотя и в чужих интересах, но от собственного имени (коммерческие посредники, конкурсные управляющие при банкротстве, душеприказчики при наследовании и т. п.). Однако на практике не всегда легко провести это разграничение, что создает неопределенность для участников гражданского оборота.

Особую сложность представляет соотношение представительства и представительства органов юридического лица (должностного представительства). Согласно пункту 1 статьи 53 ГК РФ, юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. В научной литературе не прекращается дискуссия о том, являются ли действия органов юридического лица разновидностью представительства или же особым, самостоятельным правовым институтом. В судебной практике преобладает подход, согласно которому органы юридического лица не являются представителями в смысле статьи 182 ГК РФ, поскольку они действуют

как часть самого юридического лица, а не как самостоятельные субъекты. Данное различие имеет важное практическое значение, поскольку определяет применимый правовой режим и последствия совершения сделок.

– **Проблемы должностного представительства.**

В последние годы в научной литературе активно обсуждается институт так называемого должностного представительства, под которым понимаются полномочия работников организации на совершение сделок от ее имени в силу занимаемой должности. В отличие от представительства на основании доверенности, должностное представительство возникает из трудовых отношений и внутренних локальных актов.

Однако данный институт породил немало дискуссионных вопросов. Прежде всего, не определено четко, кто именно может считаться должностным представителем: распространяется ли данное правило только на работников, состоящих в трудовых отношениях с организацией, или же охватывает и иных лиц, выполняющих определенные функции (например, генерального директора, который, как уже отмечалось, не является представителем в строгом смысле).

Кроме того, остается открытым вопрос о соотношении должностного представительства с общей конструкцией представительства. Законодатель, по-видимому, не в полной мере учел предпринимательский характер отношений при осуществлении должностными лицами сделок, что создает сложности в правоприменении. Дискуссионным является и вопрос о применении правил о представительстве без полномочий (недействительности сделок) к случаям превышения должностным представителем своих полномочий. В доктрине высказываются различные точки зрения относительно того, следует ли в данном случае руководствоваться общими правилами о недействительности сделок или же специальными правилами о защите добросовестных контрагентов.

– **Проблемы представительства без полномочий и его одобрения.**

Одним из наиболее сложных и дискуссионных институтов в теории и практике гражданского права является представительство без полномочий (или с превышением полномочий). В соответствии со статьей 183 ГК РФ, при отсутствии полномочий действовать от имени другого лица или при превышении таких полномочий сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если только другое лицо (представляемый) впоследствии не одобрит данную сделку.

Основная проблема заключается в определении условий, при которых последующее одобрение сделки признается юридически значимым. В судебной практике и доктрине сложились различные подходы: одни исследователи и суды придерживаются жесткого подхода, требующего явно выраженного одобрения представляемым, другие допускают возможность конклюдентных действий (например, принятие исполнения по сделке). Отсутствие

единообразного подхода приводит к противоречивой судебной практике.

Особую остроту данная проблема приобретает в условиях цифровизации экономики, когда проверка полномочий представителя становится более сложной, а риски мошенничества — более высокими. Также возникает вопрос о том, может ли одобрение сделки быть совершено путем молчания или бездействия, и в каких случаях это допустимо.

– **Проблема соотношения полномочий и договора между представляемым и представителем.**

В теории гражданского права традиционно обсуждается вопрос о соотношении полномочий представителя и договора, на основании которого эти полномочия предоставляются (например, договора поручения или агентского договора). В германской и других континентальных правовых системах принято различать внутренние отношения (договор между представляемым и представителем) и внешние полномочия (право выступать от имени представляемого перед третьими лицами). При этом полномочия могут существовать независимо от внутреннего договора и даже при его отсутствии.

В российском праве данный принцип последовательно не проведен. Как отмечается в литературе, российский законодатель фактически не разграничивает эти два аспекта, что создает определенную неопределенность: не всегда ясно, влечет ли заключение договора между представляемым и представителем автоматическое возникновение полномочий или же требуется дополнительное волеизъявление представляемого (например, выдача доверенности).

Практическое значение данной проблемы проявляется в случаях, когда договор между представляемым и представителем признается недействительным или расторгается. Если полномочия возникают исключительно из договора, то недействительность договора влечет и отсутствие полномочий. Если же полномочия рассматриваются как самостоятельное правовое явление (например, доверенность, выданная отдельно), они могут сохранять силу и после прекращения договора, что может привести к злоупотреблениям.

– **Проблемы ответственности представителя.**

Вопросы ответственности представителя также остаются дискуссионными. Статья 174 ГК РФ устанавливает последствия нарушения представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица. Однако данная норма не охватывает всех возможных случаев нарушения представителем своих обязанностей.

Особую сложность представляет ситуация, когда представитель действует в ущерб интересам представляемого, но формально в пределах предоставленных полномочий. В таких случаях возникают вопросы о том, может ли представляемый оспаривать такие сделки и каковы правовые последствия такого оспаривания.

Кроме того, дискуссионным остается вопрос об ответственности представителя перед третьими лицами. По общему правилу, представитель не несет ответственности перед контрагентами представляемого, поскольку сделку совершает от имени и в интересах последнего. Однако в ряде случаев (например, при коммерческом представительстве, если представитель не сообщил о своем статусе, а также при превышении полномочий, если сделка не была одобрена) возможно возложение ответственности и на представителя. Но механизм такой ответственности недостаточно четко прописан в законе.

Несмотря на указанные проблемы, институт представительства обладает значительным потенциалом развития. Можно выделить следующие **перспективные направления**:

– **Профессионализация судебного представительства.** Одним из важнейших направлений развития института представительства является его профессионализация, особенно в сфере судебного представительства. Данный правовой институт обеспечивает соблюдение интересов всех граждан в судебном процессе, вне зависимости от того, дееспособны они или нет. Законодательное закрепление требований к лицам, выступающим в качестве судебных представителей (например, наличие высшего юридического образования или статуса адвоката), и повышение гарантий конституционных прав граждан на получение профессиональной и квалифицированной юридической помощи является насущной потребностью. В настоящее время в России уже предприняты шаги в этом направлении, но они требуют дальнейшего развития и систематизации.

– **Развитие института представительства в условиях цифровой экономики.** Цифровизация экономики создает как новые вызовы, так и новые возможности для института представительства. Развитие электронного документооборота, использование цифровых подписей и иных средств аутентификации требует переосмысления традиционных подходов к подтверждению полномочий представителя. Перспективным представляется внедрение механизмов, позволяющих оперативно и надежно проверять полномочия представителя в цифровой среде, например, создание единого реестра доверенностей или использование блокчейн-технологий для удостоверения полномочий.

– **Совершенствование механизмов коммерческого представительства.** Коммерческое представительство, урегулированное статьей 184 ГК РФ, имеет существенные особенности по сравнению с общим представительством. В последние годы унификация правового регулирования коммерческого представительства характеризуется ростом числа источников различной правовой природы, юридической силы, содержания и сферы применения. Вместе с тем, данный институт нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом современных потребностей предпринимательского оборота, включая уточнение прав и обязанностей коммерческого представителя, а также механизмов его ответственности. Особого внимания за-

служивает вопрос о возможности одновременного представительства разных сторон в сделке и обеспечении баланса их интересов.

– **Развитие института представительства в отношении гражданско-правовых сообществ.** Перспективным представляется также развитие института представительства в отношении гражданско-правовых сообществ, когда представитель может действовать от имени и в интересах каждого из участников такого сообщества (например, участников долевой собственности, членов товарищества собственников жилья и т. п.). Данная конструкция позволяет эффективно защищать права и законные интересы участников различных объединений, не обладающих статусом юридического лица. Однако для этого требуется более четкое законодательное регулирование порядка выбора такого представителя и объема его полномочий.

– **Совершенствование законодательства о представительстве с учетом зарубежного опыта.** Как показывает анализ зарубежного опыта, в Германии, Франции, Японии и других странах континентального права институт представительства получил более детальную и последовательную регламентацию. В частности, там четко проведено различие между предоставлением полномочий и основным правоотношением, а также детально урегулированы вопросы безотзывности полномочий и их прекращения. Использование сравнительно-правового опыта могло бы способствовать устранению пробелов и противоречий в российском законодательстве, особенно в части разграничения внутренних и внешних отношений представительства, а также в вопросах защиты добросовестных третьих лиц.

Таким образом, проведенный анализ проблем и перспектив развития института представительства позволяет сделать вывод о том, что институт представительства, являясь фундаментальным институтом гражданского права, сталкивается с рядом серьезных проблем правового регулирования. К числу наиболее значимых относятся: неопределенность правовой природы полномочия представителя; сложности разграничения представительства и смежных институтов, включая представительство органов юридического лица; дискуссионность условий признания сделок, совершенных без полномочий; противоречивость подходов к соотношению полномочий и договора между представляемым и представителем; недостаточная урегулированность вопросов ответственности представителя.

Вместе с тем, развитие экономических отношений, цифровизация гражданского оборота и изменение общественных отношений открывают новые перспективы для института представительства. Профессионализация судебного представительства, адаптация института к условиям цифровой экономики, совершенствование механизмов коммерческого представительства и развитие представительства в отношении гражданско-правовых сообществ — все это направления, требующие дальней-

шего теоретического осмысления и законодательного закрепления. Как справедливо отмечается в научной литературе, представительство как правовой институт все

еще находится в процессе становления, что открывает широкие возможности для дальнейших теоретических и практических исследований в данной области.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Каримов Д. А. Институт представительства: общие начала и перспективы их применения: дис.... канд. юрид. наук. — М., 2024.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. — М.: Юрайт, 2024.
4. Осипова М. В. Актуальные проблемы правового регулирования представительства в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. — 2025. — № 21. — С. 112–115.
5. Проблемы правового регулирования представительства в гражданском праве Российской Федерации // Юридический вестник. — 2026. — № 3. — С. 45–52.
6. Судебная практика по делам о представительстве: обзор постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Верховного Суда РФ. — 2025. — № 6.

Институт представительства: общие начала и перспективы их применения

Романчук Тарас Георгиевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются общие начала института представительства в российском гражданском праве, его правовая природа, основные виды и значение для гражданского оборота. Анализируются нормативные основы представительства, подходы отечественной цивилистической доктрины, а также современные проблемы применения данного института. Особое внимание уделяется перспективам развития представительства в условиях цифровизации, расширения электронного документооборота и повышения требований к правовой определенности полномочий представителя.

Ключевые слова: представительство, полномочие, доверенность, гражданское право, законное представительство, добровольное представительство, электронная доверенность, цифровизация.

Институт представительства является одним из фундаментальных механизмов гражданского права, обеспечивающим участие лица в гражданском обороте через действия другого субъекта. Его значение определяется тем, что далеко не всегда участник правоотношения может лично совершать юридически значимые действия, и потому законодатель допускает возможность реализации прав и обязанностей посредством представителя. В современном гражданском обороте представительство играет важнейшую роль, поскольку способствует развитию имущественных и организационных связей, повышает оперативность совершения сделок и обеспечивает защиту интересов лиц, нуждающихся в правовой помощи или защите.

Нормативную основу института представительства в российском праве составляют положения главы 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с п. 1 ст. 182 ГК РФ сделка, совершенная одним лицом от имени другого в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона или акте уполномо-

ченного на то государственного органа либо органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого. Из данной нормы следует, что ключевыми элементами представительства являются наличие полномочия, совершение действий от имени представляемого и возникновение правовых последствий именно у него.

В правовой доктрине представительство традиционно рассматривается как способ осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей через действия иного лица. Еще классики отечественного права, такие как Д. И. Мейер и Г. Ф. Шершеневич, обращали внимание на то, что представитель действует не от собственного имени, а от имени представляемого, и именно это обстоятельство предопределяет юридическую силу его действий. И. А. Покровский связывал институт представительства с автономией воли и потребностями гражданского оборота, отмечая его практическую значимость для реализации частноправовых интересов. В советской и современной цивилистике проблемы представительства по-

лучили дальнейшее развитие в работах М. М. Агаркова, О. С. Иоффе, В. П. Грибанова, Е. А. Суханова, М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, Н. В. Козловой, Л. А. Новоселовой и других исследователей.

Центральной категорией института представительства является полномочие. Именно оно служит юридическим основанием для действий представителя и определяет пределы его поведения. Полномочие возникает в силу закона, доверенности, административного акта или иного юридического факта. В научной литературе полномочие нередко рассматривается как особое правовое состояние, не совпадающее полностью ни с субъективным правом, ни с обязанностью. Подобный подход позволяет объяснить специфику представительских отношений и разграничить их с иными формами участия в обороте.

Важное значение имеет и классификация представительства. В гражданском праве принято различать добровольное и законное представительство. Добровольное представительство основано на воле представляемого и чаще всего оформляется доверенностью. Законное представительство возникает непосредственно из закона и применяется, например, в отношении несовершеннолетних, недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. Отдельное место занимает представительство юридических лиц, которое реализуется через их органы. Согласно ст. 53 ГК РФ, юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами.

Практическое значение института представительства особенно заметно в вопросах совершения сделок. Именно через представителей заключается значительное число договоров, подаются заявления, осуществляются регистрационные действия, ведутся переговоры и исполняются обязательства. В то же время правоприменение показывает, что представительство нередко становится источником споров. Наиболее распространенные проблемы связаны с превышением полномочий, отсутствием надлежащего оформления доверенности, неправильным толкованием ее содержания, а также с оспариванием совершенных представителем действий. В этой связи особое значение имеет ст. 183 ГК РФ, регулирующая последствия совершения сделки лицом, не уполномоченным действовать от имени другого лица, либо с превышением полномочий. Если такая сделка не одобрена представляемым, она не создает для него правовых последствий.

Судебная практика подтверждает, что суды уделяют особое внимание проверке полномочий представителя. При рассмотрении споров, связанных с действительностью сделок, суды анализируют не только наличие доверенности, но и ее содержание, срок действия, форму, объем предоставленных прав, а также поведение представляемого после совершения сделки. При этом одобрение сделки может быть как явным, так и конклюдентным, если из последующего поведения представляемого сле-

дует признание совершенных действий. Вместе с тем отсутствие четких и однозначных формулировок в доверенности нередко приводит к судебным конфликтам, что свидетельствует о необходимости повышения качества правового оформления полномочий.

Отдельного внимания заслуживает процессуальное представительство. В гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве представительство обеспечивает доступ к правосудию и реализацию процессуальных прав участников дела. Полномочия представителей подтверждаются доверенностью, ордером адвоката и иными документами в случаях, предусмотренных законом. Здесь особенно важно соблюдение формальных требований, поскольку ненадлежащее подтверждение полномочий может повлечь неблагоприятные процессуальные последствия. Таким образом, представитель не только участвует в материально-правовых отношениях, но и выступает важным субъектом процессуальной деятельности.

Современный этап развития института представительства связан с цифровизацией гражданского оборота. Электронный документооборот, дистанционное взаимодействие с государственными органами, использование электронной подписи и электронных доверенностей меняют традиционные формы подтверждения полномочий.

С одной стороны, это повышает оперативность и удобство осуществления гражданских прав; с другой — создает новые риски, связанные с подделкой электронных документов, несанкционированным доступом к учетным данным и затруднениями при проверке полномочий. В связи с этим перспективы развития института представительства напрямую связаны с совершенствованием механизмов цифровой идентификации, правового регулирования электронных доверенностей и унификации судебной практики.

Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема баланса между формальной определенностью полномочий и необходимостью гибкого подхода к защите добросовестных участников оборота. Слишком жесткое требование к оформлению полномочий может затруднять гражданский оборот, тогда как чрезмерная либерализация повышает риски злоупотреблений. Поэтому оптимальное развитие института представительства должно учитывать как интересы представляемого, так и интересы третьих лиц, действующих добросовестно и разумно.

Таким образом, институт представительства представляет собой сложную и многогранную правовую конструкцию, имеющую фундаментальное значение для гражданского права. Его общие начала основаны на идеях полномочия, добросовестности, автономии воли и правовой определенности. Перспективы применения представительства связаны с цифровизацией, развитием электронного документооборота, совершенствованием судебной практики и дальнейшей теоретической разработкой вопросов правовой природы полномочия

и последствий его превышения. Все это подтверждает актуальность дальнейшего исследования института представительства как в доктринальном, так и в практическом аспекте.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2012 г. № 18-В11-101 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2012.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2015.
4. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2023 -157 с.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 2025–201 с.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2021–215 с.
7. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. М.: ЦентрЮрИнформ, 2022–237 с.
8. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 2021–299 с.
9. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2022–302 с.
10. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. М.: Статут, 2020 -179 с.
11. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: Статут, 2025–234 с.
12. Козлова Н. В. Правовое положение органов юридического лица. М.: Статут, 2022 -316 с.
13. Новоселова Л. А. Проблемы гражданского оборота и расчетов. М.: Статут, 2023–314с.
14. Волков А. В. Цифровизация гражданского оборота: правовые проблемы и перспективы. М.: Юстицинформ, 2021–287 с.
15. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения и представительство в юридическом лице. М.: Статут, 2022–185 с.

История развития института представительства в российском и зарубежном праве

Романчук Тарас Георгиевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена ретроспективному анализу становления и развития института представительства в российском и зарубежном праве. Исследуются истоки института в римском праве, особенности его рецепции в континентальной (Германия, Франция) и англосаксонской правовых системах, а также ключевые этапы эволюции представительства в отечественном законодательстве — от Русской Правды и Свода законов гражданских 1832 г. до современного этапа, включая процессуальную реформу 2018 г. Автор приходит к выводу, что институт представительства развивался от запрета на совершение сделок через третьих лиц к признанию прямого представительства, а российская модель представительства, впитав как рецептированные, так и самобытные элементы, в настоящее время движется в направлении профессионализации и расширения сферы применения общих начал.

Ключевые слова: институт представительства, римское право, прямое представительство, доверенность, поверенные, присяжная адвокатура, процессуальная реформа, образовательный ценз, коммерческое представительство.

Институт представительства относится к числу фундаментальных правовых конструкций, обеспечивающих возможность участия в гражданском обороте и судебном процессе субъектов, которые по тем или иным причинам не могут действовать самостоятельно. Историческое исследование данного института представляет не только теоретический, но и практический интерес: понимание логики его эволюции позволяет адекватно оценивать современные тенденции и прогнозировать перспективы развития. Настоящая статья ставит целью систематизировать данные о происхождении и развитии представительства в римском праве, странах романо-

германской и англосаксонской правовых семей, а также в российском праве с выделением ключевых этапов и особенностей каждого из них.

Зарождение института в римском праве. Общеизвестно, что именно римское право является истоком зарождения института представительства для романо-германской правовой семьи. Однако представительство в римском праве прошло сложный путь: на протяжении длительного периода ему был чужд принцип прямого представительства, когда права и обязанности по сделке возникают непосредственно у представляемого. Исходным началом служил принцип «Nemo alieno nomine

lege agere potest» — «Ни путем соглашения, ни установлением условий сделки, ни путем стимуляции никто не может обуславливать права для другого». Этот запрет нашёл отражение в Институциях Гая, где прямо указывалось, что «во времена господства старого судопроизводства предъявлять исков от имени третьего лица не дозволялось».

Господство концепции индивидуального характера обязательства обуславливало обязательное личное присутствие и активную процессуальную деятельность сторон судебного разбирательства. Представительство в Древнем Риме проистекало из патроната — особого института, в рамках которого патрон выступал защитником интересов своих клиентов. Со временем императивное правило начало «обрастать» исключениями: в 175 г. до н. э. законом Гостилия было впервые разрешено представительство на суде лиц, попавших в плен при военных походах или отсутствующих по делам государства. В Институциях Юстиниана (VI в. н. э.) допускалось уже три вида судебного представительства, включая выступление магистрата от имени народа, что получило развитие в современной конструкции прокурорского иска в защиту чужих интересов.

В римском процессе сложились фигуры когниторов и прокураторов, выступавших в качестве процессуальных представителей, а также адвокатов, которые изначально являлись лишь советниками и ораторами при тяжущейся стороне, но не процессуальными представителями в строгом смысле. Древнеримские запреты заключать стимуляцию в пользу третьего лица и приобретать имущественные права через посторонних препятствовали появлению общей концепции прямого представительства не только в римской юриспруденции, но и в средневековом римском праве. Лишь в результате длительной доктринальной эволюции, завершившейся в Новое время, прямое представительство получило признание как самостоятельный правовой институт.

Развитие представительства в зарубежном праве

Германия: доктринальное оформление института. Наиболее значительный вклад в доктринальное оформление представительства внесла германская правовая наука. Постепенное становление института в Европе пришлось на XVII в., что нашло отражение в трудах учёных-правоведов континентальной Европы. В параграфе 3 статьи 54 Саксонского зеркала уже прослеживается аспект представительства, заключающийся в возможности передачи земли в залог лично или через представителя.

Одной из ключевых вех стала выработка немецкими правоведами ряда теорий о сущности представительства. Основной из них является **репрезентативная теория**, сущность которой заключается в определении совершённой представителем сделки как ядра, состоящего из фактической стороны (действий представителя) и правовой стороны (последствий для представляемого).

Именно данная теория легла в основу правового регулирования института представительства во многих государствах.

Германское гражданское уложение 1896 г. (Bürgerliches Gesetzbuch) стало первым кодифицированным актом, в котором представительство получило развёрнутое нормативное закрепление: §§ 164–181 регулируют общегерманское представительство, а разделы 5 и 7 книги первой Германского торгового уложения 1897 г. (Handelsgesetzbuch) — торговое представительство. Немецкий законодатель выделил фигуру **прокуриста** — особо доверенного служащего, наделённого генеральными полномочиями; его статус устанавливался законом, а полномочия подлежали регистрации в Торговом реестре. Доктринальная разработка германских юристов оказала прямое влияние на российское дореволюционное право: российское законодательство ко второй половине XIX в. содержало уже все основные компоненты развитого правового порядка применительно к представительству, в том числе и в результате заимствований германской правовой доктрины.

Англия: общее право и доктрина тождества. Английское право пошло по иному пути. В отличие от римского права, не признававшего прямого представительства, английское право сформировало широкое понятие агентских отношений: под термином «представительство» здесь понимается совокупность отношений, охватывающих все виды представительства и посредничества, включая так называемое косвенное представительство. Под понятие представителя подпадают и комиссионеры, и торговые представители, и солиситоры.

Развитие института в Англии в значительной мере определялось ранним становлением сословия юристов и традиционным разделением юридических профессий на солиситоров и барристеров. В XVI в. противоречия между выступающими в судах барристерами и юрисконсультами (атторнеями) привели к тому, что атторнеи были исключены из членов гильдии; наряду с ними появились солиситоры, выполнявшие те же функции перед канцлерским судом. В 1739 г. поверенные (атторнеи) и солиситоры совместно создали «Общество джентльменов, практикующих в судах общего права и права справедливости», ставшее предшественником современного «Юридического общества».

Доктринальной основой представительства в странах англосаксонской системы стала **доктрина тождества**, в отличие от романо-германской системы, где критерии правового статуса представителя определяются на основе предоставленных ему полномочий. Судебная практика Англии и ранних американских судов выработала конструкцию как исключение из общего правила о том, что истец должен защищать собственные права.

Франция: кодификация и общее право представительства. Французское право долгое время не знало единого правового института представительства: соответствующие нормы выводились главным образом из положений о договоре поручения.

Французский гражданский кодекс 1804 г. и Французский торговый кодекс 1807 г. закрепили договоры поручения и агентирования как формы коммерческого представительства, однако общее учение о представительстве в них отсутствовало. Лишь приказ от 10 февраля 2016 г. ввёл в гражданский кодекс общее право представительства, последовав примеру других европейских кодификаций. Как отмечается в доктрине, институт представительства был урегулирован в качестве самостоятельного института во французском законодательстве только кодификацией 2002 г.

Эволюция института представительства в российском праве

Дореволюционный период. Истоки российского представительства восходят к институтам Древней Руси. Предшественниками российских адвокатов являлись поверенные и стряпчие, впервые упоминавшиеся в Новгородских и Псковских судебных грамотах. Ряд правоведов полагает, что феномен представительства постепенно реализовывался в практике уже в Древней Руси, в частности в регулировании Русской Правды в отношении опеки над несамостоятельными малолетними детьми.

Возникновение представительства как самостоятельного правового института обычно относят к середине XVII в., когда оно получило законодательное закрепление в Своде законов гражданских 1832 года. Однако непосредственное определение понятия «представительство» в Своде отсутствовало. Представительство определялось как правоотношение двух сторон, в котором первая сторона выступает от имени и в интересах второй, берущей на себя последствия действий первой. Уже к середине XIX в. стало различаться представительство обязательное (для представляемого) и добровольное; была проведена граница между действиями представителя и близких явлений — посланника, посредника, маклера, комиссионера, действующих от собственного имени. Сформировалось представление о трёх группах отношений при представительстве: между представителем и представляемым, между представляемым и третьими лицами, между представителем и третьими лицами.

Существенным продвижением стало допущение в качестве представителей «совокупностей лиц» — не только физических, но и юридических лиц. Особый вклад в развитие взглядов на представительство внесли Н. О. Нерсесов, Ю. С. Гамбаров, А. О. Гордон, Л. А. Казанцев, Д. И. Мейер и другие учёные.

В проекте Гражданского уложения впервые отечественным законодателем был предусмотрен организационно и текстуально оформленный институт представительства — ему посвящалась глава IV раздела III Книги I. Судебная реформа 1864 г. привела к созданию присяжной адвокатуры, сменившей дореформенных поверенных и стряпчих; этот этап развития института процессуального представительства продолжался вплоть до октября 1917 г.

Советский период. После революции 1917 г. институт посредничества не только перестал развиваться, но и стал уголовно наказуемым деянием; право на осуществление посреднических операций имели только специализированные организации. Что касается собственно представительства, то оно получило нормальное развитие в отличие от посредничества. В советском гражданском законодательстве сохранились нормы, регулирующие договор поручения и договор комиссии, а также нормы о добровольном представительстве. Институт коммерческого представительства был формализован в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., однако впоследствии в советском гражданском законодательстве остались лишь нормы о договорах поручения и комиссии, не позволявшие в своей совокупности «заменить» положения о коммерческом представительстве.

В советский период аналоги коммерческого представительства присутствовали во времена НЭПа в рамках деятельности по организации торговых и промышленных предприятий, которая дозволялась советским гражданам в 1921–1930 гг. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. закрепил институт судебного представительства: статьями 43–45 устанавливалось, что граждане могут вести свои дела в суде лично или через представителей; представителями могли быть адвокаты, работники государственных учреждений и организаций по делам этих организаций, уполномоченные профессиональных союзов и другие лица.

Научное осмысление представительства в советский период связано прежде всего с докторской диссертацией В. А. Рясенцева, посвящённой представительству в советском гражданском праве. Специальное исследование сущности, юридической природы и признаков представительства в советском гражданском праве было проведено Е. Л. Невзгодиной, с особым вниманием к полномочию как субъективному праву представителя.

Современный этап и процессуальная реформа 2018 г. С принятием части первой Гражданского кодекса РФ институт представительства получил развёрнутое нормативное закрепление в главе 10 (статьи 182–189). Возрождение института коммерческого представительства в России связывается с широким распространением посреднической, риэлторской, биржевой, страховой и брокерской деятельности на рубеже 1980–1990-х гг. Сегодня коммерческое представительство — самостоятельный институт договорного права, а соответствующие договорные отношения обладают значительной спецификой.

Знаковым событием стала **процессуальная реформа 2018 г.**, в рамках которой был введён образовательный ценз для судебных представителей. С 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 28.11.2018, согласно которому представителями в арбитражном и гражданском процессах могут быть лица с высшим юридическим образованием или учёной степенью по юридической специальности. В гражданском процессе профессиональный ценз обошёл стороной дела, рассматриваемые мировыми

судьями и районными судами. Одним из важных предложений Верховного Суда РФ в рамках реформы стало введение профессионального ценза для судебных представителей с целью повышения гарантий судебной защиты и качества рассмотрения судебных дел.

Сравнительный анализ и современные тенденции

Проведённый анализ позволяет выделить несколько закономерностей.

Во-первых, институт представительства повсеместно развивался **от запрета к разрешению**: римское право, не признававшее прямого представительства, постепенно допускало всё больше исключений, что в конечном счёте привело к формированию общей концепции представительства в Новое время.

Во-вторых, **континентальная и англосаксонская модели** разошлись по принципиальным основаниям: если в романо-германской системе представительство выделилось в самостоятельный институт с чётким разделением прямого и косвенного представительства, то в общем праве оно растворилось в широком понятии агентских отношений, основанных на доктрине тождества.

В-третьих, **русская модель** впитала как рецепированные элементы (в частности, германскую доктрину), так и самобытные черты, связанные с длительным господ-

ством государственной регламентации и особым положением адвокатуры.

Современные тенденции развития института представительства включают: расширение сферы применения общих начал представительства на смежные фидуциарные отношения (агентские, комиссионные, доверительное управление); формирование универсальных стандартов добросовестности и лояльности представителя; профессионализацию судебного представительства через образовательный ценз; совершенствование коллизионного регулирования трансграничного представительства.

Таким образом, история института представительства демонстрирует его универсальный характер и способность адаптироваться к изменяющимся условиям оборота. Пройдя путь от патроната и процессуальных представителей Древнего Рима через доктринальную разработку германских юристов и самобытное развитие российских поверенных к современным кодификациям, представительство превратилось в один из системообразующих институтов частного права. Российская модель представительства, соединив рецепированные и национальные элементы, в настоящее время развивается в направлении профессионализации и расширения сферы применения общих начал, что открывает новые перспективы, как для законодательного регулирования, так и для научных исследований.

Литература:

1. Бражник А. А. Развитие института представительства в Российской империи дореформенного периода // Российское право онлайн. 2022. № 2. С. 19–23.
2. Воронцова Н. В., Миненко К. С. Анализ института судебного представительства в римском праве // Молодой учёный. 2020. № 5 (295). С. 183–185.
3. Жамбурбаева С. Правовое регулирование представительства в рамках гражданского права и процесса в Древнем Риме // CyberLeninka.
4. Ласынов Р. Р. Институт представительства в системе публичной власти России: опыт теоретико-исторического моделирования // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 1 (79). С. 78–99.
5. Невзгодина Е. Л. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 156 с.
6. Салтыкова И. В. Процесс формирования института представительства в судебном процессе // Молодой учёный. 2019. № 37 (275). С. 55–57.
7. Токар Е. Я. Формирование института представительства в российском дореволюционном праве // CyberLeninka.
8. Ширвиндт А. М. Актуальные вопросы представительства: комментарий к п. 122–132 постановления Пленума ВС РФ № 25 // Вестник экономического правосудия. 2015. № 12. С. 61–144.

Техническая неисправность воздушного судна как основание освобождения перевозчика от ответственности за задержку рейса

Савина Наталья Игоревна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается гражданско-правовое значение технической неисправности воздушного судна при решении вопроса об ответственности перевозчика за задержку рейса. Анализируется статья 795 Гражданского кодекса Российской Федерации, статья 120 Воздушного кодекса Российской Федерации, действующая редакция федеральных

авиационных правил и актуальная кассационная практика. Установлено, что устранение неисправности, угрожающей жизни или здоровью пассажиров, образует самостоятельное специальное основание освобождения от штрафа за просрочку и не требует квалификации в качестве обстоятельства непреодолимой силы. Вместе с тем одно указание на техническую причину задержки не является достаточным: перевозчик должен подтвердить характер неисправности, ее связь с безопасностью полета и причинную связь между устранением неисправности и фактической продолжительностью задержки. Обосновывается необходимость разграничивать освобождение от штрафа, обязанность возместить доказанные убытки и обязанности по обслуживанию пассажиров в период ожидания. Предлагается закрепить единый стандарт доказывания технической неисправности в судебной практике и разъяснениях высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: договор воздушной перевозки пассажира, воздушный перевозчик, задержка рейса, просрочка доставки, техническая неисправность, гражданско-правовая ответственность, убытки, права пассажира.

Введение

Договор перевозки пассажира предполагает обязанность перевозчика доставить пассажира в пункт назначения в установленный срок. Общая конструкция закреплена статьей 786 Гражданского кодекса Российской Федерации, а применительно к воздушной перевозке конкретизирована Воздушным кодексом Российской Федерации [1; 4]. Нарушение срока имеет самостоятельное имущественное значение, поскольку способно повлечь расходы на приобретение другого билета, размещение и наземный транспорт. Одновременно воздушная перевозка подчинена безусловному требованию безопасности: рейс не может выполняться на воздушном судне, эксплуатация которого создает угрозу жизни или здоровью пассажиров.

Именно сочетание договорного интереса пассажира в своевременной доставке и приоритета безопасности образует проблему квалификации технической неисправности. В. Л. Вольфсон рассматривает специальные правила ответственности авиаперевозчика через соотношение с общими принципами предпринимательского риска, тогда как А. А. Скучаев предлагает отказаться от освобождения перевозчика от ответственности при задержке по причине неисправности воздушного судна [2; 12]. После реформы статьи 120 Воздушного кодекса Российской Федерации вопрос получил дополнительное значение: с 1 апреля 2024 г. штраф составляет 100 рублей за каждый час просрочки, а пассажир вправе требовать возмещения убытков в полном объеме сверх штрафа [1; 14]. Цель статьи — определить условия и пределы применения технической неисправности как основания освобождения перевозчика от ответственности.

Правовая природа технической неисправности как основания освобождения

Пункт 1 статьи 795 Гражданского кодекса Российской Федерации и статья 120 Воздушного кодекса Российской Федерации построены сходным образом. Перевозчик освобождается от штрафа, если докажет, что просрочка возникла вследствие непреодолимой силы, устранения неисправности транспортного средства, угрожающей жизни или здоровью пассажиров, либо иных об-

стоятельств, не зависящих от перевозчика [1; 4]. Перечисленные основания являются альтернативными. Поэтому опасная техническая неисправность не должна дополнительно отвечать признакам чрезвычайности и непредотвратимости, установленным для непреодолимой силы статьей 401 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]. Иное толкование лишало бы самостоятельного содержания прямое указание закона на неисправность транспортного средства.

Однако специальное исключение не охватывает любую техническую причину. Закон требует доказать наличие конкретной неисправности, ее угрожающий жизни или здоровью пассажиров характер и причинную связь между необходимостью устранения дефекта и просрочкой. Действующая с 1 марта 2026 г. редакция пункта 76 федеральных авиационных правил дополнительно указывает, что перевозчик вправе задержать рейс, если это необходимо для соблюдения требований безопасности полетов, в том числе для устранения опасной неисправности воздушного судна [11]. Правомерность решения о задержке по соображениям безопасности, таким образом, не отменяет обязанности доказать фактические предпосылки применения гражданско-правового освобождения.

Кассационная практика 2024–2026 гг.

В определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2024 г. по делу № 8Г-11249/2024 оставлены без изменения судебные акты, отклонившие ссылку перевозчика на техническую неисправность. В мотивировке указано, что неисправность воздушного судна не относится к обстоятельствам непреодолимой силы [7]. Такая аргументация спорна: статья 120 Воздушного кодекса Российской Федерации прямо разграничивает непреодолимую силу и устранение опасной неисправности. Вместе с тем дело подтверждает иной существенный тезис — общего указания на техническую причину недостаточно, если перевозчик не доказал предусмотренный законом фактический состав.

Более точная квалификация дана Третьим кассационным судом общей юрисдикции в определении от 3 марта 2026 г. по делу № 8Г-2366/2026. Суд признал несостоятельным довод о том, что неисправность не может освобождать перевозчика лишь потому, что она не является непреодолимой силой. Основанием вывода послужили специальные нормы воздушного законодатель-

ства и представленные доказательства неисправности, угрожавшей безопасности пассажиров [8]. Различие двух актов одного кассационного суда показывает необходимость единообразного разграничения самостоятельных оснований освобождения.

Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2025 г. по делу № 8Г-16884/2025 конкретизирует предмет доказывания. Задержка была связана с подозрением на грубую посадку, подтвержденным данными бортовых средств регистрации, и необходимостью обязательных технических работ. Кассационный суд указал на юридическое значение именно такой неисправности, которая могла угрожать жизни и здоровью пассажиров, и потребовал оценки технической документации [6]. Следовательно, доказательствами могут служить бортовой журнал, технический акт, сведения о времени обнаружения дефекта и выполненных работах. При этом должна проверяться и продолжительность причинной связи: если ремонт завершен раньше фактического вылета, оставшийся период задержки требует самостоятельного объяснения.

Пределы освобождения перевозчика

После изменения статьи 120 Воздушного кодекса Российской Федерации необходимо разграничивать как минимум три группы правовых последствий. Специальный штраф непосредственно связан с перечисленными в статье основаниями освобождения. Убытки названы отдельно и подлежат возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [1; 14]. Поэтому требование об убытках нуждается в самостоятельной квалификации с учетом статей 15, 393 и 401 Гражданского кодекса Российской Федерации: устанавливаются нарушенная обязанность, размер убытков, причинная связь и применимое основание освобождения [3]. Опасная неисправность может объяснять невозможность своевременного вылета, но не оправдывает самостоятельные нарушения, допущенные перевозчиком после ее обнаружения.

Такое разграничение имеет практическое значение, например, когда перевозчик несвоевременно информирует пассажира, необоснованно затягивает решение о дальнейшей перевозке либо не исполняет обязанности по обслуживанию. М. Л. Толстова еще до реформы статьи 120 указывала на необходимость корректировки механизма ответственности и связывала освобождение при технической неисправности с надлежащим техническим обслуживанием воздушного судна [13]. Реформа усилила имущественную защиту пассажира, но не устранила вопрос о пределах специального основания освобождения.

Особое место занимают обязанности по обслуживанию в период ожидания. Пункт 99 федеральных авиационных правил прямо распространяется на задержку или отмену рейса, в том числе вследствие устранения неисправности, угрожающей жизни или здоровью пассажиров

[11]. С 1 марта 2026 г. предусмотрены питьевая вода при ожидании более двух часов, горячее питание и напитки — более четырех часов, гостиница — более восьми часов в дневное время или более шести часов в ночное время. Следовательно, освобождение от штрафа не прекращает обязанности по базовому обеспечению пассажира. Кроме того, задержка рейса более чем на 30 минут от указанного в билете времени с 1 марта 2026 г. отнесена к основаниям вынужденного отказа пассажира от перевозки [11].

Защита прав потребителя и стандарт доказывания

При перевозке гражданина для личных нужд применяются также положения законодательства о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальным транспортным законодательством. Такой подход закреплен в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 [10]. Н. М. Панфилов также рассматривает защиту авиапассажира как сферу взаимодействия воздушного и потребительского законодательства [9]. При этом пункт 4 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» допускает освобождение исполнителя не только вследствие непреодолимой силы, но и по иным основаниям, предусмотренным законом [5]. Поэтому специальное правило статьи 120 Воздушного кодекса Российской Федерации не противоречит потребительской модели ответственности, однако действует только в пределах регулируемого им последствия.

Бремя доказывания обстоятельства, исключающего взыскание штрафа, лежит на перевозчике [1; 4]. Представляется обоснованным считать необходимыми доказательствами совокупность сведений о конкретной неисправности, ее влиянии на безопасность полета, времени обнаружения, необходимых технических действиях и их связи с задержкой конкретного рейса. Если перевозчик ссылается на невозможность замены воздушного судна, данное обстоятельство также должно подтверждаться. Вместе с тем из закона не следует безусловная обязанность иметь свободный резервный борт в каждом аэропорту: оцениваются реально доступные организационные меры и причины, по которым они не позволили сократить задержку.

Информационная асимметрия сторон усиливает значение такого распределения бремени доказывания. Техническая документация и сведения о производственных решениях находятся у перевозчика, тогда как пассажир обычно располагает только информацией о факте и продолжительности задержки. Поэтому справка с общей формулировкой «техническая неисправность» не должна признаваться достаточной без документов, позволяющих проверить соответствие причины критериям закона.

Для устранения расхождений целесообразно закрепить в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации положение о том, что устранение неисправности воздушного судна, угрожающей жизни или здоровью пассажиров, является самостоятельным основанием освобо-

ждения от штрафа и не требует признания неисправности непреодолимой силой. Одновременно следует указать, что перевозчик доказывает опасный характер неисправности и причинную связь с периодом просрочки, а применение данного основания не прекращает обязанности по обслуживанию пассажиров и не исключает самостоятельной оценки убытков, возникших вследствие иных нарушений.

Выводы

Техническая неисправность воздушного судна освобождает перевозчика от штрафа за просрочку только тогда, когда доказано, что неисправность угрожала жизни или здоровью пассажиров и именно ее устранение обусловило задержку. Квалификация такой неисправности в качестве

непреодолимой силы не требуется. Судебная практика 2024–2026 гг. показывает переход к более точному пониманию самостоятельного характера данного основания, однако единообразный стандарт доказывания пока нуждается в закреплении [6; 7; 8].

Освобождение от штрафа не должно превращаться в универсальное освобождение от любых последствий нарушения договора. Обязанности по обслуживанию пассажира сохраняются независимо от технической причины задержки, а требования об убытках подлежат самостоятельной правовой оценке. Такое разграничение позволяет совместить приоритет безопасности полета с реальной защитой имущественных интересов пассажира и исключить формальное использование ссылки на техническую неисправность.

Литература:

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
2. Вольфсон В. Л. Ответственность авиаперевозчика за просрочку доставки пассажира: единые принципы и специальные нормы // Транспортное право. 2023. № 1. С. 13–17. DOI: 10.18572/1812–3937–2023–1–13–17.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
5. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
6. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2025 по делу № 8Г-16884/2025 [88–16915/2025] // ГАРАНТ: информационно-правовой портал.
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2024 по делу № 8Г-11249/2024 [88–12454/2024] // Третий кассационный суд общей юрисдикции: официальный сайт.
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2026 по делу № 8Г-2366/2026 [88–3856/2026] // ГАРАНТ: информационно-правовой портал.
9. Панфилов Н. М. Защита прав пассажира в договоре воздушной перевозки в деятельности Роспотребнадзора // Право и управление. 2023. № 6. С. 286–289. DOI: 10.24412/2224–9133–2023–6–286–289.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
11. Приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»» (ред. от 15.10.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
12. Скучаев А. А. Развитие правовой модели регулирования пассажирских перевозок воздушным транспортом // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 73–78.
13. Толстова М. Л. Правовое регулирование договора воздушной перевозки: актуальные аспекты // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 89–97. DOI: 10.47026/2499–9636–2022–2–89–97.
14. Федеральный закон от 04.08.2023 № 487-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

Противодействие коррупции в государственных и муниципальных организациях

Сагитов Вадим Наилевич, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются ключевые задачи противодействия коррупции в государственных и муниципальных организациях. Особое внимание уделяется формам проявления коррупции в медицинских учреждениях, причинам возникновения коррупционных рисков и эффективным механизмам борьбы с ними.

Приведен анализ практических мер на примере медицинской организации.

Ключевые слова: коррупция, государственная и муниципальная служба, противодействие, мера.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», под коррупцией понимается «неправомерное использование должностного положения, дача или получение взятки, превышение полномочий, коммерческий подкуп, а также иные формы незаконного применения физическим лицом своего статуса вопреки интересам общества и государства с целью получения выгоды» [3]. Такая выгода может выражаться в получении денежных средств, ценностей, имущества, услуг, имущественных прав как для себя, так и для других лиц либо в незаконном предоставлении подобной выгоды другому лицу.

Коррупция остается одной из наиболее острых и значимых проблем современного общества. Ее негативное воздействие многогранно: оно проникает во все сферы жизни государства, затрагивает экономику, систему управления, политику, социальную сферу, а также напрямую влияет на качество жизни и благополучие граждан. В условиях глобализации и роста открытости общества последствия коррупции приобретают еще больший масштаб, влияя не только на отдельные учреждения, но и на международный имидж страны.

Особенно остро вопрос коррупции стоит в государственных и муниципальных организациях. Именно эти структуры ежедневно взаимодействуют с гражданами, осуществляют ключевые управленческие функции, обеспечивают распределение и использование значительных материальных, финансовых и информационных ресурсов. Нарушения принципов законности в этих сферах приводят к нецелесообразным расходам государственных средств, искажению приоритетов государственной политики и потере общественного доверия. В долгосрочной перспективе это затрудняет модернизацию экономики,

формирует устойчивый скептицизм и апатию среди населения, а также подрывает легитимность власти.

Среда здравоохранения является одной из самых уязвимых к коррупционным проявлениям по ряду объективных причин:

- значительный объем финансовых потоков;
- высокая социальная значимость оказываемых услуг;
- сложность контроля и проверки качества оказываемой медицинской помощи.

В медицинских учреждениях любое проявление коррупции не только сказывается на экономике, но и становится прямой угрозой для здоровья, а иногда и жизни пациентов.

Коррупция в этой сфере может затрагивать такие аспекты, как:

- нецелевое освоение государственных средств при строительстве, ремонте и закупках;
- взятки за услуги, которые по закону должны быть бесплатными;
- навязывание ненужных анализов или процедур;
- получение персональной выгоды при выборе поставщика лекарств или оборудования;
- формирование искусственных очередей или затягивание сроков оказания помощи;
- распределение дорогостоящих медицинских препаратов в пользу «своих» пациентов.

Наличие постоянных коррупционных схем сильно демотивирует медицинских работников, провоцирует текучесть кадров, а медицина становится менее доступной для широких слоев населения. Снижается доверие населения не только к конкретным учреждениям, но и к системе здравоохранения в целом.

В медицинской организации коррупционные риски могут проявляться в различных формах.

Таблица 1. **Формы проявления коррупционных рисков в медицинской организации**

Форма коррупции	Примеры в медицинской организации
Взятничество	Получение медицинским персоналом оплаты за операцию без очереди, выдачу справки, назначение льготного лечения
Злоупотребление должностными полномочиями	Назначение ненужных или избыточных процедур ради получения личной выгоды
Коммерческий подкуп	Заключение выгодных договоров с определенными поставщиками медикаментов и оборудования
Конфликт интересов	Продвижение услуг «своей» фирмы при госзакупках

Причины, формирующие благодатную почву для коррупционных проявлений в медицинских учреждениях, разнообразны. К основным из них относятся:

- недостаточный уровень финансирования системы здравоохранения, приводящий к нехватке ресурсов и низкому уровню оплаты труда медицинских работников;
- отсутствие эффективного контроля и прозрачности при принятии управленческих и финансовых решений;
- излишняя сложность и запутанность административных процедур;
- невысокий уровень правовой культуры как среди персонала, так и среди пациентов.

Для эффективной борьбы с коррупционными проявлениями в государственных и муниципальных организациях, в том числе медицинских, реализуются следующие меры:

1. Принятие и применение законодательных и нормативных актов. В Российской Федерации противодействие коррупции детально регулируется Федеральным законом № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также соответствующими подзаконными актами, национальными антикоррупционными программами и внутренними локальными нормативными актами организаций.

2. Организационные меры внутри медицинских организаций:

- введение антикоррупционных стандартов и кодекса этики для сотрудников. Это способствует формированию культуры неприятия коррупции;
- разделение полномочий между различными сотрудниками и службами (принцип «двойных ключей»), при котором ни один работник не принимает решения единолично при осуществлении закупок или распределении ресурсов;
- электронный документооборот и автоматизация ключевых процессов. Внедрение информационных систем для записи пациентов, распределения очередей и проведения закупочных процедур значительно сокращает пространство для коррупционных действий, увеличивает прозрачность и подотчетность;
- обязательное декларирование доходов, имущества и интересов руководящего состава и ответственных лиц. Это позволяет выявлять и пресекать конфликты интересов.

3. Внутренний контроль и аудит:

- проведение регулярных внутренних и внешних проверок всех аспектов финансово-хозяйственной деятельности;
- независимый аудит закупочных процедур, расходования медикаментов и медицинского оборудования;
- внедрение анонимных каналов информирования, таких как горячая линия или «ящики доверия», для обращения сотрудников и пациентов по вопросам возможных нарушений.

4. Обучение и просвещение персонала:

- организация регулярных тренингов и семинаров по вопросам антикоррупционной политики;
- уведомление сотрудников об их личной ответственности за совершение коррупционных правонарушений и о возможных дисциплинарных, административных или уголовных последствиях.

5. Повышение вовлеченности общества и прозрачности:

- привлечение представителей пациентов и общественных организаций к процессу контроля за деятельностью медучреждения, обсуждение вопросов качества оказания медицинской помощи;
- публикация на официальном сайте организации отчетов о деятельности, результатах проведенных проверок, данных о госзакупках и расходовании бюджетных средств.

Таким образом, борьба с коррупцией — это сложный, многослойный и, что важно, непрерывный процесс, требующий комплексного подхода и постоянного совершенствования как на уровне государства, так и на уровне каждого учреждения. В медицинских организациях особое значение имеют прозрачность и открытость процедур, внедрение современных информационных технологий, учет интересов пациентов, а также регулярное обучение персонала антикоррупционному поведению.

Эффективная система противодействия коррупции способствует не только экономии бюджетных средств и их целевому использованию, но и формированию доверия граждан к медицинским организациям. Это оказывает позитивное влияние на качество и доступность медицинской помощи, а значит, на здоровье нации в целом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный Интернет-портал правовой информации : [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 25.05.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 363-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.05.2026).
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 08.08.2024) // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.05.2026).
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 30.09.2024) // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (дата обращения: 25.05.2026).

5. Андрианов В. Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления / В. Д. Андрианов. — Москва : Издательство «Волтерс-Клувер», 2022. — 278 с.
6. Богданов И. Я. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты / И. Я. Богданов, А. П. Калинин. — Москва, 2001. — 240 с.
7. Васильчиков И. С. Преступления в сфере здравоохранения / И. С. Васильчиков. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. — 407 с.
8. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы / А. Н. Чашин. — Москва : Дело и сервис, 2009. — 208 с.
9. Куракин А. В. Государственная служба и коррупция: монография / ред. Костенников М. В.: Московский университет МВД России; Российская таможенная академия. — Москва : Nota bene, 2009. — 328 с.
10. Магомедов К. О. Противодействие коррупции в системе государственной службы: учебное пособие / К. О. Магомедов, Б. Т. Пономаренко, П. А. Лобанов. — Курск : Академия госслужбы, 2011. — 265 с.

Противодействие коррупции в системе государственной и муниципальной службы

Сагитова Раиса Юрьевна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются ключевые направления и механизмы противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы. Анализируются причины коррупционных проявлений, современные антикоррупционные меры, а также законодательные и организационные подходы к формированию устойчивой антикоррупционной среды.

Особое внимание уделяется вопросам повышения прозрачности, внедрения электронных инструментов контроля, усиления ответственности и повышения правовой культуры служащих.

Приводятся рекомендации по совершенствованию существующих практик и нормативной базы в целях повышения эффективности государственного управления и укрепления доверия общества к государственным институтам.

Ключевые слова: коррупция, государственная и муниципальная служба, противодействие, мера.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция — это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [3].

Государственная и муниципальная служба — специфический социально-правовой институт, который реализуется в аппаратной деятельности работников государственных и муниципальных органов и без которого невозможно не только нормальное функционирование, но и само существование государства.

Коррупция остается одной из наиболее острых социальных проблем современного общества: она разрушает как экономические, так и нравственные основы государства, подрывает доверие со стороны граждан и существенно препятствует комплексному развитию страны. Распространенность коррупционных явлений негативно сказывается на качестве предоставления государственных и муниципальных услуг, замедляет темпы модернизации, создает атмосферу безнаказанности и несправедливости,

а также снижает конкурентоспособность национальной экономики.

Особую угрозу коррупция приобретает именно в системе государственной и муниципальной службы, где любой случай недобросовестного выполнения служебных обязанностей чиновником приводит не только к потере эффективности управления, но и дискредитирует систему власти в целом. Это выражается в том, что решения принимаются не на основании закона и общественных интересов, а исходя из личной выгоды, что порождает кумовство, выстраивание теневых схем распределения ресурсов и деформацию системы государственной службы. Поэтому выстраивание целостной и эффективной государственной антикоррупционной политики является стратегически важным направлением для укрепления правопорядка, повышения доверия граждан к институтам власти и создания условий для устойчивого развития общества.

Коррупция в органах государственной и муниципальной власти может принимать самые разные формы. К наиболее распространенным относятся:

— взятничество — получение должностными лицами материальных выгод или иных благ за совершение или несовершение действий в интересах дающего;

— злоупотребление служебным положением — использование должностных полномочий в личных целях, противоречащих интересам службы;

— коммерческий подкуп — предоставление преимуществ или материальных благ сотрудникам для получения выгод по службе;

— конфликт интересов — ситуации, когда служебные обязанности пересекаются с личной выгодой, влияя на принятие решений;

— откаты и нецелевое использование бюджетных средств — хищение и неэффективное расходование ресурсов в сфере государственных закупок, строительства, капитального ремонта и других сферах освоения бюджетных средств.

К факторам, способствующим распространению коррупции, относятся:

— несовершенство законодательства: наличие пробелов и противоречий в правовых актах, позволяющих обходить нормы и избегать ответственности;

— недостаточная прозрачность работы органов власти: невозможность для граждан и общественных организаций контролировать деятельность чиновников;

— низкий уровень правовой культуры: отсутствие прочных моральных и этических ориентиров, недостаточное осознание гражданами и служащими собственной ответственности перед обществом;

— отсутствие эффективного общественного контроля: слабое развитие гражданского общества, низкая активность некоммерческих организаций и СМИ;

— слабость института ответственности и неотвратимости наказания: случаи, когда даже серьезные коррупционные правонарушения не влекут за собой должной меры ответственности.

В Российской Федерации реализуется многокомпонентная и поэтапная система противодействия коррупции:

— законодательство. Ключевым актом является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который определяет основные определения, принципы и меры борьбы с коррупционными правонарушениями. Дополнительно в действие введено множество подзаконных актов, направленных на профилактику, предупреждение и пресечение коррупционных деяний;

— специальные органы. Работа по противодействию коррупции возложена на широкий круг государственных структур: прокуратуру, Следственный комитет, подразделения ФСБ, а также внутренние контрольно-ревизионные службы в органах власти и муниципалитетах. Деятельность этих органов направлена как на профилактику, так и на выявление коррупции и привлечение виновных лиц к ответственности.

Принципы и меры:

— контроль доходов, расходов и имущества служащих, регулярное декларирование сведений;

— обязательное декларирование интересов, предотвращение и урегулирование конфликта интересов;

— проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов;

— повышение прозрачности деятельности государственных органов и открытости информации;

— обеспечение неотвратимости наказания в случае выявления коррупционной деятельности, повышающее дисциплину и снижающее риск рецидива;

— обучение сотрудников стандартам служебного поведения, проведение профилактических лекций и тренингов по этике.

В таблице 1 представлены механизмы и практические меры противодействия коррупции.

Таблица 1. Механизмы и практические меры противодействия коррупции

Направление	Пример реализации
Профилактика	Разработка кодексов этики государственных и муниципальных служащих
Контроль	Проведение антикоррупционных проверок, мониторинг деклараций
Общественная роль	Обеспечение доступа граждан к публичной информации, вовлечение общественных организаций
Ответственность	Применение дисциплинарных, административных и уголовных мер
Цифровизация	Внедрение электронного документооборота и автоматизированных сервисов

Несмотря на серьезные усилия, в реализации антикоррупционной политики по-прежнему сохраняются значительные вызовы:

— формализм при проведении проверок — использование проверочных процедур исключительно для галочки, без реального анализа причин и последствий нарушений;

— недостаточная мотивация к выявлению и пресечению коррупции — нежелание чиновников выносить сор из избы, боязнь испортить отношения;

— сложности межведомственного взаимодействия — отсутствие четких регламентов сотрудничества органов контроля;

— низкий уровень доверия к механизмам защиты заявителей — боязнь преследования и отсутствия реальной анонимности для информаторов.

Для повышения эффективности противодействия коррупции необходимо:

— постоянно совершенствовать систему электронных государственных и муниципальных услуг, в том числе автоматизировать процессы контроля;

— развивать обратную связь с населением, поддерживать горячие линии, порталы для обращений и жалоб;

— усиливать законодательные и практические меры по защите лиц, сообщающих о коррупции;

— внедрять новые цифровые инструменты контроля и анализа деятельности чиновников;

— обеспечивать прозрачность всех этапов государственных и муниципальных закупок, публично раскрывать данные о расходовании бюджета.

Преодоление коррупции невозможно достичь за счет разовых акций или административных кампаний. Это исключительно системная задача, требующая слаженной, последовательной и комплексной работы как властей, так и общества в целом.

Неотъемлемой частью успеха должны стать высокая правовая культура, безусловное следование этическим стандартам, открытость и прозрачность деятельности

государственных и муниципальных служащих, а также реальная ответственность за допущенные нарушения. Только в этом случае можно говорить о возрождении доверия граждан к власти и построении эффективной системы государственного и муниципального управления.

Таким образом, коррупция в системе государственной и муниципальной службы в России — это злоупотребление должностными полномочиями, ведущее к личной выгоде или обогащению лица, занимающего должность в государственных или муниципальных органах. Коррупция в данной системе может проявляться различными способами, такими как взяточничество, мошенничество, злоупотребление властью, присвоение государственного имущества и другими.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный Интернет-портал правовой информации : [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 25.05.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.05.2026).
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 08.08.2024) // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.05.2026).
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 30.09.2024) // Консультант-Плюс : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (дата обращения: 25.05.2026).
5. Богданов, Б. С. Противодействие коррупции в системе государственной и муниципальной службы / Б. С. Богданов // Молодой ученый. — 2024. — № 33 (532). — С. 20–22.
6. Братановский, С. Н. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе как объект антикоррупционного контроля / С. Н. Братановский, М. Ф. Зеленев // Государство и право. — 2012. — № 6. — С. 16–23.
7. Братановский, С. Н. Виды и особенности мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе / С. Н. Братановский, М. Ф. Зеленев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 2. — С. 34–39.
8. Соловьев, А. В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления: учебное пособие / А. В. Соловьев. — Москва : Проспект, 2018. — 256 с.
9. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. — Москва : ИД «Юриспруденция», 2014. — 688 с.
10. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации / Т. Я. Хабриева, А. М. Цирин, Л. В. Андриченко. — Москва : Проспект, 2019. — 224 с.
11. Ратников, Г. В. Коррупция в системе государственного и муниципального управления и возможности противодействия ей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2008. — № 4. — С. 6–10.
12. Сидоркина, О. А. К вопросу о причинах коррупции в системе государственной гражданской службы // Молодой ученый. — 2019. — № 40 (278). — С. 137–139.
13. Шурыгин, Ф. Ф. Проблема толкования термина «коррупция»: особенности отечественных и зарубежных подходов // Молодой ученый. — 2020. — № 26 (316). — С. 198–201.

Дополнительные работы по договору строительного подряда: пределы права подрядчика на оплату

Салтыков Павел Петрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена вопросу о том, при каких условиях подрядчик, выполнивший работы сверх согласованного объема, вправе получить оплату таких работ. Конструкция пунктов 3–5 статьи 743 ГК РФ соотносится с правилами

о твердой цене и с запретом произвольного изменения цены государственного контракта, действие названных норм показано на определениях Верховного Суда РФ 2022–2026 годов. Основной вывод: суды перешли от формальной проверки наличия дополнительного соглашения к содержательной оценке согласия заказчика и технологической необходимости работ. Предложены три изменения — в статью 743 ГК РФ, в статью 95 Федерального закона № 44-ФЗ и в разъяснительную практику высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: договор строительного подряда, государственный контракт, твердая цена, дополнительные работы, согласие заказчика, неосновательное обогащение, судебная практика.

Additional work under the construction contract: the limits of the contractor's right to pay

The article addresses the question of when a contractor who has performed work beyond the agreed scope is entitled to payment. Paragraphs 3–5 of Article 743 of the Russian Civil Code are correlated with the rules on a fixed contract price and with the prohibition of arbitrary modification of a public contract price, and their operation is shown through the rulings of the Supreme Court of the Russian Federation of 2022–2026. The courts have moved from a formal check for a supplementary agreement to a substantive assessment of the client's consent and of the technological necessity of the work. Three amendments are proposed.

Keywords: construction contract, public contract, fixed price, additional works, client's consent, unjust enrichment, judicial practice.

Спор об оплате дополнительных работ — самый частый сюжет строительного подряда. Проект почти никогда не описывает объект исчерпывающе, и подрядчик, столкнувшись на площадке с непредвиденным, выбирает между остановкой ради согласования и продолжением работ с расчетом разобраться с оплатой позже. Второй вариант удобнее технологически и опаснее юридически. Предмет договора, как указывает В. В. Сеничкина, охватывает и процесс выполнения работ, и ошеломленный результат [6, с. 133], поэтому такое расхождение затрагивает оба компонента предмета.

Законодатель предложил решение, на первый взгляд исчерпывающее. Пункт 3 статьи 743 ГК РФ [1] обязывает подрядчика, обнаружившего неучтенные в технической документации работы, сообщить об этом заказчику; пункт 4 лишает подрядчика, не выполнившего эту обязанность, права требовать оплаты; пункт 5 позволяет заказчику отказать от оплаты при недоказанности необходимости работ. Проблема в том, что закон молчит о главном — о том, что считать согласием заказчика. Практика заполняла пробел непоследовательно: одни суды считали достаточным подписание акта КС-2, другие требовали дополнительного соглашения независимо от того, принят ли результат, третьи применяли институт неосновательного обогащения.

Перелом наметился в определении Верховного Суда РФ от 10 января 2022 года № 308-ЭС21–26268 по делу № А32–14248/2021 [8]: подтверждением одобрения заказчиком увеличения стоимости может быть только явное и утвердительное согласие на изменение сметной стоимости контракта. Молчание, осведомленность о ходе работ, присутствие представителя заказчика на площадке перестали работать как заменитель согласия. В определении от 4 декабря 2023 года № 310-ЭС23–12815 по делу № А68–9505/2020 [9] коллегия назвала три обстоятельства, подлежащие установлению: объективная непредвидимость

работ при заключении контракта, технологическая необходимость работ для завершения цикла, согласие заказчика на изменение цены в пределах, допускаемых законодательством о закупках. Связка двух определений принципиальна тем, что сменился предмет доказывания: ранее подрядчик доказывал выполнение и приемку работ, теперь — непредвидимость работ и прямое согласие заказчика на увеличение цены.

Возникает конфликт с правилами о цене. Пункт 6 статьи 709 ГК РФ разрешает требовать увеличения твердой цены при непредвидимом существенном возрастании стоимости материалов, однако критерий существенности законом не определен и толкуется судами сдержанно; Е. В. Ланьи указывает, что для строительного подряда законодатель ориентируется на десятипроцентный порог, тогда как в остальных подрядных отношениях подобного ориентира нет [5, с. 343]. В публичных закупках ситуация жестче: пункт 1 части 1 статьи 95 Закона № 44-ФЗ допускает изменение цены не более чем на десять процентов и только при пропорциональном изменении объема работ, что, как отмечает В. Д. Яблонский, рассогласовано с общими положениями гражданского законодательства о договоре [7, с. 142]. Обратная сторона очевидна: объект, построенный с отступлением от проекта, поступает в публичную собственность и эксплуатируется, а подрядчик остается без оплаты.

Между полной оплатой фактически выполненных работ и полным отказом в оплате есть промежуточное решение — дифференциация дополнительных работ по критерию технологической неизбежности. Работы, без которых объект не может быть завершен или введен в эксплуатацию (вскрытые дефекты основания, скрытые коммуникации, отступления фактической геологии от изысканий), отличаются от работ, улучшающих объект по инициативе сторон. Первая группа конкурентного пре-

имущества не создает: подрядчик такие работы не выполнял. Вторая группа — предмет нового контракта.

Практика уже нащупывает это различие, хотя и неявно. В определении от 3 июня 2025 года № 305-ЭС24-23946 по делу № А40-282802/2023 [11] отказ во взыскании со ссылкой на непредставление документов, не предусмотренных договором, признан ограничением доступа к правосудию, а повышенный стандарт доказывания — применимым лишь при признаках аффилированности или вывода активов; спор возник в субподрядных отношениях, где, как показывает О. А. Ковалева, ответственность генподрядчика не тождественна ответственности субподрядчика [4, с. 292]. Схожая идея видна в определении от 23 августа 2024 года № 305-ЭС24-8727 по делу № А40-237271/2021 [10]: способы защиты по статье 723 ГК РФ альтернативны, и одновременное применение двух из них возлагает на подрядчика двойное бремя. Общая линия — защита эквивалентности обмена без отмены договорной дисциплины.

Отдельного внимания заслуживает форма согласия заказчика. Конклюдентные формы практика не признает; для публичных закупок такой подход оправдан, для коммерческого подряда — нет. Переписка в согласованном канале, подписанный сторонами журнал производства работ, акт освидетельствования скрытых работ выражают волю достаточно определенно. Гарантйное письмо, как показывает А. В. Зайнетдинова, при наличии существенных условий способно выполнять роль оферты [3, с.

118], а уведомительная конструкция сочетается с информационной обязанностью подрядчика по статье 716 ГК РФ, исследованной А. В. Владыкиным [2, с. 99].

Предлагаются три изменения. Первое — дополнить статью 743 ГК РФ пунктом 6 следующего содержания: «Дополнительные работы, без выполнения которых невозможно завершение строительства объекта или ввод объекта в эксплуатацию, подлежат оплате заказчиком при условии, что подрядчик уведомил заказчика о необходимости выполнения таких работ и заказчик не заявил мотивированных возражений в течение десяти рабочих дней со дня получения уведомления». Второе — дополнить часть 1 статьи 95 Закона № 44-ФЗ основанием изменения цены контракта в виде выполнения технологически неизбежных дополнительных работ, подтвержденных заключением экспертизы, с сохранением десятипроцентного предела: экспертиза выполняет здесь ту же фильтрующую функцию, что и конкурентная процедура. Третье — обобщить накопленную с 2022 года практику в отдельном обзоре Верховного Суда РФ, поскольку действующее Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 года № 51 [12] отражает правовые реалии, которых больше нет.

Чем определеннее закон отвечает на вопрос о том, что считать согласием заказчика, тем меньше поводов доводить спор до суда. Пока цена неопределенности распределяется между сторонами случайным образом, и в этом главный дефект регулирования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Владыкин, А. В. Пределы и зона ответственности подрядчика, осуществляющего строительные работы, по исследованию и установлению обстоятельств, указанных в статье 716 Гражданского кодекса РФ / А. В. Владыкин // Молодой ученый. — 2022. — № 44 (439). — С. 95–101.
3. Зайнетдинова, А. В. Гарантйное письмо в качестве оферты по договору подряда / А. В. Зайнетдинова // Молодой ученый. — 2022. — № 41 (436). — С. 117–119.
4. Ковалева, О. А. Правовые положения застройщика и заказчика, подрядчика и субподрядчика при исполнении договоров строительного подряда / О. А. Ковалева // Молодой ученый. — 2024. — № 45 (544). — С. 291–293.
5. Ланьи, Е. В. Актуальные вопросы изменения цены по договору подряда / Е. В. Ланьи // Молодой ученый. — 2021. — № 22 (364). — С. 342–344.
6. Сеничкина, В. В. К вопросу о предмете договора строительного подряда / В. В. Сеничкина // Молодой ученый. — 2022. — № 8 (403). — С. 131–134.
7. Яблонский, В. Д. Особенности изменения условий государственных контрактов / В. Д. Яблонский // Молодой ученый. — 2023. — № 12 (459). — С. 140–143.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.01.2022 № 308-ЭС21-26268 по делу № А32-14248/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.12.2023 № 310-ЭС23-12815 по делу № А68-9505/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.08.2024 № 305-ЭС24-8727 по делу № А40-237271/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2025 № 305-ЭС24-23946 по делу № А40-282802/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 3.

Квазисубъектность искусственного интеллекта как проблема судебного доказывания: анализ судебной практики 2020–2026 годов

Сергеева Варвара Викторовна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена анализу одной из наиболее острых проблем современного гражданского и арбитражного процесса — проблеме судебного доказывания в условиях, когда вред или юридически значимый результат создаётся системами искусственного интеллекта, не обладающими правосубъектностью. Автор вводит понятие «квазисубъектности» ИИ, под которой понимается признание за технической системой отдельных элементов правосубъектности при сохранении ответственности за человеком. На основе анализа зарубежной и российской судебной практики 2020–2026 годов выявлены ключевые проблемы доказывания: непрозрачность алгоритмов, сложность определения надлежащего ответчика, проблемы аутентификации ИИ-доказательств и распределения бремени доказывания. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления презумпции ответственности владельца ИИ и разработки специальных процессуальных правил для оценки доказательств, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, квазисубъект права, судебное доказывание, гражданский процесс, деликтная ответственность, источники повышенной опасности, электронный агент, дипфейк, метаданные.

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) привело к появлению общественных отношений, которые не укладываются в традиционные правовые конструкции. Системы ИИ всё чаще выступают в качестве активных участников гражданского оборота: беспилотные автомобили становятся причиной дорожно-транспортных происшествий [7], медицинские ИИ-системы допускают диагностические ошибки, генеративные нейросети создают произведения, вызывающие споры об авторстве, а чат-боты и голосовые помощники вступают в коммуникацию с потребителями.

Однако, как отмечается в доктрине, «применение цифровых технологий с использованием искусственного интеллекта на современном уровне его развития не означает появления новых общественных отношений, качественно отличающихся от существующих» [11]. Иными словами, право имеет дело с уже известными отношениями (причинение вреда, авторство, договор), но осложнёнными новым «технологическим посредником».

Эта ситуация порождает фундаментальный вопрос: кто должен нести ответственность за действия ИИ, если сам ИИ не является субъектом права? В доктрине сформировалось несколько подходов: от признания ИИ объектом права с особым режимом до концепции «электронного агента» как квазисубъекта [7; 8; 10]. Однако все они сталкиваются с одной и той же проблемой — **проблемой судебного доказывания**. Как доказать, что вред причинён именно действиями ИИ? Как аутентифицировать доказательство, созданное ИИ? Кто должен доказывать отсутствие вины? Ответы на эти вопросы пока не даны ни законодателем, ни высшими судебными инстанциями.

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации судебная практика по спорам, связанным с использованием систем искусственного интеллекта, только начинает формироваться. В этой связи анализ зарубежной практики (США, Англия) приобретает особое значение: он позволяет не только осмыслить уже накопленный опыт, но и спрогнозировать те проблемы, с которыми российская правовая система столкнётся в ближайшем будущем. Кроме того, первые российские дела уже демонстрируют те же проблемы, которые обсуждаются в зарубежной доктрине.

Цель настоящей статьи — на основе анализа судебной практики 2020–2026 годов [2; 3; 4; 5; 6; 12; 13; 14] выявить ключевые проблемы судебного доказывания, связанные с квазисубъектностью ИИ, и предложить пути их решения. Для достижения этой цели решаются три задачи: (1) уточнение понятия квазисубъектности применительно к ИИ; (2) анализ конкретных судебных дел, в которых возникали проблемы доказывания; (3) формулирование предложений по совершенствованию процессуального законодательства.

Основная часть

1. Понятие квазисубъектности ИИ

Под квазисубъектностью в настоящей работе понимается признание за системой искусственного интеллекта отдельных элементов правосубъектности при сохранении ответственности за человеком. Как отмечает С. Е. Чаннов, квазисубъект права — это «определённое правовое явление, за которым на официальном либо доктринальном уровне признаются отдельные элементы правосубъектности при невозможности закрепления статуса полноценного субъекта».

екта права» [10, с. 96]. Именно такая модель — «электронный агент» — представляется наиболее реалистичной для современного этапа развития технологий и права [7].

Однако квазисубъектность порождает специфическую процессуальную проблему. В классическом гражданском процессе субъект права (истец, ответчик, третье лицо) обладает волей, способностью осознать свои действия и нести за них ответственность. ИИ этими качествами не обладает. Следовательно, при рассмотрении споров с участием ИИ возникает разрыв между **фактическим причинителем вреда** (системой ИИ) и **юридически ответственным лицом** (владельцем, разработчиком, пользователем). Этот разрыв и создаёт основные сложности доказывания.

2. Анализ зарубежной судебной практики 2020–2026 годов

2.1. Дело *Molander v. Tesla, Inc.* (США, 2023): проблема определения причины аварии

В 2019 году автомобиль Tesla Model 3, управляемый Микой Ли с активированным автопилотом, съехал с шоссе и врезался в пальму. Водитель погиб, двое пассажиров получили травмы. Истцы утверждали, что причиной аварии стал дефект автопилота, и требовали \$400 млн. Tesla настаивала на человеческой ошибке, ссылаясь на наличие алкоголя в крови водителя и невозможность достоверно установить, был ли автопилот включён в момент аварии [2].

Присяжные большинством голосов (9–3) признали, что причиной аварии стала человеческая ошибка, а не дефект автопилота [2]. Это дело иллюстрирует ключевую проблему доказывания: **непрозрачность алгоритмов** не позволяет однозначно установить, что именно стало причиной аварии — действие ИИ или действие человека. Кроме того, в деле отсутствовали надёжные данные о состоянии системы в момент аварии, что создало «неустранимые сомнения», которые в американском процессе были истолкованы в пользу ответчика.

2.2. Дело *EEOC v. iTutorGroup* (США, 2023): проблема алгоритмической дискриминации

Комиссия по равным возможностям трудоустройства США подала иск против iTutorGroup, утверждая, что компания запрограммировала своё программное обеспечение для автоматического отклонения заявок от женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет. Алгоритм отсеял более 200 квалифицированных соискателей [3].

Ключевым доказательством стала ситуация, когда одна из соискательниц подала заявку с реальной датой рождения и была отклонена, а на следующий день подала идентичную заявку с более поздней датой рождения и получила приглашение на собеседование [3]. Дело завершилось мировым соглашением: компания выплатила \$365 000 и обязалась изменить алгоритмы [3].

Этот спор демонстрирует, как **алгоритмическая предвзятость** может быть доказана с помощью сравнительного анализа результатов обработки заявок.

2.3. Дело *Williams v. City of Detroit* (США, 2020–2024): проблема ошибки системы распознавания лиц

В январе 2020 года полиция Детройта арестовала Роберта Уильямса на основании того, что система распознавания лиц сопоставила запись с камер с его фотографией. Уильямс провёл 30 часов в участке, пока не выяснилось, что он не имеет отношения к преступлению [4].

Дело завершилось мировым соглашением, в рамках которого полиция Детройта обязалась принять новую директиву, запрещающую арест на основании исключительно результата распознавания лиц [4]. Этот кейс иллюстрирует проблему **аутентификации доказательств, созданных ИИ**: результат работы алгоритма не является доказательством вины, а лишь вероятностной оценкой, требующей независимого подтверждения.

2.4. Дело *Mendones v. Cushman & Wakefield* (США, 2025): проблема дипфейков как доказательств

Истцы представили в суд видеозаписи свидетельских показаний, которые, как установил суд, были созданы с помощью генеративного ИИ. Судья сравнила эти записи с реальной видеозаписью той же свидетельницы и обнаружила характерные признаки дипфейка: монотонный голос, отсутствие мимики, несоответствие движений губ произносимым словам. Метаданные файлов показали, что видео якобы было записано на iPhone 6 Plus, который технически не поддерживает функции генеративного ИИ [5].

Суд применил самую строгую санкцию — окончательное прекращение производства по делу, лишаящее истцов права на повторное обращение в суд с тем же иском [5]. Этот кейс демонстрирует новую проблему: **доказательства, созданные ИИ, могут быть представлены как подлинные**, а традиционные методы проверки не всегда позволяют выявить подделку.

2.5. Дело *Garfield AI* (Англия, 2026): проблема допустимости ИИ-подготовленных документов

В 2026 году впервые в истории английского правосудия было выиграно дело, подготовленное ИИ-юридической фирмой Garfield AI. ИИ провёл всю досудебную работу: составил иск, ответ на встречный иск, подготовил четыре свидетельских показания и судебное досье. В суде интересы истицы представлял адвокат [6].

Судья не сделала никаких замечаний по поводу использования ИИ, поскольку документы были поданы регулируемой фирмой, несущей ответственность за их содержание [6]. Это дело иллюстрирует **функциональный подход** к квазисубъектности: ИИ выполняет содержа-

тельную юридическую работу, но ответственность за неё несёт лицензированный профессионал.

3. Анализ российской судебной практики

3.1. Дело Позднякова (Россия, 2025–2026): проблема творческого вклада

В отличие от США и Англии, где судебная практика по спорам с использованием ИИ уже достаточно обширна, в России она только начинает формироваться. Однако первые дела уже демонстрируют те же проблемы, которые обсуждаются в зарубежной доктрине.

Показательным является дело дизайнера А. Д. Позднякова, рассмотренное Пресненским районным судом г. Москвы [12]. Истец создал изображения «Джоконда с вином» и «Статуя Свободы с вином», переработав с помощью программы Photoshop купленные в интернете фотографии. Ответчик использовал эти изображения на своей продукции без согласия истца.

Суд первой инстанции отказал в иске, указав, что объекты «не носят творческого характера, являются работой генеративного искусственного интеллекта». Суд подчеркнул, что «дача команд для искусственного интеллекта представляет собой простые механические действия, носит исключительно технический характер», а вклад истца «ограничивается уточнением команд, что не считается творчеством» [12].

Однако апелляционная инстанция (Московский городской суд) отменила это решение и взыскала с ответчика компенсацию, подтвердив авторство дизайнера [12]. Таким образом, Мосгорсуд признал, что человек может быть автором произведения, созданного с использованием нейросети как инструмента, если его творческий вклад был существенным.

Это дело иллюстрирует ключевую проблему: при использовании ИИ граница между «техническим действием» и «творческим вкладом» размывается. Суды первой и апелляционной инстанций пришли к противоположным выводам, что свидетельствует об отсутствии единого подхода. Кроме того, дело демонстрирует сложность доказывания творческого характера.

3.2. Дело «Рефейс технолджис» против «Бизнес-аналитика» (Россия, 2023–2024): проблема Deepfake как инструмента

Вторым российским кейсом является дело № А40–200471/2023, рассмотренное Арбитражным судом города Москвы [13]. Истец (ООО «Рефейс технолджис») являлся правообладателем видеоролика, созданного группой авторов — сценаристом, видеооператором, моушн-дизайнером и актёром. Ответчик (ООО «Бизнес-аналитика») использовал этот видеоролик в рекламных целях без согласия правообладателя.

Возражая против иска, ответчик заявил, что видеоролик не является объектом авторского права, поскольку

при его создании использовалась технология Deepfake. Суд отклонил этот довод, указав, что **«технология Deepfake — это дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способ их создания»** [13]. Суд подчеркнул, что группа лиц, обеспечившая написание сценария, видеосъёмку и аудиосопровождение, внесла личный творческий вклад в создание видеоролика и признаётся его авторами [13].

Решение было оставлено без изменения апелляционной и кассационной инстанциями [13]. Этот спор иллюстрирует **функциональный подход** к ИИ-технологиям: Deepfake рассматривается как инструмент, а не как самостоятельный создатель произведения.

3.3. Дело «Стоматологический центр «Жемчужина» (Россия, 2023–2024): проблема аутентификации

Показательным является дело № А42–3966/2023, рассмотренное Арбитражным судом Мурманской области и Тринадцатым арбитражным апелляционным судом [14]. Истец взыскивал компенсацию за нарушение исключительного права на фотографическое произведение «Row tooth and implant» (изображение импланта и зубов человека), созданное фотографом Кочелаевским В. Г.

Ответчик возражал против иска, указывая, что спорное изображение «сгенерировано через нейросеть (искусственный интеллект), в связи с чем не может быть признано объектом авторского права» [14]. Апелляционный суд отклонил этот довод как необоснованный, поскольку истец представил **исходный 3D-файл в формате BLEND**, который имеется только у автора изображения. Только автор, обладающий исходным файлом 3D-модели, мог преобразовать его в JPG с разрешением 7500×6000 пикселей [14].

Это дело демонстрирует проблему **аутентификации доказательств**, созданных с использованием ИИ: как доказать, что произведение создано человеком, а не нейросетью? Ответ: через исходные файлы и метаданные. Суд признал, что наличие исходного файла у автора является достаточным доказательством его творческого вклада.

4. Обобщение проблем доказывания

Анализ рассмотренных дел [2; 3; 4; 5; 6; 12; 13; 14] позволяет выделить четыре ключевые проблемы судебного доказывания, связанные с квазисубъектностью ИИ.

4.1. Проблема причинно-следственной связи. В делах с участием ИИ установить причинно-следственную связь между действием системы и наступившим вредом крайне сложно из-за непрозрачности алгоритмов [2; 5]. Суды вынуждены полагаться на косвенные доказательства и экспертные заключения, которые не всегда дают однозначный ответ.

4.2. Проблема определения надлежащего ответчика. В спорах с участием ИИ круг потенциальных ответчиков широк: разработчик, производитель, владелец, пользо-

ватель [3; 6]. Разграничение их ответственности требует сложного анализа, который не всегда под силу суду без специальных познаний [8, с. 108]. Как отмечает И. В. Самылов, применение правосстановительных мер к искусственным образованиям вполне допустимо, поскольку главная цель такой ответственности — компенсация вреда потерпевшему [9, с. 96].

4.3. Проблема аутентификации ИИ-доказательств. Доказательства, созданные с помощью ИИ, могут быть представлены как подлинные [5]. Существующие методы проверки (метаданные, экспертиза) не всегда позволяют выявить подделку [5]. В то же время российское дело «Стоматологический центр «Жемчужина»» демонстрирует, что исходные файлы могут служить надёжным доказательством человеческого авторства [14].

4.4. Проблема распределения бремени доказывания. В условиях, когда ИИ непрозрачен, традиционное распределение бремени доказывания становится неэффективным [2; 3]. Истец часто лишён возможности доказать, что именно ИИ стал причиной вреда.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, квазисубъектность ИИ создаёт фундаментальные проблемы для судебного доказывания, связанные с непрозрачностью алгоритмов, сложностью определения надлежащего ответчика и аутентификацией ИИ-доказательств [2; 3; 4; 5; 6; 12; 13; 14].

Во-вторых, существующая судебная практика демонстрирует, что суды вынуждены вырабатывать подходы к этим проблемам «на ходу», без чётких законодательных ориентиров [4; 5; 12]. Это приводит к отсутствию единообразия правоприменения и создаёт риски для всех участников процесса.

В-третьих, представляется необходимым законодательное закрепление следующих положений:

Презумпция ответственности владельца ИИ за вред, причинённый системой, с возможностью регресса к разработчику или иным лицам, чья вина будет доказана [8, с. 108]. Альтернативой может стать признание ограниченной деликтоспособности ИИ как квазисубъекта с формированием компенсационных фондов [9, с. 96].

Развитие положений п. 42 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 21 мая 2026 года, предусматривающих обязанность раскрытия использования ИИ при подготовке доказательств, путём дополнения их специальными правилами проверки достоверности таких доказательств (обязательная проверка метаданных, возможность назначения технической экспертизы) [1].

Специальные процессуальные правила для оценки доказательств, созданных с использованием ИИ, включая обязательную проверку метаданных и возможность назначения технической экспертизы [5; 14].

В-четвёртых, необходимо дальнейшее развитие концепции «электронного агента» как квазисубъекта права, что позволит более чётко определить границы ответственности человека за действия ИИ [7, с. 376–377; 10, с. 96].

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. — 2026.
2. Molander v. Tesla, Inc., Case No. RIC2002469, Superior Court of California, County of Riverside (Jury Verdict, Oct. 31, 2023).
3. EEOC v. iTutorGroup, Inc., Case No. 1:22-cv-2565-PKC-PK, U. S. District Court, Eastern District of New York (Consent Decree, Aug. 9, 2023).
4. Williams v. City of Detroit, Case No. 21-10827, U. S. District Court, Eastern District of Michigan (Settlement Agreement, June 28, 2024).
5. Mendones v. Cushman & Wakefield, Inc., Case No. 23CV028772, Superior Court of California, County of Alameda (Order re Terminating Sanctions, Sept. 9, 2025).
6. Garfield AI: First court case win for AI-powered law firm // Legal Futures. — 2026. — June 23.
7. Филипова И. А., Коротеев В. Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1, № 2. — С. 359–386.
8. Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // Ex jure. — 2025. — № 1. — С. 98–112.
9. Самылов И. В. Теоретические вопросы деликтоспособности систем искусственного интеллекта // Ex jure. — 2024. — № 2. — С. 89–99.
10. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 12. — С. 94–109.
11. Иванов А. А. «Искусственный интеллект» и проблема субъекта правоотношения // Теология. Философия. Право. — 2023. — № 1 (19). — С. 43–51.
12. Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 13 ноября 2025 г. по делу № 02-4220/2025 (мотивированное решение от 19 марта 2026 г.); Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-33231/2026.

13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 ноября 2023 г. по делу № А40–200471/2023; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08 апреля 2024 г.; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 августа 2024 г.
14. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 28 сентября 2023 г. по делу № А42–3966/2023; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06 февраля 2024 г.
15. Abbott R. *The Reasonable Robot. Artificial Intelligence and the Law.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2020. — 156 p.
16. Bertolini A., Episcopo F. *Robots and AI as Legal Subjects? Disentangling the Ontological and Functional Perspective* // *Frontiers in Robotics and AI.* — 2022. — Vol. 9. — Art. 842213.
17. Chesterman S. *Artificial Intelligence and the Limits of Legal Personality* // *International & Comparative Law Quarterly.* — 2020. — Vol. 69. — P. 819–844.
18. Mocanu D. M. *Gradient Legal Personhood for AI Systems — Painting Continental Legal Shapes Made to Fit Analytical Molds* // *Frontiers in Robotics and AI.* — 2021. — Vol. 8. — Art. 788179.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (641) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 30.09.2026. Дата выхода в свет: 07.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.